

ISSN 2072-8522
ISSN (online) 2310-7278

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия *Русская филология*

ДИМИНУТИВ И СЕМАНТИКА СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО:
ЛЕКСИКА ВРЕМЕНИ

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ СЛОВА *ЛОД* В РАННИХ ОЧЕРКАХ
Н.С. ЛЕСКОВА

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АСПЕКТ
«ИЗОБРЕТЁННОГО ВОСПРИЯТИЯ»
В СБОРНИКЕ «НИЗИНЫ» ГЕРТЫ МЮЛЛЕР

РАССКАЗ А.П. ЧЕХОВА «КОШМАР»
В СВЕТЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
БИБЛЕЙСКИХ СЮЖЕТОВ

2018 / № 1

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8522 (print)

2018 / № 1

ISSN 2310-7278 (online)

серия

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по Филологическим наукам: группы специальностей Литературоведение (10.01.00) и Языкознание (10.02.00).

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into "the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree" (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Philological Sciences: Literary Studies (10.01.00) and Linguistics (10.02.00).

ISSN 2072-8522 (print)

2018 / № 1

ISSN 2310-7278 (online)

series

RUSSIAN PHILOLOGY

BULLETIN
OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Редакционно-издательский совет «Вестника Московского государственного областного университета»

Хроменков П.Н. — к.филол.н., проф., ректор Московского государственного областного университета (председатель совета)

Ефремова Е.С. — к. филол. н., начальник Информационно-издательского управления Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Клычников В.М. — к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Антонова Л.Н. — д.пед.н., академик РАО, Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре

Асмолов А.Г. — д.псих.н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования

Климов С.Н. — д.ф.н., проф., Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)

Клобуков Е.В. — д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Манойло А.В. — д.пол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Новоселов А.Л. — д.э.н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Пасечник В.В. — д.пед.н., проф., Московский государственный областной университет

Поляков Ю.М. — к. филол. н., главный редактор «Литературной газеты»

Рюмцев Е.И. — д.ф.-м.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Хухун Г.Т. — д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет

Чистякова С.Н. — д. пед. н., проф., член-корр. РАО

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2018. — № 1. — 120 с.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26173

**Индекс серии «Русская филология»
по Объединенному каталогу «Пресса России» 40718**

© МГОУ, 2018.

© ИИУ МГОУ, 2018.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного
областного университета»**

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Редакционная коллегия серии «Русская филология»

Ответственный редактор серии:

Лекант П.А. — д.филол.н., проф., МГОУ

Заместитель ответственного редактора серии:

Шаповалова Т.Е. — д.филол.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Самсонов Н.Б. — к.филол.н., доц., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Аврамова В.Н. — доктор филологии, проф., Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского (Болгария);

Алексеева Л.Ф. — д.филол.н., проф., МГОУ; **Аношкина В.Н.** — д.филол.н., заслуженный деятель науки Российской Федерации, проф., МГОУ; **Воропаев В.А.** — д.филол.н., проф., МГУ имени М.В. Ломоносова; **Гусман Т.Р.** — д.филол.н., проф., Гранадский университет (Испания); **Киселёва И.А.** — д.филол.н., доц., МГОУ; **Колларова Э.** — д. философии, проф., Католический университет в Ружомберке (Словакия);

Копосов Л.Ф. — д.филол.н., проф., МГОУ; **Леденёва В.В.** — д.филол.н., проф., МГОУ; **Моторин А.В.** — д.филол.н., проф., Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; **Нагорный И.А.** — д.филол.н., проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет; **Норман Б.Ю.** — д.филол.н., проф., Белорусский государственный университет (Беларусь); **Петров А.В.** — д.филол.н., проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск); **Рацибурская Л.В.** — д.филол.н., проф., Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского; **Супрун В.И.** — д.филол.н., проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет; **Титаренко Е.Я.** — д.филол.н., доц., Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского; **Шаталова О.В.** — д.филол.н., проф., МГОУ; **Шеншина В.А.** — д.филол.н., науч. сотр., Хельсинский университет (Финляндия).

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University»:

Moscow Region State University

— Issued 5 times a year —

Series editorial board «Russian philology»

Editor-in-chief:

P.A. Lecant – Doctor of Philology, Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

T.Ye. Shapovalova – Doctor of Philology, Professor, MRSU

Executive secretary of the series:

N.B. Samsonov – Ph.D. in Philology Sciences, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

V.N. Avramova – Doctor of Philology, Professor, University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria); **L.F. Alekseyeva** – Doctor of Philology, Professor, MRSU; **V.N. Anoshkina** – Doctor of Philology, honored science worker of the Russian Federation, Professor, MRSU; **V.A. Voropayev** – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University; **R. Guzmán Tirado** – Doctor of Philology, Professor, University of Granada (Spain); **I.A. Kiseleva** – Doctor of Philology, Associate Professor, MRSU; **E. Kollarova** – Doctor of Philosophy, Professor, Catholic University in Ruzomberok (Slovakia); **L.F. Koposov** – Doctor of Philology, Professor, MRSU; **V.V. Ledeneva** – Doctor of Philology, Professor, MRSU; **A.V. Motorin** – Doctor of Philology, Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University; **I.A. Nagorny** – Doctor of Philology, Professor, Belgorod State National Research University; **B.Yu. Norman** – Doctor of Philology, Professor, Belorussian State University (Belarus); **A.V. Petrov** – Doctor of Philology, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk); **L.V. Ratsiburskaya** – Doctor of Philology, Professor, N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; **V.I. Suprun** – Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University; **E.Y. Titarenko** – Doctor of Philology, Associate Professor, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky; **O.V. Shatalova** – Doctor of Philology, Professor, MRSU; **V.A. Shenshina** – Doctor of Philology, Helsinki University (Finland)

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Publishing council «Bulletin of the Moscow Region State University»

P.N. Khromenkov – Ph.D. in Philology, Professor, Principal of MRSU (Chairman of the Council)

E.S. Yefremova – Ph.D. in Philology, Chef of information and editorial management of MRSU (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph.D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MRSU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Member of the Russian Academy of Education, The Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolov – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Railway Engineering

E.V. Klobukov – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjolov – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MRSU

Yu.M. Polyakov – Ph.D. in Philology, Editor-in-chief of «Literaturnaya Gazeta»

E.I. Rjuntsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University

G.T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, MRSU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology. – 2018. – № 1. – 120 p.

The series «Russian Philology» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С77-26173

Index series «Russian Philology» according to the union catalog «Press of Russia» 40718

© MRSU, 2018.

© Informational & Editorial Office of MRSU, 2018.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Антипова А.П. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЛОВА ЛОРД В РАННИХ ОЧЕРКАХ Н.С. ЛЕСКОВА.....	8
Згировская О.Г. КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В СЕМАНТИКЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ И ЕГО ФИКСАЦИЯ СРЕДСТВАМИ ЛЕКСИКОГРАФИИ (НА ПРИМЕРЕ СЛОВАРНЫХ СТАТЕЙ НА БУКВУ Ж «ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА» В.И. ДАЛЯ)	14
Савицкая Е.В. ВАРИАТИВНОСТЬ СМЫСЛОВОГО НАПОЛНЕНИЯ ПОНЯТИЯ «КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ЛАКУНА»	24
Фельдман Н.Б. О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ ЛЕКСИКИ АТОМНОЙ ОТРАСЛИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XXI ВЕКА.....	32
Цапалина О.В. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЖАРГОНИЗМОВ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ АКТЁРА И ЕГО ИГРУ.....	42
Шмелёва Т.В. ДИМИНУТИВ И СЕМАНТИКА СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО: ЛЕКСИКА ВРЕМЕНИ	50

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Гедзюк Е.А. РАССКАЗ А.П. ЧЕХОВА «КОШМАР» В СВЕТЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ БИБЛЕЙСКИХ СЮЖЕТОВ.....	58
Кеклюдже Н. ИНДИВИДУУМ И СЕМЬЯ В РАССКАЗЕ А.П. ЧЕХОВА «ИОНЫЧ» (К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ РОМАННОГО НАЧАЛА)	68
Кузнецов С.А. ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АСПЕКТ «ИЗОБРЕТЁННОГО ВОСПРИЯТИЯ» В СБОРНИКЕ «НИЗИНЫ» ГЕРТЫ МЮЛЛЕР.....	76
Михалева Е.С. ЦВЕТ КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ, УЧАСТВУЮЩИЙ В СОЗДАНИИ ОБРАЗА СТРАХА В РАССКАЗАХ АМБРОЗА БИРСА.....	84
Щербаков С.А. ПРИРОДНЫЕ ЛАНДШАФТЫ В ПОЭЗИИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА.....	94

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Щедрин Н.М. ВАЛЕНТИН ЕВГЕНЬЕВИЧ ХАЛИЗЕВ – ТЕОРЕТИК, УЧИТЕЛЬ-НАСТАВНИК.....	103
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

Аношкина В.Н. РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Т.К. БАТУРОВОЙ «ДУХОВНЫЕ ПОДВИЖНИКИ И РУССКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» (М.: ИИУ МГОУ, 2016. 244 С.).....	109
Александрова-Осокина О.Н. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Т.И. ГЛАДКИХ «ИННОКЕНТИЙ (ВЕНИАМИНОВ): УЧЁНЫЙ, ПЕДАГОГ, ПРОСВЕТИТЕЛЬ» (ХАБАРОВСК, 2016)	113

CONTENTS

SECTION I. LINGUISTICS

A. Antipova. FUNCTIONAL AND STYLISTIC ANALYSIS OF A WORD LORD IN THE EARLY ESSAYS BY LESKOV	8
O. Zgirovskaya. CULTURAL COMPONENT IN THE SEMANTICS OF LEXICAL UNITS AND ITS FIXATION BY MEANS OF LEXICOGRAPHY (ON THE EXAMPLES OF DICTIONARY ENTRIES (LETTER Ж) IN THE “EXPLANATORY DICTIONARY OF THE LIVING GREAT RUSSIAN LANGUAGE” OF V. DAHL).....	14
E. Savitskaya. SEMANTIC VARIABILITY OF THE NOTION “CONCEPTUAL LACUNA”	24
N. Feldman. ON THE FUNCTIONING OF THE THEMATIC GROUP OF LEXIS OF THE NUCLEAR INDUSTRY IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE 21 st CENTURY.....	32
O. Tsapalina. STRUCTURAL-SEMANTIC DISTINCTIVENESS OF THE JARGON, THAT CHARACTERIZES AN ACTOR AND HIS GAME	42
T. Shmeleva. DIMINUTIVE AND SEMANTICS OF NOUNS: LEXIS OF TIME	50

SECTION II. LITERARY STUDIES

E. Gedzyuk. A. CHEKHOV’S STORY «NIGHTMARE» AS A LITERARY TRANSFORMATION OF BIBLICAL PLOTS	58
N. Kokluce. SHORT STORY “IONYCH” (ON THE TRANSFORMATION OF THE NOVEL)	68
S. Kuznetsov. THE SPATIAL ASPECT OF THE “INVENTED PERCEPTION” IN THE SHORT STORIES COLLECTION “NADIRS” BY HERTA MÜLLER	76
E. Mikhaleva. COLOR AS A KEY ELEMENT IN CREATING IMAGE OF FEAR IN THE AMBROSE BIERCE’S SHORT STORIES	84
S. Shcherbakov. NATURAL LANDSCAPES IN THE POETRY BY NIKOLAY RUBTSOV	94

SCIENTIFIC LIFE

Shchedrina N.M. VALENTIN EVGENIEVICH KHALIZEV – THEORETICIAN, TEACHER-MENTOR.....	103
---	-----

REVIEW

- V. Anoshkina.** REVIEW OF T. BATUROVA'S MONOGRAPHY "SPIRITUAL ASCETICS AND THE RUSSIAN CLASSICAL LITERATURE" (MOSCOW, MRSU ED. OFF. PUBL., 2016. 244 P.)..... 109
- O. Alexandrova-Osokina.** REVIEW OF THE BOOK BY T. GLADKIKH «INNOKENTIY (VENIAMINOV): SCHOLAR. TEACHER. ENLIGHTENER» (KHABAROVSK, 2016)..... 113

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.161.1*37

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-8-13

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЛОВА *ЛОРД* В РАННИХ ОЧЕРКАХ Н.С. ЛЕСКОВА

Антипова А.П.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10А, Российская Федерация*

Аннотация. Автор исследования проводит семантико-стилистический анализ слова *лорд* в ранних публицистических произведениях Н.С. Лескова. Осуществляется сопоставление случаев использования лексической единицы в очерках этого периода, выявляются актуальные семы слова, их функциональная роль в авторском тексте, демонстрируется разнообразие использованных Лесковым стилистических приёмов. Особое внимание уделяется контекстуальному аспекту реализации значения слова с учётом своеобразия авторского идиостиля.

Ключевые слова: лексикология, публицистика, авторский стиль, лексема *лорд*, идиолект Н.С. Лескова.

FUNCTIONAL AND STYLISTIC ANALYSIS OF A WORD *LORD* IN THE EARLY ESSAYS BY LESKOV

A. Antipova

*Moscow Region State University
10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The author of this paper conducts a stylistic and semantic research of a word *lord* in the early journalistic works by Leskov and gives a comparison of examples from the early essays with revealing actual semes of the word with their functional role. Also, the author demonstrates various stylistic devices used by Leskov. Much attention is paid to the contextual aspect of the word meaning in consideration of the author's style.

Key words: lexicology, journalism, author's style, lexeme *lord*, Leskov works.

Разнообразие лексики русского языка является неиссякаемым источником для лингвистического анализа, а наличие в словарном составе заимствований, вошедших в употребление в разное время и при различных обстоятельствах, позволяют утверждать, что межъязыковые и межкультурные связи следует считать необходимым условием эволюции языка.

Заимствования из английского языка в творчестве Н.С. Лескова представляют особый интерес с точки зрения оценки их значимости для формирования авторского стиля. Они требуют функционально-стилистического и семантического анализа.

Говоря о Лескове как о писателе «шестидесятнического» склада, исследователи его творчества отмечают, что «у него – хорошее знание практической, повседневной, деловой русской жизни, у него – темперамент, вкусы и способности публициста, журналиста, газетчика» [4, с. V]. Критическая острота его очерков и статей подчёркивает неустройство народной жизни, которую он смог увидеть, ощутив проблемы на собственном опыте, находясь на службе у англичанина Шкотта.

В нашем исследовании мы обратимся к анализу слова *лорд* в ранних публицистических очерках Н.С. Лескова и к характеристике его функций в авторском тексте. Слово вошло в русский язык в значении «хозяин, глава дома, семьи, от англо-сакск. *hlaford*, буквально – хранитель, защитник хлеба; 1) в средневековой Англии в общем значении – феодал-землевладелец и сеньор своих вассалов, в более специальном значении – крупный феодал, непосредственный держатель короля – барон. Постепенно звание Л. стало

собирательным титулом английского высшего дворянства (герцоги, маркизы, графы, виконты, бароны), которые получают (с XIV в.) пэры королевства, составляющие верхнюю палату британского парламента – палату лордов. Звание Л. передаётся по мужской линии и старшинству, но может быть и пожаловано короной» [2]. «Лорд, -а, м. В Англии: высший дворянский наследственный титул или титул высших должностных лиц, а также лицо, имеющее этот титул. *Палата лордов. Л.-канцлер, Л.-мэр*» [6, с. 333]. Имеются и другие описания происхождения единицы: «Лорд [англ. *lord*] – 1) в средневековой Англии – феодальный землевладелец (лорд манора); в более узком смысле – крупный феодал, непосредственный держатель короля ...» [8, с. 410]. В англо-английском словаре находим следующее определение слова: «*Lord* n 1. british nobleman. 2. ruler. 3. (*with cap.*) God. ... Thesaurus: lord n = **peer**, nobleman, count, duke, gentleman; = **ruler**, leader, chief, master, governor» [9, с. 324]. (перевод: 1. Дворянин. 2. Правитель. 3. Бог. Синонимы: лорд = пэр, аристократ, граф, герцог, джентльмен; = правитель, лидер, глава, хозяин, начальник).

Отметим, что лексико-семантический вариант “ruler” («правитель») не зафиксирован словарями русского языка и не соотносится в сознании говорящего на этом языке с указанным синонимическим рядом. Следовательно, с учётом приведённых словарных статей можно утверждать, что социокультурное понятие-символ *лорд* при полной фонетической и грамматической освоенности заимствованного слова остаётся частично освоенным с лексической точки зрения, т. е. эк-

зотизмом, содержание которого было привнесено в сознание носителей русского языка извне вследствие контактов с другой культурой, но национальной картине мира не принадлежало.

Необходимо отметить, что языковая картина мира любого субъекта тесно связана с национальным менталитетом и совокупностью менем, представляющих собой «культурный концепт, хранящийся в менталитетно-центрированной части сознания в виде символического образа, соединённого с его текстовой расшифровкой» [1, с. 22]. Заимствованное слово *лорд* является характерной менемой, отражающей английскую историю и культуру, и представляет интерес для лингвистического и философского исследования через призму индивидуально-авторского языка и стиля, что способствует глубокому пониманию внутриязыковых процессов, обусловленных экстралингвистическими факторами.

В начале литературной деятельности Лесков писал статьи и очерки на экономические и бытовые темы, «насыщенные огромным фактическим материалом и рисующие культурное, экономическое неустройство русской жизни» [5, с. X]. В одном из таких обличительных очерков «О рабочем классе» (1860 г.), сообщая о невыносимых гигиенических условиях жизни и быта трудовых слоёв, с отсылкой на одноименную статью Тернера и труд К.С. Веселовского «Жилища рабочего класса», интенция автора направлена на освещение возмутительного положения дел в решении этого остросоциального вопроса. Говоря о способах изменения законов и правил общественной гигиены, Лесков

утверждает, что успех зависит от на блюдений врачей. В заключении статьи отмечается: «Наука ничего не ждёт от поклонников тьмы, этих китайских европейцев, которые горды как *лорды* своею способностью пугать человечество несостоятельностью молодого направления ...» [3, с. 161].

Упоминая сторонников крепостнических дореформенных порядков, не желающих применять никаких усилий для решения вопроса народной гигиены, проявляющих безразличие к делу «разоблачения общественных язв» и уничижительно именуемых «поклонниками тьмы» и «китайскими европейцами», Лесков указывает на их несостоятельность и косность взглядов на развитие общества и науки. В данном контексте автор приводит саркастическое сравнение «горды как лорды».

Ядерная единица лексико-семантического поля «Гордость» амбивалентна и в контексте может быть реализована как с положительной, так и с отрицательной коннотацией. В авторском идиолекте прилагательному *гордый* придаётся отрицательная коннотация, (актуализированы семы 'надменный', 'высокомерный', 'самолюбивый', 'кичливый' в результате взаимодействия с контекстуальными партнёрами «поклонники тьмы», «китайские европейцы»), что приводит к семантическому процессу, совмещающему актуализацию, нейтрализацию и наведение сем в слове *лорд*, и позволяет автору «преобразовывать слово в соответствии с эстетическими мотивами» [7] для создания соответствующего речевого образа. Таким образом, в слове *лорд* нейтрализуется значение «высший дворянский титул» и актуализируются семы 'надменный, самодовольный

человек, придающие сравнительному обороту «горды как лорды» негативно маркированную эмоционально-экспрессивную окраску и вербализующие презрительное отношение автора к вышеупомянутому «поклонникам тьмы». Таким образом, ситуативно-стилистически окрашенное слово *лорд* в тексте отражает отрицательнооценочные, пейоративные семы.

Следующий пример употребления слова *лорд* Лесковым в статье «О литераторах белой кости» (1862 г.) иллюстрирует общие настроения автора в тот период творчества, когда он «принимал активное участие в обсуждении самых острых вопросов современной жизни, в решении которых обозначались прямо противоположные подходы» [3, с. 762]: «Мы вызываем вас, благородные *лорды*, на честный бой не на полусловах, не на недомолвках и голословной ругне, достойной вас и г. Аскоченского; а мы готовы с указкою в руках доказать вам, что, за незначительным исключением, все творения, помещённые по вашему любимому предмету у вас и в газете ... суть бледные компиляции из статей, прочитанных вами в иностранных журналах и газетах» [3, с. 438]. Шутливое обращение «благородные лорды» выдержано в высоком стиле, что придаёт ироничный тон контексту согласно общей интенции автора. Эффект усиливается гиперболизацией семантического объёма слова «лорд», в котором изначально актуализирована сема 'благородный'. Этот приём способствует активизации воздействующей функции текста на читателя и его восприятия позиции Лескова. Таким образом, слово-понятие переходит в слово-образ. Автор использует этот приём с целью

высмеять оппонентов, публицистическая деятельность которых отличалась проанглийской направленностью и тенденциозностью.

В статье «Внутреннее обозрение: спор о правах и значении русского дворянства. – Мысли о его «торжественном» уничтожении в нынешнюю пору. – Манера все доводить до крайности. – Наше мнение по дворянскому вопросу» (1862 г.) говорится о полемике между передовыми изданиями эпохи о роли дворянства в пореформенной России. Идеи самоуничтожения дворянства как сословия во благо народу была встречена Лесковым крайне отрицательно. Он подчёркивает, что «при всех «сословных перегородках» в самом смысле народа нет никаких «перегородок». Как ни сильна разъединённость наших сословий ..., в них не заметно тех почти разноплеменных отличий, которые видны в английском *лорде* и пролетарии» [4, с. 299]. В данном примере словосочетание *английский лорд* (актуализированы семы 'правящий класс', 'элита', 'высшее сословие', 'знать', 'дворянин', 'аристократ') с контекстуальным антонимом *пролетарий* (актуализированы семы 'низшее сословие', 'рабочий класс') репрезентирует социокультурный концепт, символизирующий реалии английского образа жизни в противопоставлении с укладом быта русского народа. Форма единственного числа конкретного существительного-агента *лорд*, употреблённого в обобщающем значении, представляет собирательный образ богатого английского дворянина, контрастирующий с образом работника-пролетария, что подчёркивает огромную сословную пропасть между ними. Для сравнения приведём

примеры использования слова *лорд* в других статьях и очерках этого периода: «Нам незнакомы самые обыкновенные приёмы, которыми другие народы начинали помогать общественным нуждам; мы не можем похвалиться изобилием таких гуманных личностей, каковы Елисавета Фрей, Роберт Оуэн и *лорд* Астлей (граф Шевтсбери)...» [3, с. 378]; «Они, кажется, даже не понимают, что неаполитанские разбойники хотя и враги существующего порядка, но их нельзя назвать либералами, а король Виктор-Эммануил, *лорд* Шевтсбюри и наш покойный Мордвинов – либералы во всём значении этого слова» [4, с. 564]. В приведённых контекстах стилистически нейтральное слово *лорд* выступает в прямом значении – «высший дворянский наследственный титул или титул высших должностных лиц» – и не несёт дополнительных авторских коннотаций.

Единство языковой, концептуальной и дискурсной картины мира представляет собой отражение объективного мира сквозь призму субъективного видения и строится на протя-

жении всей жизни личности. В период 1860–1863 гг. Лесков ещё не был зрелым литератором и публицистом; сам он говорил потом, что был «мало воспитанным и подготовленным к литературе человеком». Идеологические воззрения Лескова развивались вне передовых идей, оформивших движение революционно-демократической интеллигенции, о чём он впоследствии сожалел. Тем не менее его обличительные очерки, наполненные пословицами, поговорками, жаргонизмами и анекдотами, часто превращались «в фельетон, а иногда и рассказ» [5, с. XI].

Заимствования из английского языка использовались Лесковым для описания социокультурных реалий Англии, с которыми он был близко знаком во многом благодаря работе со Шкоттом, для сопоставления русского и английского образа жизни и выявления ключевых различий, определяющих пути развития этих стран, с целью осмыслить необходимые для России изменения, способные приблизить её к достижениям цивилизации и улучшить послереформенную жизнь простого народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блох М.Я. Сознание и менталитет // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 2. С. 18–25.
2. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: http://moyslovar.ru/slovari/bolshay_sovetskay_enciklopedia/slovo/лорд (дата обращения: 26.08.2016).
3. Лесков Н.С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 1 / вступ. ст. И. Столяровой. М.: ТЕРРА, 1996. 912 с.
4. Лесков Н.С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 2. М.: ТЕРРА, 1998. 992 с.
5. Лесков Н.С. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 1 / вступ. ст. П.П. Громова, В.М. Эйхенбаума. М.: ГИХЛ, 1956. 506 с.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
7. Петрова Л.А. Художественное значение в системе индивидуально-авторского словаря // Культура народов Причерноморья. № 48, Т. 2. С. 180–186.

8. Словарь иностранных слов / ред. Лехин И.В., Петров Ф.Н. 4-е изд., испр. и перераб. М.: Иностранных и национальных словарей, 1954. 854 с.
9. Collins English Dictionary & Thesaurus. Glasgow: HarperCollins Publishers, 2007. 704 p.

REFERENCES

1. Blokh M.YA. [The consciousness and mentality] In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics], 2016, no. 2, pp. 18–25.
2. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet encyclopedia]. Available at: http://moysl-ovar.ru/slovari/bolshay_sovetskay_enciklopedia/slovo/лорд (accessed: 26.08.2016)
3. Leskov N.S.; introductory article by Stolyarova I. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t., T. 1.* [Complete works: in 30 vol., Vol. 1]. Moscow, TERRA Publ., 1996. 912 p.
4. Leskov N.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t. T. 2* [Complete works: in 30 vol. Vol. 2]. Moscow, TERRA Publ., 1998. 992 p.
5. Leskov N.S.; introductory article by Gromov P.P., Eichenbaum V.M. *Sobranie sochinenii: v 11 t. T. 1* [Collected works: in 11 vol. Vol. 1]. Moscow, GIKHL Publ., 1956. 506 p.
6. Ozhegov S.I., Shvedova N.YU. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory dictionary of Russian language: 80,000 words and phraseological expressions]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1997. 944 p.
7. Petrova L.A. [The artistic meaning in the system of the individual author's vocabulary] In: *Kul'tura narodov Prichernomor'ya* [Culture of the peoples of the Black Sea coast], no. 48, T. 2. pp. 180–186.
8. Lekhin I.V., Petrov F.N., ed. *Slovar' inostrannykh slov* [Dictionary of foreign words]. Moscow, Inostrannykh i natsional'nykh slovarei Publ., 1954. 854 p.
9. *Collins English Dictionary & Thesaurus*. Glasgow, HarperCollins Publishers, 704 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Антипова Алина Павловна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Московского государственного областного университета;
e-mail: antipovaalina@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alina P. Antipova – senior lecturer at the Department of Foreign Languages, Moscow Region State University;
e-mail: antipovaalina@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Антипова А.П. Функционально-стилистический анализ слова *лорд* в ранних очерках Н.С. Лескова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 1. С. 8-13
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-8-13

FOR CITATION

Antipova A.P. Functional and stylistic analysis of a word *lord* in early essays by Leskov. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 1, pp. 8-13
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-8-13

УДК 81.23

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-14-23

КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В СЕМАНТИКЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ И ЕГО ФИКСАЦИЯ СРЕДСТВАМИ ЛЕКСИКОГРАФИИ (НА ПРИМЕРЕ СЛОВАРНЫХ СТАТЕЙ НА БУКВУ Ж «ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА» В.И. ДАЛЯ)

Згировская О.Г.*Московский политехнический университет**107023, г. Москва, ул. Б. Семёновская, 38, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается сущность и место культурного компонента в структуре лексического значения, делается попытка обобщить и теоретически осмыслить способы репрезентации культурной информации в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля. Проанализированы 214 словарных статей (на букву Ж), 21 статья подверглась описанию. На основе проведённого компонентного анализа лексического значения слов автор исследования выделяет культурный компонент и делает выводы о том, какие элементы культуры находят отражение в толковом словаре и какими способами они фиксируются. Поставлена задача оценить возможности лексикографирования культуры.

Ключевые слова: лексическое значение, коннотация, культурный компонент, лексикографирование культуры, «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля

CULTURAL COMPONENT IN THE SEMANTICS OF LEXICAL UNITS AND ITS FIXATION BY MEANS OF LEXICOGRAPHY (ON THE EXAMPLES OF DICTIONARY ENTRIES (LETTER Ж) IN THE “EXPLANATORY DICTIONARY OF THE LIVING GREAT RUSSIAN LANGUAGE” OF V. DAHL)

O. Zgirovskaya*Moscow Polytechnic University**38 Bolshaya Semenovskaya str., Moscow, 107023, Russian Federation*

Abstract. The article investigates the nature and place of cultural component in the structure of lexical meaning and makes an attempt to summarize and theoretically comprehend the ways of representation of cultural information in the “Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language” of V. Dahl. 214 dictionary entries (on the letter Ж) were analyzed, 21 articles were described. Basing on the componential analysis of lexical meaning the author identifies a cultural component and makes conclusions which elements of culture are reflected in the dictionary and how. The article sets the task to evaluate the possibilities of lexicographic presentation of culture.

Key words: lexical meaning, cultural component, connotation, lexicographic presentation of culture, The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language of V. Dahl.

Изучение проблемы связи языка и культуры нашло отражение во многих междисциплинарных исследованиях: на сегодняшний день лингвострановедением, лингвокультурологией, этнолингвистикой и другими дисциплинами накоплен значительный материал, нуждающийся в фиксации. Оформление результатов исследований в виде словарей определённого типа (лексикографическая параметризация) является итоговым этапом, завершающим теоретическую работу. Таким образом, одна из главных задач современного словарного дела – лексикографирование культуры.

Результатом работы в этом направлении может быть как включение культурной информации в традиционные словари (толковые, диалектные, фразеологические и др.), так и создание словарей, непосредственно фиксирующих отражённые в языке элементы культуры (лингвокультурологические, лингвострановедческие; словари концептов и т. д.). Однако невозможно себе представить создание словарей такого типа без «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля, в котором было положено начало лексикографическому описанию культурного компонента в языковых единицах. Актуальным представляется исследование способов лексикографирования культуры в этом словаре, поскольку в него вошла не только собственно лингвистическая информация о словах, но и культурологические и этнолингвистические сведения о жизни народа.

Отсюда одна из ключевых проблем, которую необходимо решить, – выработка теоретического подхода к культуре в её взаимодействии с лексикографией. Целью исследования явля-

ется выявление сущности культурной информации в словаре и способов её введения в словарную статью.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) определить сущность понятия «культурный компонент»; 2) провести компонентный анализ лексического значения слов [14] в словаре В.И. Даля и выявить культурный компонент; 3) определить, какие элементы культуры находят отражение в толковом словаре; 4) выявить, какими способами зафиксирована культурная информация.

Словарь может выступать и «как метод и средство познания и описания многообразия окружающей действительности, и как специфическая форма отражения культуры общества, его национальной уникальности и особенностей жизни и деятельности определённого народа» [10, с. 11]. Однако очевидно, что одноязычный толковый словарь – это не словарь культуры, его отличают специфические цели, задачи и методы. В то же время толковый словарь может быть источником культурной информации, зафиксированной как в явном, так и в неявном виде (имплицитными компонентами).

Вопрос о статусе и месте культурной информации в семантике языковых единиц не имеет однозначного ответа в современной лингвистике. Согласно наиболее распространённой точке зрения (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Г.Д. Томахин, О.Н. Иванищева и др. [4; 5; 8]), этот компонент может входить в структуру лексического значения на разных уровнях: 1) на уровне денотата; 2) на уровне коннотата.

Если культурная информация аккумулируется на уровне денотата, то речь идёт о лексических единицах, ко-

которые называют национально-специфические предметы и явления, связанные с историей, бытом, культурой; эти единицы возникают внутри данной исторической общности людей и не имеют соответствий в других языках. Для наименования таких единиц существует множество терминов: безэквивалентная, неполноэквивалентная лексика [4], реалии [23], лакуны [20], культуремы [6] и др.

Исследование этой лексики впервые предприняли Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров в рамках разработанной ими лингвострановедческой теории слова. По мнению авторов, «слова, план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями, называются безэквивалентными. Такие слова, строго говоря, непередаваемы» [5, с. 70], они отражают национально-специфичные элементы культуры: предметы материальной культуры, факты истории, имена фольклорных героев, мифологических существ и др. Лингвострановедческую классификацию безэквивалентной лексики дополняют исследования Г.Д. Томахина, Ю.А. Сорокина, накоплен значительный теоретический материал, и формируются методы и приёмы создания лингвострановедческих, двуязычных словарей.

Анализ культурно значимой информации в семантике лексических единиц продолжается в рамках лингвокультурологии (В.В. Воробьёв, В.Н. Телия, В.А. Маслова и др. [6; 21; 22; 15; 13; 24]). Сложилось мнение, что национально-культурный компонент может не входить в ядро лексического значения, присутствуя на уровне коннотата, составляя лексический фон (имплика-

ционал). В этом случае наименования предметов и явлений, имеющих общекультурную значимость, приобретают в данном языке особые значения, основанные на культурно-исторических ассоциациях, присущих только данной культуре. В результате наиболее важными оказываются образы и ассоциации, сопряжённые с данным предметом или явлением в сознании носителей языка, признанные общеизвестными, очевидными. По выражению А.Д. Шмелёва, «важно не то, что утверждают носители языка, а то, что они считают самой собою разумеющимся, не видя необходимости специально останавливать на этом внимание» [25, с. 13].

Исследователи предлагают различные термины для обозначения культурной информации в составе лексического значения: культурный компонент [12; 2; 19], культурно-исторический компонент [16], национально-культурный компонент [17; 9], культурная коннотация [21], историко-культурный аспект [1] и др.

Мы, вслед за В.Н. Телия, понимаем коннотацию в широком смысле и выделяем культурный компонент в её структуре, как это делают Н.Г. Комлев, Ю.А. Бельчиков, Ю.П. Солодуб.

В широком смысле под коннотацией понимают «любой прагматически ориентированный компонент плана содержания языковых сущностей ... , который дополняет денотативное и грамматическое их содержание на основе сведений, соотносимых с прагматическими факторами разного рода: с ассоциативно-фоновым ... знанием говорящих ... , с рационально-оценочным либо эмоционально-оценочным (эмотивным) отношением говорящего к обозначаемому» [21, с. 107].

Таким образом, коннотация в широком понимании термина включает сведения ассоциативно-фонового, эмпирического, культурно-исторического или мировоззренческого характера, отличающиеся неоднородностью и различные по своей сущности. Можно говорить о выделении в семантической структуре слова непосредственно культурной составляющей, или культурного компонента.

Термин «культурный компонент» как часть семантической структуры слова впервые был использован Н.Г. Комлевым для обозначения зависимости семантики языка от культурной среды индивидуума [11, с. 116]. По мнению Ю.А. Бельчикова, слово «аккумулирует социально-историческую информацию, интеллектуальную и экспрессивно-эмоциональную, оценочную, общегуманистического и конкретно национального характера» [2, с. 30], эти сведения и составляют культурный компонент смысла слов. Культурная информация «рассеяна» в языке, она воспроизводится носителями языка зачастую бессознательно. Содержание культурного компонента представляет собой соотношение языковых значений с тем или иным культурным кодом, которым владеют представители определённой лингвокультурной общности [21, с. 219].

Владение культурным кодом – ключ к пониманию культуры в целом. При этом культурно-национальная специфика может воплощаться в языковых единицах разными способами и средствами. Как пишет В.Н. Телия, таким средством воплощения служит образное основание, которое соединяет «тело знака» и концепты, стереотипы, эталоны, символы и другие знаки

национальной и общечеловеческой культуры. В свою очередь, интерпретация образного основания – это способ указания на национально-культурную семантику [21, с. 215]. В процессе фиксации культурного компонента интерпретируется денотативный или коннотативный аспекты значения языковых знаков в категориях культуры, соотносятся единицы системы языка с единицами культуры.

Анализ даже небольшого фрагмента «Толкового словаря живого великорусского языка» (буквы Ж – 214 словарных статей [7]) даёт представление о зафиксированном средствами лексикографии культурном компоненте в семантике языковых единиц: это сведения о быте и основных занятиях народа, об анатомии в наивном представлении, о материальных ценностях и моральных принципах.

В статье ЖАБА есть толкование: «гад рода лягушек». Оно включает базовые понятийные признаки денотата. В структуру лексического значения входит также коннотативный компонент: «бородавчатый, вонючий, соки острые». Слово имеет и переносное значение: «злая баба», «пенз. неотвязный, докучливый человек». При употреблении зоонима интенционально (для прямой или косвенной характеристики человека) «актуализируется стереотипное представление, связанное с „мифологическим“ значением имени, но не исчерпывающее его» [18, с. 28]. Также формированию негативного образа жабы в русской культуре способствуют ассоциации, связанные с этим животным. Жаба – это болезнь («болезнь angina, воспаление горла, глотки, зева, у людей и скота»), ср.: *жабёнок* – в переносном значении «злое дитя». Фоновые знания

об этом животном актуализируются также фразеологическими и паремиологическими средствами: *Бил дед жабу, грозясь на бабу. Баба, что жаба*. Таким образом, в русской культуре *жаба* оценивается как неприятное существо с плохим запахом и бородавками; слово *жаба* обладает негативной окраской и вызывает неприятные ассоциации; существует основанное на этом стереотипном образе переносное значение для характеристики злого и неприятного человека. Анализ словарных статей на букву Ж позволяет получить информацию и о других важных для русской культуры животных, имеющих иную – положительную – окраску: это, например, жаворонок и журавль, которые связаны в сознании носителей русского языка и русской культуры с весной и теплом.

Интересна словарная статья ЖЁЛТЫЙ. К ядерной зоне относится толкование: «о цвете, масти, краске: цвета солнца или золота, различной яркости и оттенков». Жёлтым могут назвать и светло-русого человека. С одной стороны, жёлтый цвет связан с солнцем, с жизнью («цвет солнца», «в желтке на росток, зародыш»), *жёлтая пшеница* обладает преимуществами перед белой («пёстрая, бурая, зерном крупнее и толстокожее белой, и лучше выносит суровую погоду нашу»). С другой стороны, жёлтый – цвет сумасшествия и болезни: *жёлтый дом* («дом умалишённых, от жёлтой окраски обуховской больницы в Петербурге»); *жёлтая болезнь*, («болезнь, при которой страдает печень, и желчь окрашивает кожу»), *желтушный* («к болезни желтухе относясь; о человеке: ею одержимый»), *желтыня* («по поверью, мать лихорадок, семи дочерей Ирода: жёлтой,

зелёной, нутреной, дутой, студёной, рыкающей, огненной»). Таким образом, жёлтый цвет в русской культуре оказывается наделённым амбивалентными характеристиками.

Однозначно негативную окраску имеет в русском языке ЖЕЛЧЬ: эта жидкость пронзительно горька и неприятна; человек, в организме которого господствуют печень и желчь, раздражительный и злобный – желчный, а переносное значение слова *желчь* – раздражительность, злость. Показательно и метафорическое употребление слова *горечь* для номинации свойства человека: «желчность ж. свойство, состояние желчного человека; горечь и недоброжелательность».

Словарь позволяет составить представление о народном быте и основных занятиях людей. Эта информация содержится, например, в словарных статьях ЖЁЛОБ, ЖЕРДЬ, ЖЁРНОВ. Так, в статье ЖЁЛОБ приводится историко-культурологический комментарий, содержащий сведения об устройстве крестьянской избы: «Если крестьянская изба крыта тёсом, то нижние концы его (стреха) упираются в однодеревый жёлоб; этим же словом означают стреху, застреху, свес; верхние концы тёса или конёк также кроются жёлобом, шеломом, а на шеломе гребень. Водопроводный жёлоб сколачивают и из трёх досок; накрыв его четвертою, образуют трубу».

Информацию об основных занятиях (в первую очередь о сельском хозяйстве) можно получить из статей ЖАТЬ («срезать серпом хлеб или др. растенья с корня»), ЖИТО. Особенно интересны фразеологические и паремиологические единицы: *Пашешь – плачешь, жнёшь – скачешь! Помни ребята: рожь не жата,*

а овёс не кошены, т. е. помни дело. Живёт не жнёт, а хлеб жуёт. Жнёт, где не сеял, собирает, где не расточал. Одной рукой жни, другою спи. Уроди, Боже, всякого жита по закрому, на весь крещённый мир! По соломе жита не узнаешь. Густое жито (всход) веселит, а редкое кормит. В нашем жите хорош росток (о женихе). В этих выражениях реализуется высокая оценка важности труда в русской культуре и осуждается безделье. Согласимся с В.Н. Телия, что «система образов, закреплённых в фразеологическом составе языка служит своего рода „нишей“ для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о её культурно-национальном опыте и традициях» [21, с. 215].

Культурная информация о материальных ценностях зафиксирована, в статьях ЖЕЛЕЗО и ЖЕМЧУГ. Железо – важный и ценный металл, приравняемый иногда к золоту (*Прирати железо дороже золота. Железом и золота добуду*). С железом связаны следующие образы: *железный* – сильный, крепкий, стойкий, непоколебимый (*железный человек, железные руки, железное здоровье*); а также грубый, неуклюжий, бездушный (*железные руки*). Железо – символ силы, власти, как следствие – несвободы (*Либо железную цепь, либо золотую добуду. Железный урок или железное; ср. стар. пеня, пошла с виновного, в пользу властей, за наложение оков*). Жемчуг – мерило ценности: драгоценное украшение («*кокошник, сорока, украшенная жемчугом*»; «*жемчужная девичья поднизь*») и в то же время «редкость», «особ. о красавицах».

В словаре репрезентируются как общекультурные концепты, так и ключевые именно для русской картины мира: *жизнь* (ЖИЗНЬ, ЖИВОЙ, ЖИВОТ, ЖИТЬ), *судьба* (ЖЕРЕБЕЙ), *семья* (ЖЕНА), *огонь* (ЖАР, ЖГУЧИЙ, ЖЕЧЬ), *жалость* (ЖАЛИТЬ), *жестокость* (ЖЕСТОКИЙ) и др.

Анализ показал, что культурный компонент в явном или неявном виде присутствует во многих, но не во всех словах. Важную роль в актуализации этого компонента играют ассоциативные механизмы, фоновые знания и устойчивые образы, обусловленные ими. Выявление и фиксация этих смыслов позволяют при лексикографировании зафиксировать так называемые наивные представления о мире. Как показал проанализированный материал, культурный компонент чаще имплицитно представляется во фразеологических паремиологических единицах; с помощью вторичной номинации.

Культура в её взаимодействии с лексикографией проявляется в опыте лексикографического описания культурных ценностей и представлений о жизни народа с учётом того факта, что культура – это «многоярусное построение, и если искусство – её высшее проявление, то культура быта – её фундамент (и как раз в обыденной повседневности резко бросаются в глаза различия)» [3, с. 81]. Наше исследование подтверждает, что В.И. Даль не стремился создать лингвокультурологический словарь, но ему удалось зафиксировать и сохранить богатство культуры русского народа. «Толковый словарь живого великорусского языка» стал ценнейшим источником знаний о ней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабурина К.Б. Этнолингвистический аспект в исторической лексикографии // Вопросы языкознания. 1997. № 3. С. 48–52.
2. Бельчиков Ю.А. О культурном коннотативном компоненте лексики // Язык: система и функционирование. М.: Наука, 1988. С. 30–35.
3. Бурвикова Н.Д., Костомаров В.Г. Об одной из единиц описания текста в аспекте диалога культур // Иностранные языки в школе. 2000. № 5. С. 3–6.
4. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. 320 с.
5. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2014. 509 с.
6. Воробьёв В.В. Лингвокультурология: (Теория и методы). М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 1997. 332 с.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1978–1980.
8. Иванищева О.Н. Язык и культура. Мурманск: МГПУ, 2007. 191 с.
9. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Институт языкознания РАН; Волгоградский государственный педагогический институт, 1992. 330 с.
10. Колесникова М.С. Лексикографический аспект лингвострановедения: автореф. дисс. ... д-ра филол. н. Ярославль, 2003. 47 с.
11. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. М.: Издательство Московского университета, 1969. 192 с.
12. Комлев Н.Г. О культурном компоненте лексического значения // Вестник Московского университета. Филология. 1966. № 5. С. 43–50.
13. Левченко М.Н. Лингвистические признаки аутентичности текста // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 2. С. 102–110.
14. Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / гл. ред. В.Н. Ярцева. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/233d.html>. (дата обращения: 16.02.2017).
15. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
16. Ощепкова В.В. Учебное пособие по страноведению: США. М.: Новая школа, 1995. 208 с.
17. Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка: внутренняя структура, категориальный аппарат и приёмы изучения. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1984. 14 с.
18. Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь / Брилева И.С., Вольская Н.П., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В. М.: Гнозис. 318 с.
19. Солодуб Ю.П. Структура лексического значения // Филологические науки. 1997. № 2. С. 54–66.
20. Сорокин Ю.А. Метод установления лакун как один из способов выявления специфики локальных культур (художественная литература в культурологическом аспекте) // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977. С. 120–136.
21. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
22. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 143 с.
23. Томахин Г.Д. Прагматический аспект лексического фона слова // Филологические науки. 1988. № 5. С. 77–85.

24. Трафименкова Т.А. Реконструкция фрагмента языковой действительности «растительный мир» средствами толковой лексикографии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2015. № 4. С. 49–57.
25. Шмелёв А.Д. Русская языковая модель мира. М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.

REFERENCES

1. Baburina K.B. [Ethnolinguistic aspect in the historical lexicography] In: *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the study of language], 1997, no. 3, pp. 48–52.
2. Bel'chikov Yu.A. [On the cultural component of the connotative vocabulary]. In: *Yazyk: sistema i funktsionirovanie* [Language: system and functioning]. Moscow, Nauka Publ., 1988. pp. 30–35.
3. Burvikova N.D., Kostomarov V.G. [On one of the units of text description in the aspect of dialogue of cultures] In: *Inostrannye yazyki v shkole* [Foreign languages for schools], 2000, no. 5, pp. 3–6.
4. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. *Lingvostranovedcheskaya teoriya slova* [Linguistic theory of speech]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1980. 320 p.
5. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. *Yazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskie kontseptsii: leksicheskogo fona, reche-povedencheskikh taktik i sapientemy* [The language and culture. Three linguistic concepts: lexical background, the speech and behaviour tactics and sapienteme]. Moscow, Berlin, Direkt-Media Publ., 2014. 509 p.
6. Vorob'ev V.V. *Lingvokul'turologiya: (Teoriya i metody)* [Linguoculturology (Theory and methods)]. Moscow, Izdatel'stvo Rossiiskogo universiteta druzhby narodov Publ, 1997. 332 p.
7. Dal' V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living great Russian language]. Moscow, 1978–1980.
8. Ivanishcheva O.N. *Yazyk i kul'tura* [Language and culture]. Murmansk, MGPU Publ., 2007. 191 p.
9. Karasik V.I. *Yazyk sotsial'nogo statusa* [The language of social status]. Moscow, Institut yazykoznaniya RAN; Volgogradskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut Publ., 1992. 330 p.
10. Kolesnikova M.S. *Leksikograficheskii aspekt lingvostranovedeniya: avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk* [Lexicographic aspect of linguistics and area studies: abstract of D. thesis in Philological sciences]. Yaroslavl, 2003. 47 p.
11. Komlev N.G. *Komponenty soderzhatel'noi struktury slova* [The components of the content structure of the word]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 1969. 192 p.
12. Komlev N.G. [On the cultural component of lexical meaning] In: *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Philology], 1966, no. 5, pp. 43–50.
13. Levchenko M.N. [The linguistic features of the authenticity of the text] In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2016, no. 2, pp. 102–110.
14. YArtseva V.N., chief ed. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Available at: <http://tapemark.narod.ru/les/233d.html>. (accessed: 16.02.2017)
15. Maslova V.A. *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]. Moscow, Akademiya Publ., 2001. 208 p.
16. Oshchepkova V.V. *Uchebnoe posobie po stranovedeniyu: SSHA* [Tutorial on country: USA]. Moscow, Novaya shkola Publ., 1995. 208 p.
17. Popova Z.D., Sternin I.A. *Leksicheskaya sistema yazyka: vnutrennyaya struktura, kategorial'nyi*

- apparat i priemy izucheniya* [The lexical system of the language: the Internal structure of categorical apparatus and methods of study]. Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta Publ., 1984. 14 p.
18. Brileva I.S., Vol'skaya N.P., Gudkov D.B., Zakharenko I.V., Krasnykh V.V. *Russkoe kul'turnoe prostranstvo: lingvokul'turologicheskii slovar'* [Russian cultural space: linguistic-cultural dictionary]. Moscow, Gnozis Publ., 318 p.
 19. Solodub Yu.P. [The structure of lexical meaning] In: *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 1997, no. 2, pp. 54–66.
 20. Sorokin Yu.A. [A method of identifying gaps as a way to identify the specifics of local cultures (literature in cultural aspect)]. In: *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika rechevogo povedeniya* [National-cultural specificity of speech behavior]. Moscow, Nauka Publ., 1977. pp. 120–136.
 21. Teliya V.N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1996. 288 p.
 22. Teliya V.N. *Konnotativnyi aspekt semantiki nominativnykh edinit* [Connotative aspect of semantics of nominative units]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 143 p.
 23. Tomakhin G.D. [The pragmatic aspect of the lexical background of the word] In: *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 1988, no. 5, pp. 77–85.
 24. Trafimenkova T.A. [Reconstruction of the fragment of the language of reality “fauna” means monolingual lexicography] In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian philology], 2015, no. 4, pp. 49–57.
 25. Shmelev A.D. *Russkaya yazykovaya model' mira* [Russian linguistic model of the world]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2002. 224 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Згировская Ольга Геннадьевна – аспирант кафедры русского языка и стилистики Институт издательского дела и журналистики Московского политехнического университета;
e-mail: olenka.92_08@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ol'ga G. Zgirovskaya – postgraduate student at the Department of the Russian Language and Stylistics, Institute of Publishing and Journalism, Moscow Polytechnic University;
e-mail: olenka.92_08@mail.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Згировская О.Г. Культурный компонент в семантике лексических единиц и его фиксация средствами лексикографии (на примере словарных статей на букву Ж «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 1. С. 14–23

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-14-23

FOR CITATION

Zgirovskaya O.G. Cultural component in the semantics of lexical units and its fixation by means of lexicography (through examples of dictionary entries (letter Ж) in the “Explanatory dictionary of the living great Russian language” of V. Dahl). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 1, pp. 14-23

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-14-23

УДК 81'33

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-24-31

ВАРИАТИВНОСТЬ СМЫСЛОВОГО НАПОЛНЕНИЯ ПОНЯТИЯ «КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ЛАКУНА»

Савицкая Е.В.*Самарский государственный социально-педагогический университет
443099, г. Самара, ул. Максима Горького, 65/67, Российская Федерация*

Аннотация. В статье критически анализируются спорные вопросы теории лакун, рассматриваются подходы к понятию «лакуна» в лингвистике и лингвоконцептологии, выдвигаются аргументы в пользу интракультурного подхода к концептуальным лакунам, предлагаются варианты осмысления термина *лакуна*, выявляется специфика концептуальных лакун по сравнению с языковыми, обсуждаются способы реконструкции лакунарных концептов, предлагаются варианты интерпретации понятия «концептуальная лакуна», приводится шкала приближения внешних концептов к лингвоконцептосфере.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт, концептуальная лакуна, лингвоконцептосфера, квази-лакуна, культурные реалии.

SEMANTIC VARIABILITY OF THE NOTION “CONCEPTUAL LACUNA”

E. Savitskaya*Samara State University of Social Sciences and Education
65/67 Maxim Gorky st., Samara, 443099, Russian Federation*

Abstract. The article contains a critical analysis of certain controversial points that exist in the theory of lacunae, along with the comparison of the approaches to the term “lacunae” in linguistics and conceptology. The article also argues for the intracultural approach to conceptual lacunae, suggests definitions of the term *lacuna*, distinguishes conceptual lacunae from language ones, discusses the ways of their reconstruction, suggests variants of interpreting the term “conceptual lacuna”, displays the scale of their approximation to the linguoconceptosphere.

Key words: linguocultural concept, conceptual lacuna, linguoconceptosphere, quasi-lacuna, cultural realia.

Лингвисты изучают в основном языковые лакуны; концептуальным лакунам уделяется меньше внимания, но всё же такие изыскания проводятся [1–4; 7–9 и др.]. Целью нашей статьи является характеристика вариантов смыслового наполнения понятия «концептуальная лакуна». В качестве методологической основы исследования использованы элементы понятийного аппарата общей теории систем и в этих рамках – проведение наглядной аналогии.

Лакунарным обычно именуется концепт, который не входит в состав лингвоконцептосферы того или иного народа, но является элементом какой-либо

другой лингвоконцептосферы. Таков, к примеру, концепт «ваби-саби» (эстетическое впечатление от созерцания несовершенства), не являющийся элементом русской, но входящий в состав японской лингвоконцептосферы.

Мы, однако, не склонны толковать лакунарные концепты в кросс-культурном ключе. По нашему мнению, они представляют собой эндо-, а не экзофеномен. Если, скажем, в советской лингвоконцептосфере был концепт «колхоз», а в британской его не было и нет, это не значит, что в британской лингвоконцептосфере на данном участке имеется лакуна. Дело в том, что и самого этого участка (ячейки) в структуре британской лингвоконцептосферы нет, поскольку английская экономика и общественный строй организованы принципиально иначе, чем советские. Исходя из этого, мы полагаем, что «колхоз» является не лакунарным, а чужеродным (внесистемным) концептом для британской лингвоконцептосферы.

Нам могут возразить: британцы имеют приблизительное представление о колхозах и многих других реалиях, относящихся к чужим культурам. Отсюда следует, что всё это входит в их культурный тезаурус. Значит, такие концепты для них не чужеродны? Ответим: британцы знакомы с чужими концептами, но знать их ещё не значит включить их в свою концептосферу, оперировать ими, разделять заклочённые в них оценки и установки, эмоционально переживать их, положить их в основу своего ментального и предметно-практического поведения – одним словом, присвоить их.

Впрочем, как известно, некоторые чужие концепты аккультурируются

и ассимилируются в принимающей лингвоконцептосфере, становясь своими, но в модифицированном виде. Так, в Британии концепт «sportsman» имеет ведущие коннотации «честность в игре» и «стойкость». Словом *sport(sman)* называют человека, верного своему слову, а также умеющего «держаться удар», даже если речь не идёт о людях, которые занимаются спортом. В сознании британцев слово *sport*, восходящее к *disport* «игра», сохраняет связь со значением «игра», а игра в представлении британцев – это, прежде всего, дело честное (у прилагательного *sporting* есть значение «честный»).

В своё время россияне заимствовали у британцев эту культурную реалию, концепт и слово. Однако культурный типаж «спортсмен» у нас порой осмысливается комически: это сильный и ловкий парень, но туповатый и малокультурный (это обыгрывается в анекдотах и эстрадных репризах). Нельзя сказать, что у данного русского концепта это ведущие коннотации, но они входят в его состав, тогда как признаки «честность» и «стойкость» для него гораздо менее характерны.

Неаккультурированные концепты не являются лакунарными, поскольку они ни виртуально, ни реально не входят в данную лингвоконцептосферу; аккультурированные концепты тоже не являются лакунарными, т. к. они входят в лингвоконцептосферу реально, а не виртуально. Лакунарный концепт входит в лингвоконцептосферу виртуально, но не входит в неё реально. Ниже этот тезис раскрывается с позиций общей теории систем.

По нашим представлениям, лакуна – это не то, чего в системе нет и

быть не должно, а то, что должно быть, но его нет. Иначе понятие «лакуна» теряет смысл. Того, чего в системе нет, несравненно больше того, что в ней есть. Если считать лакунами всё, чего в системе нет, то лакунами по отношению к данной системе пришлось бы объявить всё сущее в мире.

Когда в романе Дж. Оруэлла [5] тираны внедряли новояз, они не просто опустошали, а **удаляли** из концептосферы ячейки, делая сложную систему – лингвокультуру – простой системой, в которой не было места иносистемным элементам. Эти власти дум не плодили лакуны, опустошая ячейки в лингвоконцептосфере, а уничтожали многие ячейки вместе с концептами, не оставляя «дырок» для вставок. В итоге сложилась не богатая система с отчасти стёртой культурной памятью (которая может быть реконструирована на основе знания общей структуры), а примитивная система, из строения которой невозможно восстановить почти ничего от прежней системы.

Следует оговориться, что качественная определённость объекта может устанавливаться как позитивно, так и негативно. Если в системе нет какого-либо элемента, это обстоятельство может способствовать её идентификации. В частности, когда скульптор высекает статую из камня, он устраняет всё лишнее, тем самым создавая качественную определённость (форму) статуи.

Однако не во всех случаях отсутствие признака чётко характеризует систему. «Лишнее» в статуе – это, в сущности, весь остальной мир. Аналогичным образом, телефон – это не ружьё, не дерево, не фонтан и ещё

бесчисленное множество *не*. Нельзя именовать лакунами все признаки, которых в системе нет. Характеризуя систему, легче перечислить те признаки, которые у неё есть.

Но иногда в дефиниции объекта всё-таки упоминается отсутствие признака (например, слово *змея* определяется в словарях как «чешуйчатое **безногое** пресмыкающееся»; *табурет* – «передвижной, **не имеющий спинки** предмет мебели для сидения»). Это случается тогда, когда в рамках **рода** объектов наличие того или иного признака есть норма (в частности, у большинства пресмыкающихся имеются ноги, а у большей части мебели, предназначенной для сидения, имеется спинка). Тогда отсутствие данного признака у **вида** объектов становится значимым. Такое отсутствие уже близко к лакуне.

Но, на наш взгляд, это не означает, что в подобных случаях осуществляется переход от эндотрактовки лакун к их экзотрактовке. Происходит переход на более высокий уровень абстракции. Дело в том, что отсутствие у змей ног осмысливается не по контрасту с отдельными видами пресмыкающихся, имеющих ноги (ящерицами, крокодилами, черепахами и др.), а в рамках всего рода «пресмыкающиеся». (Термины *вид* и *род* применены здесь в логическом, а не биологическом смысле.) По отношению к виду род выступает как макросистема; в её рамках выявляется лакуна. Принадлежность вида к тому или иному роду обуславливает тот факт, что в структуре объекта данного вида имеется в большей или меньшей степени соразмерная ячейка для признака, присущего всему роду объектов, несмотря на то что сам признак у дан-

ного вида отсутствует. Спинка прямо-таки просится к табурету; что касается змеи, строение её тела не слишком хорошо совместимо с ногами. Как видим, «дырки» в системе совместимы со вставками в разной степени.

Исходя из этих соображений, введём понятие «квази-лакуна». Квази-лакуны в лингвоконцептосфере следует устанавливать не путём сравнения с наугад выбранными иными лингвоконцептосферами, а на фоне **рода** лингвоконцептосфер, в пределах которого отсутствие того или иного признака выходит за рамки нормы и по этой причине маркировано.

Если в данной лингвоконцептосфере есть место для определённого концепта, а его самого нет – это лакунарный концепт по отношению к ней. Но всякая отдельно взятая лингвоконцептосфера – это уникальная система, в которой конфигурация каждой ячейки определяется конфигурацией соседних ячеек и в целом всей системы. Поэтому на практике ячейки концептуального поля, в которые можно попытаться вставить привнесённые концепты, не слишком хорошо подходят для этих концептов. Вставке концептов в той или иной мере противится логика строения данной системы. Если привнесённый элемент всё же приживается в системе, то он в какой-то мере перестраивает её, «расталкивая локтями» соседей по полю и модифицируя строение поля. Тотальная взаимозависимость элементов – важнейшее свойство системы.

Проведём наглядную аналогию. Однажды у оружейников возник замысел снабдить пистолет съёмным прикладом. Но обычный пистолет плохо подходил для этой цели. Пришлось

несколько реконструировать его, чтобы он хорошо совместился с прикладом; так возникла система пистолетов «маузер». Добавление элемента повлияло на строение системы.

Удаление элемента тоже ведёт к перестройке системы. Например, когда модельерам пришла в голову идея шорт, они стали отрезать штанины от обычных брюк. Но это выглядело некрасиво. Тогда был разработан особый покрой, несколько отличавшийся от покроя верхней части обычных брюк.

Как видим, заимствуемые элементы в той или иной мере перестраивают систему. Но до того как адаптироваться к системе и адаптировать систему к себе, они не слишком органично смотрятся в системе; в этих случаях мы ведём речь не о лакунарных, а о квази-лакунарных элементах, в том числе о квази-лакунарных концептах. Их можно охарактеризовать английской идиомой *a square peg in a round hole* (букв. «квадратная затычка в круглой дырке»). Таков, например, англосаксонский концепт «harrassment», ныне внедряемый в русскую лингвоконцептосферу; он пока плохо в ней прижился.

Выясним далее, что такое лакунарный концепт как таковой. Образно говоря, это не чужая, а **своя собственная** «затычка», предназначенная для «дырки» в лингвоконцептосфере, но потерянная. Это такой концепт, который отсутствует в лингвоконцептосфере, но который ингерентен ей, виртуально присущ ей, но не используется (как и языковые формы вроде **мечт* от существительного *мечта*). Его необходимо устанавливать не на фоне рода, а **внутри** данной лингвоконцептосферы. Теоретически говоря,

это концепт, бытие которого предусмотрено культурой; для него имеется ячейка в лингвоконцептосфере, но по той или иной причине его там нет. Что же такое лакунарный концепт на практике? Возможны варианты ответа на этот вопрос.

Может быть, лакунарным следует называть **табуированный** концепт – к примеру, концепт «культурная революция» в нынешнем Китае? Лояльные правительству китайцы в наши дни не говорят на эту тему. Но в данном случае табуировано скорее вербальное название, чем концепт. В тех случаях, когда употреблять название концепта запрещено, он может обозначаться эвфемизмами. Его лакунарность носит спорный характер.

В таком случае, возможно, лакунарный концепт – это такой концепт, который **вытеснен** из сознания в область коллективного бессознательного? Из глубин бессознательного он действует на мышление. В сознании для него имеется ячейка определённых очертаний, которая сама по себе в той или иной степени влияет на структуру концептуального поля, подобно дырке от выпавшего фрагмента мозаики. Недостоящий концепт в принципе может быть восстановлен в коллективном сознании.

Наглядный пример можно найти в психоанализе. Согласно учению З. Фрейда [10], доисторическая память о том, как сыновья совместно убили отца (вождя племени), чтобы обрести доступ к гарему, была в давние времена табуирована и вытеснена коллективом в сферу бессознательного вследствие мучительности данного воспоминания, которое вызывает комплекс вины. Однако этот пробел в культур-

ной памяти, по версии З. Фрейда, по-прежнему является краеугольным камнем культуры (своего рода «культурным геном»), который определяет особенности половой морали и формирует Эдипов комплекс. По Фрейду, культура представляет собой «невроз человечества».

«Культурные гены» переносятся из поколения в поколение не через механизм биологической наследственности, а через механизм культурного наследования, носящий скрытый характер. Вытесненные лингвокультурные концепты неявно хранятся в культуре (а именно в её части – коллективном бессознательном), несмотря на то что в общеупотребительном языке они не имеют названий и напрямую не используются в дискурсе. На наш взгляд, имеются основания относить такого рода концепты к числу лакунарных.

Далее, лакунарными можно назвать и **«забытые культурой»** концепты – такие, которые в прежние времена входили в состав культуры, а в наше время устарели и выпали из памяти народа из-за культурных перемен, но при этом оставили ячейку в концептуальном поле.

Например, в славянской языческой лингвокультуре имелись концепты «явь» (сей мир) и «навь» (мир иной). Эти концепты до сих пор «сквозят» в таких русских словах, как *явь* (то, что существует в действительности, а не чудится), *наяву*, *явный*, *явление* (в значении «приход из иного мира»), *навка* (русалка, существо из мира мёртвых). Ср. также *Мора* / *Мара* – славянская богиня сна и смерти, чьё имя (восходящее к индоевр. **mer-* «умирать») доныне чувствуется в словах *мóрок*, *об-*

морок, моро́ка, морочить, марево и др.

Возможна и ещё одна трактовка лакунарного концепта – как концепта «**потенциального**», который можно вывести из наличных концептов в виде гипотезы. Такие концепты встречаются в футурологической литературе: «лживотные» (изделия генной инженерии) у С. Лема, «гравиконцентрат» (искусственно созданное поле тяготения) у братьев Стругацких и т. п. Будучи продуктами индивидуального творчества, они не являются общенародным достоянием, однако они созданы на почве определённой лингвокультуры и имманентны ей, составляя её потенциал. Если такие концепты когда-либо станут общенародными, они, вероятно, обретут другие наименования. Подчеркнём: речь идёт о концептах, а не об их словесном обозначении.

Итак, на наш взгляд, лакунарными можно назвать (а) табуированные; (б) вытесненные; (в) забытые; (г) потен-

циальные концепты. Не исключено, что этот список может быть продолжен. Получается шкала приближения концептов к лингвоконцептосфере: экзосферные → квази-лакунарные → лакунарные → эндосферные. Между делениями этой шкалы границы размыты. Концепты, развиваясь, могут передвигаться по ней. Существуют и переходные случаи; поэтому на шкале может быть большее число делений.

Образно говоря, вокруг «планеты» концептосферы находится «космос» иносистемных концептов. Одни из них далеки и независимы от неё; другие, находящиеся под действием её «поля тяготения», располагаются ближе к ней; третьи находятся совсем рядом; и, наконец, четвёртые притягиваются этой планетой и становятся её частью. Это похоже на Сатурн с его кольцами.

Таким, в общих чертах, нам представляется смысловое наполнение понятия «лакунарный концепт».

ЛИТЕРАТУРА

1. Дашидоржиева Б.В. Лакуна в межкультурной коммуникации: Учебно-методическое пособие. Улан-Удэ: издательство Бурятского государственного университета, 2013. 122 с.
2. Долинин В.А. Лакунарный концепт в языковой картине мира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. Вып. 13(592). С. 32–45.
3. Лебедева Л.А., Саврасова О.М. Межкультурные лакуны в структуре концептов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: «Филология и искусствоведение». 2017. Вып. 2(197). С. 76–83.
4. Ма Хунъюй. Этнографические лакуны как сигналы национальной специфики культуры народа // Лакуны в языке и речи: сборник научных трудов / под ред. Ю.А. Сорокина, Г.В. Быковой. Благовещенск: Издательство Благовещенского государственного педагогического университета, 2003. Вып. 2. С. 113–117.
5. Оруэлл Дж. 1984. М.: АСТ, Neoclassic, 2013. 320 с.
6. Проскурин Е.Г. Когнитивная лакунарность как проблема межкультурной коммуникации: дисс. ... канд. филол. н. Барнаул, 2004. 146 с.
7. Стернин И.А., Быкова Г.В. Концепты и лакуны // Языковое сознание: формирование и функционирование: сб. статей / под ред. Н.В. Уфимцевой. М.: Наука, 1998. С. 55–67.
8. Стернин И.А., Попова З.Д., Стернина М.А. Лакуны и концепты // Лакуны в языке и речи: сб. науч. тр. / под ред. Ю.А. Сорокина, Г.В. Быковой. Вып. 2. Благовещенск: Издательство Благовещенского государственного педагогического университета, 2003.

С. 198–205.

9. Тимофеева Н.П. Лакунарные концепты отраслевой терминологии // Язык и мир изучаемого языка: сб. науч. ст. / под ред. А.А. Зарайского. Вып. 6. Саратов: Саратовский филиал Российского государственного экономического университета им. Г.В. Плеханова, 2015. С. 100–103.
10. Фрейд З. Я и Оно. М.: Эксмо-Пресс, Фолио, 2017. 864 с.

REFERENCES

1. Dashidorzhieva B.V. *Lakuna v mezhkul'turnoi kommunikatsii* [The lacuna in intercultural communication]. Ulan-Ude, Publishing house of Buryat State University, 2013. 122 p.
2. Dolinin V.A. [Lacunar concept in a language picture of the world]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [MSLU Bulletin], 2010, no. 13(592), pp. 32–Lebedeva L.A., Savrasova O.M. [Intercultural lacunas in the structure of concepts]. In: *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universitetata. Seriya: «Filologiya i iskusstvovedenie»* [The Bulletin of the Adyghe State University. Series “Philology and the Arts”], 2017, no. 2(197), pp. 76–Ma Junhui. [Ethnographic lacunae as signals of national specifics of people's culture]. In: *Lakuny v yazyke i rechi: sbornik nauchnykh trudov* [Lacunas in language and speech: collection of scientific works], 2003, iss. 2, pp. 113–Orwell G. 1984. Moscow, AST, Neoclassic Publ., 2013. 320 p.
3. Proskurin E.G. *Kognitivnaya lakunarnost' kak problema mezhkul'turnoi kommunikatsii: diss. ... kand. filol. nauk* [Cognitive lacunarity as a problem of intercultural communication: PhD thesis in Philological sciences]. Barnaul, 2004. 146 p.
4. Sternin I.A., Bykova G.V. [Concepts and Lacunas]. In: *Yazykovoe soznanie: formirovanie i funkcionirovanie* [Language consciousness: formation and functioning]. Moscow, Nauka Publ., 1998. pp. 55–Sternin I.A., Popova Z.D., Sternina M.A. [Lacunae and concepts]. In: *Lakuny v yazyke i rechi* [Lacunae in language and speech]. Blagoveshchensk, Publishing house of the Blagoveshchensk State Pedagogical University, 2003. pp. 198–Timofeeva N.P. [Lacunar concepts industry terminology]. In: *Yazyk i mir izuchaemogo yazyka* [Language and the world of the target language]. Saratov, 2015, pp. 100–Freud Z. *Ya i Оно* [I and It]. Moscow, Eksmo-Press, Folio Publ., 2017. 864 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Савицкая Екатерина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Самарского государственного социально-педагогического университета;

e-mail: lampasha90@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina V. Savitskaya – PhD in Philological sciences, associate professor at the Department of English Philology and Intercultural Communication, Samara State University of Social Sciences and Education;

e-mail: lampasha90@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Савицкая Е.В. Вариативность смыслового наполнения понятия «концептуальная лакуна» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 1. С. 24-31

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-24-31

FOR CITATION

Savitskaya E.V. Semantic variability of the notion “conceptual lacuna” In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 1, pp. 24-31

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-24-31

УДК 81'373

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-32-41

О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ ЛЕКСИКИ АТОМНОЙ ОТРАСЛИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XXI ВЕКА

Фельдман Н.Б.*Владимирский государственный педагогический университет**имени А.Г. и Н.Г. Столетовых**600000, г. Владимир, ул. Горького, д. 87, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается тематическая группа лексики атомной отрасли, выделяются и описываются отдельные лексико-семантические группы, входящие в данную тематическую группу, а также приводится классификация лексики атомной отрасли по различным основаниям: словообразовательному, лексико-семантическому, морфолого-синтаксическому принципам. Кроме того, в настоящей статье проанализированы типы профессионализмов, возникающих в лексике атомной отрасли, с указанием источников их возникновения.

Ключевые слова: тематическая группа лексики, лексико-семантическая группа, термин, профессионализмы, аббревиация, заимствования.

ON THE FUNCTIONING OF THE THEMATIC GROUP OF LEXIS OF THE NUCLEAR INDUSTRY IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE 21ST CENTURY

N. Feldman*Alexander and Nikolay Stoletov Vladimir State University**87 Gorky St., Vladimir, 600000, Russian Federation,*

Abstract. The article discusses the thematic group of the vocabulary of the nuclear industry, distinguishes and describes certain lexical and semantic groups, which are included in this thematic cluster, and classifies the nuclear industry vocabulary on various grounds: derivative, lexical-semantic, morphological and syntactic principles. In addition, this article analyzes the types of professionalism, resulting in the vocabulary of the nuclear industry, and identifies the sources of their origin.

Key words: thematic group vocabulary, lexical-semantic group, term, professionalism, abbreviation, borrowing.

Тематические группы лексики анализируются с конца XIX в. в работах Н.В. Крушевского и М.М. Покровского. В первой половине и середине XX в. эта тема развивалась в трудах О.С. Ахмановой [8, с. 78–79] и других отечественных лингвистов. В конце XX – начале XXI вв. тематические и лексико-семантические группы рассматриваются в работах М.А. Кронгауза [14, с. 130], Л.П. Крысина [15, с. 67] и др.

Атомная энергетика в XXI в. является одной из активно развивающихся энергетических отраслей, и это не могло не сказаться на расширении понятийного и терминологического аппарата этой сферы, в котором отразились тенденции, характерные для современной лексики в целом. Тематическая группа лексики атомной отрасли существует и развивается в соответствии с общими закономерностями, характерными для тематических групп и лексико-семантических групп, а также для возникающих и функционирующих в языке терминов, профессионализмов и понятий, обозначающих технологические процессы, механизмы и явления, что отмечается в работах М.К. Борисовой [11, с. 121], В.М. Лейчика [17, с. 31–32], Е.Н. Сердобинцевой [20, с. 85–91], А.В. Суперанской [21, с. 110, 120] и других исследователей.

Актуальность настоящей статьи обусловлена отсутствием системного монографического описания лексики атомной отрасли, использующейся в русском языке XXI века.

Научная новизна статьи заключается в том, что до настоящего момента не существовало системного описания явлений, происходящих в тематической группе лексики атомной отрасли. Словари отраслевой лексики существуют в электронном виде и представляют собой вариацию одного и того же списка терминов и сокращений, употребляющихся в атомной отрасли. Но этот список не полный, так как не включает активно используемые (в том числе в письменной речи) профессионализмы, а также понятия, возникшие путём метонимического переноса и ставшие общеупотребительными, например, **Чернобыль** в значении 'ава-

рия на Чернобыльской АЭС'. В наиболее полном из словарей содержится чуть более 1000 языковых единиц.

Изученный нами языковой материал представляет собой 1100 языковых единиц, использующихся в 2200 контекстах – учебных пособиях, публицистических текстах, художественной литературе и воспоминаниях участников атомного проекта СССР.

Обобщая представление отечественных лингвистов XX и XXI вв. о тематических и лексико-семантических группах, дадим следующее рабочее определение: *тематические группы слов* – широкие объединения слов, характеризующиеся тематической общностью и включающие в себя *лексико-семантические группы (ЛСГ)*. ЛСГ состоят из слов одной части речи, объединённых интегральным семантическим компонентом; основными лингвистическими признаками ЛСГ являются общая грамматическая сема, единая категориально-лексическая сема, парадигматические связи (синонимия и антонимия), сходство синтагматических характеристик.

Значительную часть лексики атомной отрасли составляют термины и понятия, описывающие механизмы, рабочие и технологические процессы и явления. Как отмечает В.М. Лейчик, терминология образуется по тому же пути, что и лексика в языке в целом, и первым её признаком является «совместное обозначение группы тематически связанных объектов и их признаков, что соответствует обычному языковому процессу создания лексико-семантических групп» [17, с. 108]. А.В. Суперанская вводит понятие «поле», в котором существует любой термин. По Суперанской, тер-

мин внутри поля «обладает всеми характеризующими его признаками», а само поле – это «область, искусственно очерченная и специально охраняемая от посторонних проникновений» [21, с. 110]. По сути, понятие «поле» в интерпретации А.В. Суперанской – это та же тематическая группа лексики, включающая лексико-семантические группы, в которых термины группируются по определённым параметрам.

Анализ собранного нами языкового материала позволяет сформировать следующие классификации лексики атомной отрасли:

1. Классификация с точки зрения словообразовательных моделей. Аббревиатуры составляют порядка 10% от проанализированных нами единиц, и их количество активно пополняется за счёт возникновения новых многословных терминов и понятий и их последующего сокращения путём аббревиации.

1) звуковая, например, **ПУГР (промышленный уран-графитовый реактор)**, **МБИР (многоцелевой быстрый исследовательский реактор)**, **ВВЭР (водо-водяной энергетический реактор)**¹. Все выводимые из эксплуатации **ПУГР** приведены в ядерно-безопасное состояние и находятся в стадии подготовки к длительной выдержке [24, с. 185];

2) буквенная, например, **АПЛ (атомная подводная лодка)**, **БЩУ (блочный щит управления)**, **ПСР (производственная система «Росатом»)**. Для **АПЛ** четвёртого по-

¹ Поскольку произношение большинства аббревиатур в лексике атомной отрасли не закреплено в соответствующих словарях, мы при распределении ориентировались на произносительные варианты в речи сотрудников атомной отрасли.

коления характерны беспрецедентно малый уровень шума и продвинутая электроника [13];

3) слововая, например, **токамак – тороидальная камера с магнитными катушками**. Недавно в Московском физико-техническом институте состоялась российская презентация проекта ИТЭР, в рамках которого планируется создать термоядерный реактор, работающий по принципу **токамака** [23];

4) сочетание начальной части слова с целым словом, например, **промплощадка, радиофармпрепарат, госкорпорация**. **Промплощадка** – территория, на которой располагаются основные объекты АС [22];

5) смешанная аббревиация, например, **ПАТЭС (плавучая атомная электростанция)**, **ТВЭЛ (тепловыделяющий элемент)**, **пэл (поглотительный элемент)**. На прошлой неделе журналисты впервые побывали на **ПАТЭС**, которая строится на мощностях Балтийского завода в Петербурге [9].

В анализируемой группе также можно выделить слова, в которых содержатся исконно русские суффиксы:

1) существительные с суффиксами -щик, -овщик, -льщик, -тельство, -ша, например, **атомищик**. Благодаря циркулирующим слухам на **атомищиков** многие смотрят как на смертников [4, с. 3];

2) существительные с суффиксом -тель со значением действующего предмета, например, **теплоноситель, замедлитель**. Но теперь вода, которая используется в качестве **теплоносителя**, становится помехой: ведь она замедляет нейтроны, а нужны **быстродвижущиеся частицы** [3, с. 6];

3) существительные с суффиксом -ость от прилагательных, например, **радиоактивность**. **Радиоактив-**

ность – это естественное свойство любой природной материи [5, с. 24];

4) слова, созданные по русской словообразовательной модели из русских и заимствованных элементов, например, **выщелачивание, остекловывание, витрификация. Выщелачивание** заключается в обработке руды водными растворами химических реагентов, переводящих уран в растворимую форму [7, с. 83].

II. Морфолого-синтаксические группы слов сферы атомной отрасли можно классифицировать следующим образом:

1) отдельные лексемы:

а) существительные, например, **радионуклид, реактор, дозиметр**. Для диагностики используют только те радионуклиды, которые наносят минимальный вред организму [1, с. 11];

б) глаголы, например, **остекловывать** – описание одного из процессов переработки высокоактивных отходов. *Высокоактивные отходы остекловывают* [2, с. 27];

2) словосочетания:

а) прилагательное + существительное, например, **атомная энергетика, мирный атом, активная зона. Атомная энергетика** предоставляет ещё одну возможность получения чистой воды – но уже не для питья [1, с. 14];

б) глагол + существительное, например, **испускать радиацию, заглушить реактор, выгрузить топливо**. При этом ядро **испускает радиацию**, или, как её называют специалисты, **ионизирующее излучение** [2, с. 30];

в) существительное + существительное, например, **мощность излучения, стержни защиты, ловушка расплава**. При радиационной стерилизации **мощность излучения** и дозы,

как правило, невелики [1, с. 24];

г) словосочетания из трёх и более слов с разными типами связи, например, **метод меченых атомов, замкнутый топливный цикл, цепная реакция деления**. Этот приём получил название «**метода меченых атомов**»: если в молекулу ввести радиоактивный атом, то за её поведением можно будет следить при помощи детекторов радиации [1, с. 9].

III. По лексико-семантической классификации анализируемых единиц сферы атомной энергетики можно выделить исконную и заимствованную лексику.

Поскольку атомная отрасль существует менее ста лет, то в тематической группе слов атомной отрасли встречаются преимущественно собственно русские слова, образовавшиеся в языке с конца XVI в., и эти примеры довольно редки.

Можно выделить несколько групп заимствований и характер их использования:

1) лексические заимствования для наименования изделий и деталей, существующих в других странах и имеющих названия в других языках, например, **бридер**. Из-за этой особенности реакторы на быстрых нейтронах называют **бридерами** (от англ. *Breeder* – размножитель) [3, с. 12];

2) лексические заимствования с кардинальным изменением лексического значения, например, **доллар**. **Доллар** – единица реактивности, равная значению реактивности, необходимой для того, чтобы реактор стал критическим только на мгновенных нейтронах, и, следовательно, равная эффективной доле запаздывающих нейтронов для этого реактора [22].

Метонимический перенос значений, основанный на связи или смежности явлений, также характерен для лексики сферы атомной отрасли. Среди анализируемых в настоящей работе лексических единиц отмечаются лексемы со следующими типами метонимических переносов, выделенными Ю.А. Гвоздаревым [12, с. 78–79]:

1) наименование процесса – наименование результата, например, **альфа-излучение**. *Альфа-излучение (Alpha-radiation) – вид ионизирующего излучения – поток положительно заряженных частиц (альфа-частиц), испускаемых при радиоактивном распаде и ядерных реакциях* [22];

2) наименование предприятия, мероприятия – наименование его участников (или наоборот), например, название предприятия **Балтийская АЭС** заменяет в контекстуальном значении обозначение её сотрудников. *Балтийская АЭС сможет поставлять электроэнергию в Польшу и страны Скандинавии* [6, с. 21];

3) имя человека – наименование его произведений, например, читаем **Курчатова** [12, с. 37];

4) перенос названия, свойства, качества на предмет (явление, процесс), обнаруживающий это название, свойство, качество, например, **таблетка** как название мельчайшего элемента уранового топлива, формулируемого под давлением и по способу производства, по форме и по размеру похожего на таблетку. *Но в реакторы не загружают металлический уран, его переводят в форму диоксида, из которого штампуют таблетки* [3, с. 7];

5) перенос названия, географического пункта, местности на то, что в них производится, а также на то, что

в этой местности произошло, например, **Чернобыль, Фукусима, Семипалатинск**. *По Чернобылю были сделаны самые серьёзные выводы – политические, организационные, технические, медицинские, социальные и другие* [4, с. 22].

Ещё одной группой лексики, активно развивающейся в атомной отрасли, являются *профессионализмы*. Е.Н. Сердобинцева рассматривает профессионализмы как «языковой материал», являющийся результатом речевой деятельности определённой социальной группы» [20, с. 83].

Сердобинцева [20, с. 85–86] выделяет следующие источники (примеры подобраны нами):

1) исконно русские слова, взятые из общеупотребительной лексики и подвергшиеся семантической специализации, например, **зелёная лужайка** – процесс вывода из эксплуатации радиационно опасных объектов до полной их безопасности. *Причём этот уникальный и с экологической, и с деловой точки зрения опыт может тиражироваться Росатомом и за рубежом, где соответствующие технологии и практика вывода ядерных объектов до состояния «зелёной лужайки» очень востребованы* [16];

2) некогда заимствованные русским языком слова, приспособленные к специальному обозначению предметов, например, **тюбетейка** – купол реакторного здания (по форме похож на национальный мужской головной убор). *«Тюбетейка», которая накрывает корпус будущего первого энергоблока, что построят через полтора года* [19];

3) из разговорно-просторечного лексического пласта, например, **хвос-**

ты – отходы, представляющие собой руду после извлечения из неё урана. Большую поддержку Киргизии в решении проблем с «хвостами» оказывает Российская Федерация [10];

4) из жаргонов, например, **заварить козла**: ‘козёл’ – это урановая пробка в канале реактора. Сами **«заварили козла»**, самим и выдирать [18].

Следует отметить, что все приведённые нами выражения в анализируемых текстах оформляются кавычками, что свидетельствует о том, что эти профессионализмы ещё не получили широкого употребления, и одного контекста недостаточно для разграничения общеупотребительного и узкопрофессионального значения. Кавычки и выполняют функцию такого ограничителя.

Кроме того, следует отметить, что тематическая группа лексики атомной отрасли составляет ряд лексико-семантических групп, объединённых общей отнесённостью к атомной энергетике и явлению радиоактивности. Ядро тематической группы составляют лексико-семантические группы, состоящие из терминов и понятий, описывающих различные механизмы, процессы и явления, относящиеся к атомной энергетике и атомной отрасли, а также к радиационным технологиям, использующимся в различных сферах жизнедеятельности.

В частности, в лексико-семантической группе ‘реактор’ объединены названия типов ядерных реакторов, представленные преимущественно аббревиатурами: **РБМК** (реактор большой мощности канальный), **ВВЭР** (водо-водяной энергетический реактор), **ВВЭР-ТОИ** (водо-водяной энергетический реактор типовой оптимизи-

рованный и информатизированный), **БН-600** и **БН-800** (энергетический реактор на быстрых нейтронах), **БРЕСТ** (быстрый реактор со свинцовым теплоносителем).

В лексико-семантической группе с общим значением ‘излучать’ объединены глаголы, обозначающие процесс радиоактивного излучения. Корневая сема в этой группе – глагол ‘излучать’. Также данная ЛСГ включает следующие глаголы: ‘испускать (радиацию)’, профессионализм ‘фонить’, антоним к корневой семе ‘поглощать’.

ЛСГ с общим значением ‘перерабатывать’ (отработавшее ядерное топливо) включает такие глаголы, как ‘витрифицировать’, ‘остекловывать’, ‘дезактивировать’, ‘дожигать’, ‘сжигать’, ‘цементировать’, ‘растворять’, ‘окислять’, ‘упаривать’, ‘уплотнять’, ‘захоранивать’, описывающие разные стадии переработки отработавшего ядерного топлива и радиоактивных отходов.

На периферии тематической группы лексики атомной отрасли находятся лексико-семантические группы, объединяющие слова, получившие специальные значения в процессе развития атомной отрасли и смежных с ней областей. Например, в ЛСГ с условным названием ‘авария, катастрофа, опасность’ содержатся слова **Чернобыль**, **Фукусима**, **Семипалатинск**, получившие новое значение путём метонимического переноса с местности на аварию или опасные испытания, происходившие в этой местности.

Таким образом, исследование тематической группы лексики атомной отрасли позволило нам сделать вывод о наличии в составе данной тематической группы ряда лексико-семантических групп, включающих, помимо

специальных терминов, профессионализма и слова, получившие специальные значения. Кроме того, тематическая группа лексики атомной отрасли активно пополняется в связи с воз-

никновением новых и новейших механизмов, процессов и оборудования, за счёт словообразовательных, лексико-семантических и морфолого-синтаксических процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акатов А.А., Коряковский Ю.С. Атом на работе. М.: АНО «Информационный центр атомной отрасли», 2012. 28 с.
2. Акатов А.А., Коряковский Ю.С. Атомная энергетика. Спрашивали? Отвечаем! М.: АНО «Информационный центр атомной отрасли», 2012. 56 с.
3. Акатов А.А., Коряковский Ю.С. Будущее ядерной энергетике. Реакторы на быстрых нейтронах. М.: АНО «Информационный центр атомной отрасли», 2012. 36 с.
4. Акатов А.А., Коряковский Ю.С. Радиация: говорят, что... М.: АНО «Информационный центр атомной отрасли», 2012. 32 с.
5. Акатов А.А., Коряковский Ю.С. Радиоактивность: несекретные материалы. М.: АНО «Информационный центр атомной отрасли», 2012. 32 с.
6. Акатов А.А., Коряковский Ю.С. Северо-Запад: Направление роста. Стратегия-2020 и атомная энергетика. М.: АНО «Информационный центр атомной отрасли», 2012. 28 с.
7. Акатов А.А., Коряковский Ю.С. Краткая энциклопедия урана. СПб.: Фонд развития модульного обучения «Петерфонд», 2013. 114 с.
8. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 296 с.
9. АЭС спустят на воду [Электронный ресурс] // Лента.Ру: [сайт]. URL: https://lenta.ru/articles/2015/08/25/rosatom_pates/ (дата обращения: 15.01.2017).
10. Борисенко Л. Убрать хвосты [Электронный ресурс] // Российская газета: [сайт]. URL: <https://rg.ru/2015/04/09/pomosh.html> (дата обращения: 03.02.2017).
11. Борисова М.К. Сопоставительный анализ терминов международной безопасности в английском, французском и русском языках // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 1. С. 118–127.
12. Гвоздарев Ю.А. Современный русский язык. Лексикология и фразеология: Учебное пособие. Ростов/н/Д: издательский центр «Март», 2008. 352 с.
13. Как устроена атомная подлодка // Naked Science, Интернет-издание. URL: <https://naked-science.ru/article/tech/kak-ustroena-atomnaya-podlodka> (дата обращения: 03.02.2017).
14. Кронгауз М.А. Семантика: Учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 352 с.
15. Крысин Л.П. Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 240 с.
16. Кузьмин В. Ядерные реакторы становятся зелёными лужайками [Электронный ресурс] // Независимая газета: [сайт]. URL: http://www.ng.ru/ideas/2015-11-13/6_atom.html (дата обращения: 02.02.2017).
17. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 3-е. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 256 с.
18. Медведев Г. Ядерный загар [Электронный ресурс] // Lib.Ru: Библиотека Максима Мошкова: [сайт]. URL: http://lib.ru/NEWPROZA/MEDWEDEW_G/zagar.txt (дата обращения: 19.12.2016).

19. Россия отметила День работников атомной промышленности [Электронный ресурс] // Вести.RU: [сайт]. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2805531&cid=6> (дата обращения: 10.01.2017).
20. Сердобинцева Е.Н. Речевые характеристики профессиональной лексики // Филологические науки. 2006. № 2. С. 83–92.
21. Суперанская А.В. Общая терминология: Вопросы теории / отв. ред. Т.Л. Канделаки. Изд. 5-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 248 с.
22. Термины и определения. Термины атомной отрасли [Электронный ресурс] // Метрологическая служба ГК «Росатом» : [сайт]. URL: http://www.metroatom.ru/glossary/terms_atomic_branch/ (дата обращения: 15.12.2016).
23. Термоядерный гигантизм [Электронный ресурс] // Лента.Ру: [сайт]. URL: <https://lenta.ru/articles/2014/05/28/iter/> (дата обращения: 07.07.2017).
24. Хвостова М.С. Инженерно-экологические особенности вывода из эксплуатации уран-графитовых ядерных реакторов и исследовательских ядерных установок // Известия Томского политехнического университета. 2012. Том 320. № 1. С. 184–188.

REFERENCES

1. Akatov A.A., Koryakovskii Yu.S. *Atom na rabote* [The atom at work]. Moscow, ANO «Informatsionnyi tsentr atomnoi otrasli» Publ., 2012. 28 p.
2. Akatov A.A., Koryakovskii Yu.S. *Atomnaya energetika. Sprashivali? Otvechaem!* [Nuclear energy. You've asked. We're answering!]. Moscow, ANO «Informatsionnyi tsentr atomnoi otrasli» Publ., 2012. 56 p.
3. Akatov A.A., Koryakovskii Yu.S. *Budushchee yadernoi energetiki. Reaktory na bystrykh neutronakh* [The future of nuclear energy. Reactors on fast neutrons]. Moscow, ANO «Informatsionnyi tsentr atomnoi otrasli» Publ., 2012. 36 p.
4. Akatov A.A., Koryakovskii Yu.S. *Radiatsiya: govoryat, chto...* [Radiation: they say...]. Moscow, ANO «Information center of nuclear industry», 2012. 32 p.
5. Akatov A.A., Koryakovskii Yu.S. *Radioaktivnost': nesekretnye materialy* [Radioactivity: unclassified materials]. Moscow, ANO «Informatsionnyi tsentr atomnoi otrasli» Publ., 2012. 32 p.
6. Akatov A.A., Koryakovskii Yu.S. *Severo-Zapad: Napravlenie rosta. Strategiya-2020 i atomnaya energetika* [North-West: the Direction of growth. Strategy 2020 and nuclear energy]. Moscow, ANO «Informatsionnyi tsentr atomnoi otrasli» Publ., 2012. 28 p.
7. Akatov A.A., Koryakovskii Yu.S. *Kratkaya entsiklopediya urana* [Brief encyclopedia of uranium]. St. Petersburg, Fond razvitiya modul'nogo obucheniya «Peterfond» Publ., 2013. 114 p.
8. Akhmanova O.S. *Ocherki po obshchei i russkoi leksikologii* [Essays on General and Russian lexicology]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2009. 296 p.
9. [NPP will be launched on the water]. In: *Lenta.Ru*. Available at: https://lenta.ru/articles/2015/08/25/rosatom_pates/ (accessed: 15.01.2017).
10. Borisenko L. *Ubrat' khvosty* [Remove the tails]. In: *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper]. Available at: <https://rg.ru/2015/04/09/pomosh.html> (accessed: 03.02.2017).
11. Borisova M.K. [The comparative analysis of international security terms in the English, French and Russian languages] In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Lingvistika»* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2016, no. 1, pp. 118–127.
12. Gvozdev Yu.A. *Sovremennyi russkii yazyk. Leksikologiya i frazeologiya* [The Modern Russian language. Lexicology and phraseology]. Rostov-on-Don, Mart Publ., 2008. 352 p.

13. [How to construct a nuclear submarine]. In: *Naked Science, Internet-izdanie* [Naked Science, online edition.]. Available at: <https://naked-science.ru/article/tech/kak-ustroena-atomnaya-podlodka> (accessed: 03.02.2017).
14. Krongauz M.A. *Semantika* [Semantics]. Moscow, Akademiya Publ., 2005. 352 p.
15. Krysin L.P. *Sovremenniy russkii yazyk. Leksicheskaya semantika. Leksikologiya. Frazeologiya. Leksikografiya* [The Modern Russian language. Lexical semantics. Lexicology. Phraseology. Lexicography]. Moscow, Akademiya Publ., 2007. 240 p.
16. Kuz'min V. [Nuclear reactors become green lawns]. In: *Nezavisimaya gazeta* [Nezavisimaya gazeta]. Available at: http://www.ng.ru/ideas/2015-11-13/6_atom.html (accessed: 02.02.2017).
17. Leichik V.M. *Terminovedenie: predmet, metody, struktura* [Terminology: subject, methods, structure]. Moscow, LKI Publ., 2007. 256 p.
18. Medvedev G. [Nuclear tan]. In: *Lib.Ru: Biblioteka Maksima Moshkova* [Lib.Ru: Maxim Moshkov's Library]. Available at: http://lib.ru/NEWPROZA/MEDWEDEW_G/zagar.txt (accessed: 19.12.2016).
19. [Russia celebrated the Day of workers of nuclear industry]. In: *Vesti.RU*. Available at: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2805531&cid=6> (accessed: 10.01.2017).
20. Serdobintseva E.N. [Speech characteristics of professional vocabulary] In: *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences (Scientific Essays of Higher Education)], 2006, no. 2, pp. 83–92.
21. Superanskaya A.V. *Obshchaya terminologiya: Voprosy teorii* [General terminology: theory questions]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2009. 248 p.
22. [Terms and definitions. The terms of the nuclear industry]. In: *Metrologicheskaya sluzhba GK «Rosatom»* [Metrological service of "Rosatom"]. Available at: http://www.metroatom.ru/glossary/terms_atomic_branch/ (accessed: 15.12.2016).
23. [Thermonuclear gigantism]. In: *Lenta.Ru*. Available at: <https://lenta.ru/articles/2014/05/28/iter/> (accessed: 07.07.2017).
24. Khvostova M.S. [Engineering-ecological characteristics of the decommissioning of uranium-graphite nuclear reactors and nuclear research installations] In: *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk Polytechnic University], 2012, vol. 320, no. 1, pp. 184–188.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фельдман Наталия Борисовна – аспирант кафедры русского языка Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых;
e-mail: nbfeldman@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nataliya B. Feldman – postgraduate student at the Department of Russian Language, Alexander and Nikolay Stoletov Vladimir State University;
e-mail: nbfeldman@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Фельдман Н.Б. О функционировании тематической группы лексики атомной отрасли в русском языке XXI века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 1. С. 32–41
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-32-41

FOR CITATION

Feldman N.B. On the functioning of the thematic group of lexis of the nuclear industry in the Russian language of the 21st century. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 1, pp. 32-41
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-32-41

УДК 81.22

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-42-49

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЖАРГОНИЗМОВ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ АКТЁРА И ЕГО ИГРУ

Цапалина О.В.*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, улица Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В представленной статье подробно рассматривается самая объёмная тематическая группа театрального жаргона «Характеристика актёра и его игры» со структурно-семантической точки зрения. Указывается специфика характерных для жаргона словообразовательных способов, рассматриваются особенности структурных моделей жаргонных фразеологизмов театральной среды и делаются выводы относительно результатов проведённого анализа. Иллюстративный материал демонстрирует функционирование данных единиц в языке СМИ и художественных текстах.

Ключевые слова: жаргон, театральная среда, тематическая группа, структурно-семантический анализ, внутренняя форма слова, словообразовательные способы.

STRUCTURAL-SEMANTIC DISTINCTIVENESS OF THE JARGON, THAT CHARACTERIZES AN ACTOR AND HIS GAME

O. Tsapalina*Moscow Region State University
10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article discusses in detail the largest thematic group jargon of drama theatre “Features of the actor and his games” from the structural-semantic point of view. It indicates the specific characteristic of slang word-formation methods, the features of structural models of the slang phraseology of the theatrical environment and draws conclusions about the results of the analysis. The illustrative material that demonstrates the functioning of the units is from media and fiction texts.

Key words: jargon, theatrical environment, thematic group, structural-semantic analysis, the internal form of words, word-formation ways.

В статье «Тематические группы современного жаргона драматического театра» [21, с. 32–40] мы уже представляли развёрнутую классификацию, которая содержит 10 групп, отражающих тематическое разнообразие современных театральных жаргонизмов. Настоящая статья посвящена структурно-семантическим особенностям жаргонизмов в тематической группе «Характеристика актёра и его игры». Актуальность предлагаемого анализа состоит в том, что в настоящее время мало исследован и структурирован такой обширный пласт жаргонной лексики, как те-

атральный жаргон, который всё активнее проникает в нашу повседневную речь благодаря массовой культуре. Структурно-семантическая модель в лингвистике подразумевает регулярность соответствия между передаваемой лексемами семантической информацией и грамматической структурой. Мы полагаем целесообразным описать указанную тематическую группу (ТГ) со структурно-семантической точки зрения, для того чтобы на её примере раскрыть грамматическую специфику театральных жаргонизмов и особенности моделей их возникновения.

Анализируемые 36 единиц мы подразделяем на две подгруппы: отдельные лексемы (10 единиц) и фразеологизмы (26 единиц). Рассмотрим подробнее каждую из подгрупп.

В театральном жаргоне представлены различные способы словообразования. Однако его специфической чертой является тот факт, что в большинстве случаев первичным выступает неморфологический, лексико-семантический способ, а морфологические способы вторичны по объёму производимых лексем [6, с. 21].

Лексико-семантический способ, как один из многих, был описан В.В. Виноградовым в статье «Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии». Под ним понимается образование новых слов в результате изменения семантики существующих в русском языке лексических единиц [4, с. 271]. Продуктивность данного способа по отношению к прочим заключается в его главном свойстве – образности, источником которой является внутренняя форма слова.

С точки зрения А.А. Потебни, в процессе возникновения новой лек-

семы (например, как в нашем случае, жаргонной) происходит сравнение нового явления с тем, что было уже известно. На базе этого сопоставления выделяется общий признак, который и создаёт внутреннюю форму нового слова [11, с. 47–50].

В статье мы выделяем 7 лексем, образованных лексико-семантическим способом. Сравним эти жаргонизмы с мотивирующими словами, путём переосмысления которых они получены.

Словарь под редакцией Д.Н. Ушакова (далее – СУ) даёт следующее толкование: *ломанье* (ломание). 1. Действие по глаголу *ломать* в значениях «сгибая, силой разделять на куски, на части», «отделяя от стебля, отделять», «разрушая, приводить в негодность, портить», «добывать разбивая, разламывая ломом или другим орудием». 2. Действие по глаголу *ломаться* в значении «кривляться, жеманничать, проявлять в своём поведении претенциозность (разг.)» [18]. «Запрашивай сразу 200000. Ошеломив цифрой, начинай торговаться, *ломаться*, канителить. Приданое бери обязательно до свадьбы» [23, с. 208].

Театральный контекст (далее – ТК): *ломание* – отвратительная, бездарная игра. «Поэтому первое ваше искание никуда не годится; оно было обыкновенным актёрским *ломанием*» [17, с. 187].

Значение жаргонизма возникло на основе разговорного, также метафоричного значения общеупотребительного полисемичного слова.

СУ: *нажим*. 1. Действие по глаголу *нажимать* в значениях «надавить, подвергнуть давлению» и «оказать воздействие, понудить кого-нибудь ускорить исполнение чего-нибудь».

«Коротенькая рукоятка предполагает **нажим** на неё ногой» [1]. 2. Натиск (воен.). 3. Название различных приборов, при помощи которых нажимают на что-нибудь (спец.). 4. Утолщение штриха при письме пером (спец.) [18].

ТК: **нажим** – переигрывание.

СУ: **пережимать**, разг. к **пережать**. Выжать много чего-нибудь. **Пережимать** бельё [18].

ТК: **пережимать** – переигрывать. «Он был умён во всех своих ролях: играя и мудрых, и простаков. Юмор, импровизация, парадоксальность ходов – и всё почти бытово, без **пережима**» [5, с. 306].

Оба слова, имеющих схожее значение, возникли в результате метафорического переосмысления семы 'давить', то есть прикладывать излишнее количество усилий при выполнении чего-либо.

СУ: **плюсовать**, глагол от **плюс** – знак, обозначающий сложение, прибавление или положительность величины [18]. «Он знает, что была директива не выпускать его на волю никогда, что ему будут **плюсовать** срок за сроком» [9, с. 186].

ТК: **плюсовать** – делать игру эмоциональной. «В этом монологе смело **плюсуй**. Это означает, что нужно добавив эмоций» [10].

Лексема появилась за счёт метафорического переосмысления узуального значения, а точнее, данную пару слов объединяет послужившая основой для возникновения театральной жаргонной единицы общая сема 'добавлять', то есть увеличивать что-либо в размере.

СУ: **расколоться**. 1. Разделиться на части от ударов, колки, давления (разг.). «Конечно, Казимира понимала, что небо не может **расколоться**,

но страх был сильнее, чем доводы рассудка» [14, с. 56]. 2. Перен. Распасться, разделиться на несколько частей вследствие разногласий [18].

ТК: **расколоться** – сбиться с текста, выйти из образа на сцене, засмеяться во время спектакля. «В театре и вообще на сцене это называется **«расколоться»** – сбиться с текста, убрать «четвёртую стену» [7].

Переосмысленное значение общеупотребительного слова послужило для создания жаргонизма. Актёр в роли – это единый образ, который под воздействием разных факторов может «расколоться», то есть потерять свою целостность, «разделиться на части».

СУ: **свернуть**. 1. Вертя, скатать в свиток, сложить трубкой. 2. Закрывать, сложить, сжать (свои лепестки, листья – о растениях). 3. Вертя, крутя, изготовить (разг.). 4. перен. Суживая, ограничивая, разместить на меньшем пространстве, более тесно (воен. и офиц.). 5. перен. Свести к меньшим размерам личный состав (какой-н. организации; воен. и канц.). 6. перен. Сократить, сузить, ограничить деятельность чего-н., свести её к небольшим, меньшим размерам. **Свернуть** производство. 7. Повернуть в сторону, съехать, сойти с прямого пути [18].

ТК: **свернуть** – быстро и невнятно проговорить реплику.

Мы полагаем, что именно шестое, переносное значение узуального слова **свернуть** послужило основой для создания жаргонизма, так как их объединяет общая сема 'сократить'.

«Большой словарь русского жаргона» даёт следующие значения: **шаркать**. 1. Искать, выслеживать, высматривать, добывать какую-либо информацию. 2. Часто менять жен-

щин. 3. Много работать. 4. уг. Грабить, попрошайничать [3].

ТК: *шакалить* – играть с пафосом, крупно, громко, но неискренне, на автомате, без переживания. «В «Пиковой даме» актёры отвратительно кривляются, наигрывают в той степени, для которой в театральном жаргоне предусмотрен глагол «шакалить» [22].

В данной паре театральный жаргонизм был образован от иного жаргонного, а не общеупотребительного слова, однако явная связь семантики не прослеживается. Очевидно лишь, что их объединяет негативная коннотация, оттенок неискренности выполняемого действия.

Всё вышесказанное доказывает, что жаргон, в том числе и театральный, активно использует метафоризацию, свойственную лексико-семантическому словообразовательному способу, для создания новых единиц. В процессе переосмысления отдельных, часто уже переносных значений общеупотребительных слов возникают лексемы, по своей семантике достаточно близкие к первоначальным источникам. Также стоит отметить факт перехода некоторых жаргонизмов из одних социальных или профессиональных групп в другие, их выхода за исходные рамки, что говорит о тенденции к расширению границ всего жаргона в целом.

Морфологические способы словообразования были выявлены нами в отношении 3 жаргонных лексем.

Заплетык – оговорка, при которой актёр сбивается, не может верно произнести слово или реплику. «Постоянно звучит профессиональный сленг: «заплетык» (это всевозможные актёрские оговорки, ошибки, порой смешные)...» [8]. Лексема образована

путём присоединения к производящей основе *заплетать* суффикса *-ык-*, выступающего суффиксом субъективной оценки и придающего слову разговорный характер [13, с. 215].

Зашиор – последняя стадия актёрского зажима. «*Зашиор* – последняя стадия актёрского зажима», – сказал бы про премьерный выход Ромы профессиональный артист» [2, с. 195]. Единица произведена безаффиксным способом от глагола *зашиорить* – надеть шоры на глаза лошади [16], при этом также имеет место метафоризация исходного прямого значения, послужившего основой для появления не только театрального жаргонизма, но и разговорной лексемы молодёжной среды *зашиор* – потерять ощущение реальности, адекватность восприятия в результате излишней суеты. *Ты как-то невпопад отвечаешь. — Извини, я сегодня в зашиоре* [3]. Производные слова объединяет переосмысление первичной семантики, связанной с ограничением восприятия происходящего, волнением и суетой.

Страдануть – пытаться расплакаться на сцене. «*Вытравливайте из себя тенденцию страдануть на сцене!*» [12] Жаргонизм получен суффиксальным способом с помощью прибавления к основе *страдать* аффикса *-ну-* с семантикой однократности действия, а также оттенком разговорности и излишней эмоциональности [13, с. 346–347].

Данные примеры иллюстрируют упомянутую выше низкую активность морфологических способов образования слов применительно к театральному жаргону. Конкретные примеры, рассмотренные нами, подтверждают эту общую словообразовательную тенденцию.

Говоря же о жаргонных фразеологизмах театральной среды из заявленной нами тематической группы, следует рассмотреть их особенности с точки зрения структурно-семантического типа.

По своей структуре фразеологические обороты делятся на фразеологизмы-предложения и фразеологизмы-словосочетания [15, с. 204]. Фразеологизмы-словосочетания являются собой, как и слова, единицы номинативного характера и выступают в роли отдельных членов предложения [15, с. 201].

Вслед за И.В. Евсеевой, Т.А. Лузгиной, И.А. Славкиной и Ф.В. Степановой мы относим к фразеологизмам-словосочетаниям все рассматриваемые обороты (26 единиц), которые, согласно классификации учёных [15, с. 202], представляют следующие модели: глагол с именем существительным (иногда эта модель расширяется) (*взять зрителя обратно, вытягивать спектакль, играть на котурнах, играть нутром, играть спектакль без голоса, играть третьего гриба в седьмом ряду, играть тылом, играть умного артиста, играть через губу, ломать Шекспира, разыгрывать слова, расти внутри текста, рвать кулисы, рвать страсти, сделать апарт, сделать «гур-гур», смотреть пустым глазом, стоять с алебардой, стоять у воды, умирать на сцене, хлопотать лицом (физиономией)* – всего 21 единица), глагол с наречием (*играть наполнено, играть шире* – всего 2 единицы), имя существительное с прилагательным (*Артист Артистич, элементарный зажим* – всего 2 единицы), существительное в именительном падеже с существительным в родительном падеже

(*Артист погорелого театра* – всего 1 единица).

В некоторых примерах явно прослеживается калька с общеупотребительного фразеологизма с заменой компонента. Так, у единицы *ломать Шекспира* очевидна связь сразу с двумя фразеологизмами: *ломать дурака* – 1. Дурачиться, паясничать. 2. Притворяться глупым, непонимающим [19, с. 457] и *ломать комедию* – притворяться перед кем-либо, лицемерить [19, с. 462]. Фразеоединицы объединяет не только структура с общим компонентом *ломать*, но и идентичные семы 'притворяться', 'быть неискренним'. Отсюда следует, что театральный жаргонизм пересекается с узуальными устойчивыми сочетаниями как по форме, так и по внутреннему наполнению. Также жаргонные фразеологизмы *рвать страсти* и *рвать кулисы* имеют семантическое и структурное пересечение с узуальной единицей *рвать себя на части* – надрываться, прилагая все силы [19, с. 662]. Во всех случаях жаргонизм заменяет один из компонентов лексемой, имеющей отношение к сфере искусства, ограничивая область употребления новой единицы только театральной речью.

Жаргонные фразеологизмы театральной среды с семантической точки зрения, то есть по степени их слитности, уже были подробно рассмотрены и классифицированы нами в одной из предыдущих работ [20, с. 307–312]. Фразеоединицы, характеризующие актёра и его игру, практически все относятся к фразеологическим единствам (25 единиц) и лишь одно – к фразеологическим сочетаниям (*хлопотать лицом (физиономией)*). Это подтверждает высказанную нами ранее мысль о том,

что среди театральных жаргонизмов преобладает число именно фразеологических единств, образованных путём метафорического переноса, образного переосмысления входящих в их состав компонентов [20, с. 310].

Таким образом, произведённый нами структурно-семантический анализ жаргонной лексики театральной среды позволяет сделать следующие выводы:

- при образовании театральных жаргонизмов ведущим словообразовательным способом выступает лексико-семантический способ, для которого характерно метафорическое переосмысление значений существующих в языке слов;

- мотивирующими словами для возникновения театральной жаргонной лексики могут выступать жаргонизмы из иных социальных групп, что

свидетельствует о тенденции к расширению границ всего жаргона в целом;

- морфологические способы словообразования обладают низкой активностью при образовании театральных жаргонизмов, однако среди них преобладает суффиксальный способ, использующий для образования новых лексем суффиксы со значением разговорности;

- театральные жаргонные фразеологизмы со структурной точки зрения преимущественно относятся к модели *глагол с именем существительным* (21 единица из 26 анализируемых);

- жаргонная лексика драматического театра активно развивается, и поэтому проанализированная нами в ходе исследования отдельная тематическая группа жаргонизмов в дальнейшем будет увеличиваться и пополнять свой состав новыми единицами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арбузов В. Главный ключ // За рулём. 2004. Апрель. № 4.
2. Белецкий Р. Рыцарь идёт по следу. М.: Эксмо, 2012. 335 с.
3. Большой словарь русского жаргона [Электронный ресурс]. URL: <https://ojargone.ru/z/> (дата обращения: 22.07.2017).
4. Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. 560 с.
5. Гафт В.И. Сад забытых воспоминаний. М.: Зебра Е, 2006. 416 с.
6. Гвоздева А.В. Способы образования жаргонизмов в сфере искусства: автореф. дисс. ... канд. филол. н. Челябинск. 2012. 35 с.
7. Другой Д. «Раскол» на сцене Малого театра // Зебра. 2013. 11 июля.
8. Иванова М. «Свежесть, наглость, красота» от Дениса Родимина [Электронный ресурс] // Мосфильм: [сайт]. URL: https://www.mosfilm.ru/news/?ELEMENT_ID=10886&sphrase_id=136294 (дата обращения: 21.07.2017).
9. Катанян В. Прикосновения к идолам. Воспоминания. М.: Захаров, 2002. 348 с.
10. Молокова В. Моя твоя понимать // Вечерний Минск. 2014. 27 марта.
11. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Том I. Академия наук СССР, 1958. 536 с.
12. Романцов А. Играйте, ребята, играйте! [Электронный ресурс]. URL: <http://romantsov3.narod.ru.html> (дата обращения: 21.07.2017).
13. Русская грамматика: в 2-х томах. Том I. М.: Наука, 1980. 789 с.
14. Сабитова Д.Р. Цирк в шкатулке. М.: Самокат, 2007. 185 с.

15. Современный русский язык: Курс лекций / Евсеева И.В., Лузгина Т.А., Славкина И.А., Степанова Ф.В. Красноярск, 2007. 642 с.
16. Современный толковый словарь русского языка / под ред. Т.Ф. Ефремовой [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/> (дата обращения: 10.09.2017).
17. Станиславский К.С. Работа актёра над собой. М.: Искусство, 1985. 480 с.
18. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова [Электронный ресурс]. URL: <http://ushakovdictionary.ru> (дата обращения: 21.07.2017).
19. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М: Астрель: АСТ, 2008. 828 с.
20. Цапалина О.В. К вопросу о классификации жаргонных фразеологизмов театральной среды // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по итогам международной научной конференции, Москва, 27 февраля 2017 г. М.: ИИУ МГОУ, 2017. С. 307–312.
21. Цапалина О.В. Тематические группы современного жаргона драматического театра // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 3. С. 32–40. DOI: 10.18384/2310-7278-2017-3-32-40.
22. Циликин Д. «Пиковая дама» в театре на Литейном // Деловой Петербург. 2012. 4 декабря.
23. Чехов А.П. 192 избранные страницы. М.: «Вагриус», 2001. 382 с.

REFERENCES

1. Arbuzov V. [Master key] In: *Za rulem* [At the wheel]. 2004, April, no. 4.
2. Beletskii R. *Rytsar' idet po sledu* [Knight is on the trail]. Moscow, Eksmo Publ., 2012. 335 p.
3. *Bol'shoi slovar' russkogo zhargona* [Big dictionary of the Russian jargon]. Available at: URL: <https://ojargone.ru/z/> (accessed: 22.07.2017).
4. Vinogradov V.V. *Izbrannyye trudy. Issledovaniya po russkoi grammatike* [Selected works. Studies on the Russian grammar]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 560 p.
5. Gaft V.I. *Sad zabytykh vospominanii* [Garden of forgotten memories]. Moscow, Zebra E Publ., 2006. 416 p.
6. Gvozdeva A.V. *Sposoby obrazovaniya zhargonizmov v sfere iskusstva: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Methods of jargon formation in the field of art: abstract. of PhD thesis in Philological sciences]. Chelyabinsk, 2012. 35 p.
7. Drugoi D. «*Raskol*» na stsene Malogo teatra [“Split” at the Maly theater]. In: *Zebra* [Zebra]. 2013 July.
8. Ivanova M. [“Freshness, arrogance, beauty” by Denis Rodimin]. In: *Mosfil'm* [Mosfilm]. Available at: https://www.mosfilm.ru/news/?ELEMENT_ID=10886&sphrase_id=136294 (accessed: 21.07.2017)
9. Katanyan V. *Prikosnoveniya k idolam. Vospominaniya* [Touching the idols. Memoryies]. Moscow, Zakharov Publ., 2002. 348 p.
10. Molokova V. [Me you understand]. In: *Vechernii Minsk* [Vechernii Minsk]. 2014. 27th march
11. Potebnya A.A. *Iz zapisok po russkoi grammatike. Tom I* [From the notes on the Russian grammar. Vol. I]. Academy of Sciences of the USSR, 1958. 536 p.
12. Romantsov A. *Igrajte, reb'yatki, igraite!* [Play, boys, play!]. Available at: <http://romantsov3.narod.ru.html> (accessed: 21.07.2017)
13. *Russkaya grammatika. Tom I* [Russian grammar. Vol. I]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 789 p.
14. Sabitova D.R. *Tsirk v shkatulke* [Circus in a box]. Moscow, Samokat Publ., 2007. 185 p.
15. Evseeva I.V., Luzgina T.A., Slavkina I.A., Stepanova F.V. *Sovremennyyi russkii yazyk: Kurs lektsii* [The Modern Russian language: a Course of lectures]. Krasnoyarsk, 2007. 642 p.

16. Efremova T.F., ed. *Sovremennyi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [The Modern dictionary of the Russian language]. Available at: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/> (accessed: 10.09.2017).
17. Stanislavski K.S. *Rabota aktera nad soboi* [Actor's work on himself]. Moscow, Iskuststvo Publ., 1985. 480 p.
18. Ushakov D.N., ed. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Available at: URL: <http://ushakovdictionary.ru> (accessed: 21.07.2017).
19. Fedorov A.I. *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian literary language]. Moscow, Astrel, AST Publ., 2008. 828 p.
20. Tsapalina O.V. [The question of the classification of slang phraseology of the theatrical environment]. In: *Russkii yazyk v slavyanskoi mezhkul'turnoi kommunikatsii: sbornik nauchnykh trudov po itogam mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [The Russian language in the Slavic intercultural communication: collection of scientific papers on the results of the international scientific conference]. Moscow, IIU MGOU Publ., 2017. pp. 307–312.
21. Tsapalina O.V. [Theme groups of the modern jargon in drama theatre] In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian philology], 2017, no. 3, pp. 32–40. DOI: 10.18384/2310-7278-2017-3-32-40.
22. Tsilikin D. ["Queen of spades" in the theatre on Liteyny]. In: *Delovoi Peterburg* [Business Petersburg]. 2012. 4th December.
23. Chekhov A.P. *192 izbrannye stranitsy* [192 favorite pages]. Moscow, Vagrius Publ., 2001. 382 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Цапалина Ольга Владимировна – аспирант кафедры славянской филологии Московского государственного областного университета;
e-mail: kf1006@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga V. Tsapalina – postgraduate student at the Department of the Slavic languages, Moscow Region State University;
e-mail: kf1006@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Цапалина О.В. Структурно-семантическое своеобразие жаргонизмов, характеризующих актёра и его игру // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 1. С. 42-49
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-42-49

FOR CITATION

Tsapalina O.V. Structural-semantic distinctiveness of the jargon, that characterizes an actor and his game. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 1, pp. 42-49
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-42-49

УДК 81'373.47

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-50-57

ДИМИНУТИВ И СЕМАНТИКА СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО: ЛЕКСИКА ВРЕМЕНИ

Шмелёва Т.В.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
173003, г. Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41,
Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о зависимости значения диминутивных форм от семантики существительного. Анализ проводится на примере существительных со значением времени (темпоральной лексики). На материале Национального корпуса русского языка выявляются общие и специфические черты таких диминутивов. Из общих черт отмечена нейтрализация размерности диминутива и переосмысление её как оценочности. Специфическим квалифицируется значение минимальности временного отрезка, показана сочетаемость таких диминутивов с частицами и видовременными формами глагола. Кроме того, отмечена склонность темпоральных диминутивов использоваться в просьбе, создавая эффект мейозиса. Особо подчеркнута способность таких форм служить сигналом неожиданной и важной ремы (*на минуточку*) и выступать в роли самостоятельных реплик, выражающих просьбу ожидания или привлечения внимания.

Ключевые слова: русский язык, диминутив, семантика времени, значение оценочности, минимальность временного отрезка, актуальная организация высказывания, реплики диалога.

DIMINUTIVE AND SEMANTICS OF NOUNS: LEXIS OF TIME

T. Shmeleva

Yaroslav the Wise Novgorod State University
41 B. Sankt-Petersburgskaya st., Veliky Novgorod, 173003, Russian Federation

Abstract. The article raises the question of the dependence of the meaning of diminutive forms on the semantics of the noun. The analysis is carried out on the example of nouns with the meaning of time (temporal vocabulary). The material of the National Corpus of the Russian language reveals the general and specific features of such diminutives. From the general features, the neutralization of the dimension of the diminutive and its re-evaluation as an appraisal are noted. As unique feature the authors identify the importance of the minimum time interval, and show the compatibility of such diminutives with particles and modern forms of the verb. In addition, noted is the propensity of temporal diminutives to make a request, creating the effect of meiosis. Particularly emphasized is the ability of such forms to act as an indicator of an unexpected and important reme (for a minute) and independent replicas that express a request to wait or attract attention.

Key words: Russian language, diminutive, semantics of time, meaning of evaluation, minimum time interval, actual organization of the statement, dialogue replica.

П.А. Леканту
к юбилею с поздравлениями

Диминутив под названием «имя умалительное» представлен уже в грамматике Ломоносова наряду с категориями числа и сравнительной степени прилагательных [9, с. 98–100]. В современных грамматических описаниях диминутив трактуется как категория словообразовательная [4, с. 208–216]. При этом обращается внимание на их разные аспекты – различия суффиксов [5], частеречную принадлежность [7], семантические [2], экспрессивные и стилистические черты [10].

Очевидно, что среди диминутивов преобладают дериваты существительных. Интересно, как их первичная семантика размерности и вырастающие на её основе субъективные смыслы взаимодействуют со значением производящего существительного. Так, известно, что диминутивы терминов родства типа *сынчик, доченька, дяденька, тётенька* используются для обращения к незнакомым людям, что составляет специфику русского народного этикета, как указано в [1, с. 146, 156, 462, 468]. Диминутивы названий еды образуют «гастрономический диминутив» – *огурчики, водочка, пирожочки, супчик*.

В настоящей статье рассматривается вопрос о диминутивах существительных времени, или темпоральной лексики, с опорой на работу П.А. Леканта «Метафорическое поле имён времени в современном русском языке» [3]. В ней лексика времени разделена на три группы: природную (*сутки, день, ночь, утро, вечер; лето, осень, зима, весна; год*), календарную (*век, месяц, час, минута, секунда*) и отража-

ющую «пульс времени», что относит слова к периферии (*полночь, полдень, рассвет, закат, вечность, миг, мгновение*) [3, с. 42]. В связи с интересующей нас проблемой особого внимания заслуживает такая фраза в этой статье: «Русский человек создал удивительные слова – особые формы имён времени: *денёк, вечерок, ноченька, зимушка...*»; приведены примеры их использования: *У меня, да и у вас, в запасе вечность. Что нам потерять часок-другой?* (В. Маяковский) [3, с. 43].

Возникают естественные вопросы. Все ли эти слова образуют «удивительные» формы, или диминутивы? Какова семантика таких форм? Как они используются в речи? Попытка ответить на эти вопросы и составляет содержание настоящей статьи (предварительные наблюдения изложены в [11]).

Прежде всего нельзя не отметить очевидный факт: теоретически существительные, именующие отрезки времени от *секунды* до *века*, не должны соприкасаться с диминутивом: ни один из временных периодов, именуемых ими, не может быть ни меньше, ни больше. И действительно, для таких слов, как *сутки, лето, весна, осень, век*, а также всех «периферийных», узусальные диминутивы не фиксируются. И это вполне объяснимо семантикой существительных.

Удивительно другое: остальные слова этой группы легко образуют такие формы: *годик, зимушка, денёк, часок, минутка, секундочка ...* Кроме того, некоторые из них образуют более одного диминутива, создавая «цепочки»: *минута* → *минутка, минуточка*; *час* → *часок, часик, часочек*; *день* → *денёк, денёчек*; *месяц* → *месячок, месячишко*; *год* → *годок, годик, годочек*. Это даёт осно-

вания противопоставлять варианты (годо́к, годи́к; часо́к, часи́к) и диминутивы первого и второго шага (часо́к, часоче́к; годо́к, годоче́к). Интересно отметить, что у слова *секунда* есть диминутив только второго шага – *секундо́чка*. Таким образом, существительные времени дают интересную картину образования диминутивов, в которой не всё можно объяснить их семантикой.

Для выяснения ситуации с использованием диминутивов пришлось обратиться к Национальному корпусу русского языка (далее НКРЯ), который показал: они обнаруживаются в более чем 8 тысячах высказываний, что нельзя не признать солидным корпусом. С помощью данных Корпуса можно увидеть и то, что наиболее частотными оказываются диминутивы *денёк*, *минуточку*, *недельку*, *часок*; каждый из них встречается примерно в полутора тысячах фраз (если смотреть основной, газетный и поэтический подкорпусы) [6].

Анализ материалов Корпуса позволяет отметить следующие факты.

Нельзя не заметить общность рассматриваемых диминутивов с другими: размерность в них нейтрализуется, заменяясь оценочностью. При этом оценка чаще бывает положительная, как в следующих примерах: *Назавтра выдался редкостный для конца октября солнечный и довольно тёплый денёк*. *Про такие погожие дни посреди осенней хляби и первых противных холодов так и хочется сказать: не день, а именно денёк, хочется ответить лаской на Божью ласку* (В. Михальский); *Денёк тоже намечался славный, как и утречко* (Е. Лукин). Это объясняет их регулярное использование в оценочных конструкциях: *Да! Это был*

денёк! (М. Сергеев); *Ну и денёк сегодня был!* (Ю. Коваль); *Ну и денёк выдался!* (Е. Ярцева). Но возможна и отрицательная оценка, что проявляется в контексте, например: *Ну и денёк выдался, сплошная нервотрёпка* (Д. Донцова).

Интересно, что в высказываниях с диминутивами можно наблюдать их «скопления», как будто один «тянет» за собой другие, что создаёт общий оценочный фон высказывания: *Серый мой денёк и частый дождик, по плещу шумящий моему* (Б. Слуцкий); *Так вот в то проклятое время открылась калиточка нашего сада, денёк ещё, помню, был такой приятный, осенний* (М. Булгаков). Темпоральные диминутивы втягиваются в такие высказывания наряду с другими.

Специфическим оказывается свойство рассматриваемой лексики преобразовать размерность в субъективное восприятие величины времени – его минимальную меру как желаемого: *Ещё чуть-чуть, ещё денёк покоя* (Л. Чуковская); *Нету времени ждать, нету, нету, ни одного денёчка не остаётся* (Ю. Трифонов); *В детстве моём и даже потом я не могла спокойно видеть спину моей уходящей матери. Вы замечали, наверное, как ужасно действует спина уходящего человека на того, кто его любит? Даже если он никуда серьёзно-то и роковым образом не уходит, а просто направляется куда-то на часочек по своим будничным делам* (М. Палей).

Минимальность диминутива подтверждается и подчёркивается частицами *хоть, хоть бы, хотя бы*: *Обещал выкроить хотя бы недельку* (М. Головановская); *Представить себе, что, оказавшись в Италии, он хотя бы на*

денёк не заглянет в любимую сельскую Тоскану... (Д. Рубина); ... все мы горазды храбриться, мечтая о романтической шальной пуле, пока постепенно не состаримся до желания прожить *ну хоть ещё один денёчек* (М. Валеева). Сопровождает такие формы и показатель буквально, который сигнализирует о том, что автор отдаёт себе отчёт в фигуральном использовании диминутивной лексемы: *он после Олимпиады вернулся буквально на денёк* в Армению и сразу же вылетел в Астану (Шахматное обозрение, 2004). *Денёк, неделька* – это слишком малый срок с точки зрения автора в обстоятельствах, которые выясняются из текста.

«Минимальность» темпоральных диминутивов «толкает» их к глаголам, семантика которых включает компонент «недолго». Так, с формой *денёк* сочетаются глаголы с приставкой *по-*, например, *побыть, погостить, потерпеть, полежать, поездить, погулять*, значение которых характеризуется как совершение действия в течение недолгого времени [4, с. 366]: *Прошёл дождь, море денёк поштормило, вода стала по-зимнему стылой* (Б. Екимов); *Она там собиралась недельку пожить* ... (Л. Улицкая). А с предложно-падежной формой *на денёк* сочетаются глаголы с приставкой *за-*, семантику которых описывают так: «попутно, мимоходом совершить действие ..., ненадолго отклониться от основного направления действия» [4, с. 360], например, *заехать, забежать, зайти, завернуть, заскочить, задержаться*: *Обещал на обратном пути заехать на денёк* (Д. Каралис); *На денёк заскочил он в родное село* (В. Астафьев); *Сейчас он прибыл из России на побывку домой и на денёк заскочил сюда к дяде*

(Ф. Искандер); – *Я сегодня всю ночь не спала, – шептала она, – думала, задохнусь ... Потом забылась на часочек* (М. Палей).

Таким образом, размерность в темпоральных диминутивах превращается в минимальность желаемого, что следует рассматривать как специфический результат взаимодействия диминутива и семантики существительных.

На фоне этой минимальности формируются идиомы со значением неопределённого, но заведомо незначительного количества. Одна из них соединяет диминутив с местоимением *другой*: *денёк-другой, часок-другой, недельку-другую*; примеры их использования предлагает НКРЯ: *Через денёк-другой соберёмся и поедим домой* (Л. Улицкая); *Я ещё хочу заехать на денёк-другой к Маришке. Прощайся с ней и – домой* (И. Муравьёва); *Намотается за день с ребятами, а вечером, глядишь, и посидит часок-другой* (П. Бажов). Другая идиома соединяет диминутив с числительным *два*, примеры находим там же: ... *исчез там не более чем на денёк-два* (В. Маканин); ... *я, пожалуй, и не так уж страшно занята, могла бы урвать часок-два для науки* (И. Грекова) [6]. Общее значение таких идиом «несколько дней/часов/недель, и это очень мало».

С минимальностью связан и риторический потенциал темпоральных диминутивов: их используют в мейозисе [12, с. 322]. Эта фигура речи характерна для высказываний в речевом жанре просьбы, например: – *Здравствуйте, – сказал Травкин, – мы к вам отдохнуть на часок* (Э. Казакевич); *Вы нам не дадите на денёк?* (Л. Петрушевская); *Да, ребятки, условия не блестящие, чего*

уж греха таить. Ну да потерпите, потерпите ещё с месячишко... Даже *меньше* (Н. Коляда). Такой диминутив сохраняется в косвенном обозначении просьбы: *Я отпросилась на денёк и приехала* (И. Павская). В этом темпоральные диминутивы похожи на предметные: когда просят, то говорят о телефончике, сигареточке, тыщонке Это деликатность просителя, он, как бы извиняясь, преуменьшает просимое.

Особого внимания заслуживает обнаруженный факт служебного использования участия предложно-падежной формы темпорального диминутива в интересах актуальной организации высказывания. Этот неологизм – употребление словоформы *на минуточку* – характерен для современной устной речи. Изучение материалов газетного подкорпуса НКРЯ (таких высказываний там около сотни) позволило сделать заключение, что эта словоформа служит специальным сигналом **неожиданной или важной ремы**: ... многие действительно уходят в поисках лучшей доли (*и – на минуточку* – более высокой зарплаты) (Комсомольская правда. 2012); *Этот банк, на минуточку*, является одной из крупнейших кредитных организаций страны (Комсомольская правда. 2013); *Шабалкин, на минуточку*, выиграл Евробаскет-2007 (Советский спорт. 2013). Это новое вводное слово выделяется, как можно видеть, запятыми или тире (варьирование пунктуационного оформления говорит о его неустоявшемся характере). Так темпоральный диминутив, десемантизируясь, пополняет ресурсы вводных слов,

ещё не отмеченных в академических справочниках [8, с. 230–232].

Наиболее специфичны самостоятельные использования диминутивов в виде отдельной реплики, что практически неизвестно для других семантических групп существительных. Так, диминутив второго шага от слова *минута* в винительном падеже *минуточку* выступает в устных диалогах как просьба подождать, например, *Минуточку, я посмотрю на сайте* (так же используется и реплика *Секундочку!*). Реплика *Минуточку!* может фигурировать в устной речи и как инициальная реплика в диалоге, как призыв к вниманию: *Друзья! Минуточку, друзья!..* (В. Шукшин). Такие факты говорят о передвижении предложной формы диминутива в сферу этикета, что подтверждается материалом словаря, точнее, его статьи к слову «Минута» [1, с. 252].

Итак, темпоральные диминутивы обнаруживают способность активно включаться в различные элементы высказывания и выступают в виде самостоятельных реплик. Все их рассмотренные свойства не вытекают из свойств существительного, но и не являются прямым следствием диминутивной грамматической семантики. Правильнее будет сказать, что перечисленные свойства темпоральных диминутивов оказываются результатом взаимодействия (не всегда предсказуемым) лексической семантики существительного и смысловых возможностей диминутива. Выявленные факты говорят о плодотворности изучения диминутива по смысловым группам существительных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балакай А.Г. Толковый словарь русского речевого этикета: Свыше 4000 этикетных слов и выражений. М.: Астрель, АСТ, Транзиткнига, 2004. 681 с.
2. Кузьменкова В.А. Диминутив как средство выражения имплицитных смыслов // Язык. Сознание. Коммуникация. Т. 34. М.: МАКС ПРЕСС, 2007. С. 38–44.
3. Лекант П.А. Метафорическое поле имён времени в современном русском языке // Рациональное и эмоциональное в русском языке – 2016: сборник трудов Международной научной конференции (г. Москва, 25 – 26 ноября 2016 г.) / ред. колл. П.А. Лекант (отв. ред.), Н.Б. Самсонов (зам. отв. ред.), Н.А. Герасименко и др. М.: ИИУ МГОУ, 2016. С. 42–46.
4. Лопатин В.В. Словообразование // Русская грамматика. Т. 1. М., 1980. С. 131–450.
5. Менькова Н.В. Семантическая дифференциация диминутивных форм *речка – речушка – речонка – реченька* // Вестник Института русского языка и культуры МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2015. № 2. С. 15–19.
6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>
7. Панков Ф.И. Рациональное и эмоциональное в словообразовании (на материале диминутивных наречий) // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сборник трудов Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Заслуженного деятеля науки, Почётного профессора МГОУ, доктора филологических наук, профессора Павла Александровича Леканта (г. Москва, 24–25 ноября 2017 г.) / ред. колл.: Н.Б. Самсонов (отв. ред.), М.В. Головня (зам. отв. ред.), П. А. Лекант и др. М.: ИИУ МГОУ, 2017. С. 246–251.
8. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В.В. Лопатина. М., 2010. 432 с.
9. Российская грамматика М. Ломоносова. СПб, 1755. Факсимильное издание. М., 1982. 354 с.
10. Шмелёва Т.В. Диминутив как экспрессивное средство // Речевое общение и вопросы экологии русского языка: сб. научных работ, посвящённый 80-летию д-ра филол. наук, проф. А.П. Сковородникова / Сибирский федеральный университет; под ред. Г.А. Копниной. Красноярск, 2009. С. 357–370.
11. Шмелёва Т.В. Диминутивы темпоральной лексики // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сборник трудов Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Заслуженного деятеля науки, Почётного профессора МГОУ, доктора филологических наук, профессора Павла Александровича Леканта (г. Москва, 24–25 ноября 2017 г.) / ред. колл.: Н.Б. Самсонов (отв. ред.), М.В. Головня (зам. отв. ред.), П.А. Лекант и др. М.: ИИУ МГОУ, 2017. С. 165–168.
12. Эффективное речевое общение (Базовые компетенции): Словарь-справочник / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск: Изд-во Сибирского федерального университета, 2012. 882 с.

REFERENCE

1. Balakai A.G. *Tolkovyi slovar' russkogo rechevogo etiketa: Svyyshe 4000 etiketnykh slov i vyrazhenii* [Dictionary of the Russian speech etiquette: etiquette Over 4000 words and expressions]. Moscow, Astrel'; AST; Tranzitkniга Publ., 2004. 681 p.
2. Kuz'menkova V.A. [Diminutive as a means of expression of implicit meanings]. In: *Yazyk. Soznanie. Kommunikatsiya* [Language. Consciousness. Communication]. Moscow, MAKs PRESS Publ., 2007, vol. 34, pp. 38–44.

3. Lekant P.A. [Metaphorical field name time in the modern Russian language]. In: *Ratsional'noe i emotsional'noe v russkom yazyke: sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii – 2016* [Rational and emotional in the Russian language: proceedings of the International scientific conference – 2016]. Moscow, IIU MGOU Publ., 2016, pp. 42–46.
4. Lopatin V.V. [Word formation]. In: *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Moscow, 1980, vol. 1, pp. 131–450.
5. Men'kova N.V. [Semantic differentiation diminutive forms rechka – rechushka – rechonka – rechen'ka]. In: *Vestnik Instituta russkogo yazyka i kul'tury MGU. Filologiya. Kul'turologiya. Pedagogika. Metodika* [The Bulletin of Institute of Russian Language and Culture MSU. Philology. Culturology. Pedagogy. Methodology], 2015, no. 2, pp. 15–19.
6. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [National corpus of the Russian language]. Available at: URL: <http://www.ruscorpora.ru/>
7. Pankov F.I. [Rational and emotional in the word formation (on the material diminutive adverbs)]. In: *Ratsional'noe i emotsional'noe v russkom yazyke: sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Rational and emotional in Russian language: proceedings of the International scientific conference]. Moscow, IIU MGOU Publ., 2017, pp. 246–251.
8. Lopatin V.V., ed. *Pravila russkoi orfografii i punktuatsii. Polnyi akademicheskii spravochnik* [Rules of the Russian spelling and punctuation. Full academic Handbook]. Moscow, 2010. 432 p.
9. *Rossiiskaya grammatika M. Lomonosova, 1755. Faksimil'noe izdanie* [The Russian grammar of M. Lomonosov, 1755. Facsimile edition]. Moscow, 1982. 354 p.
10. Shmeleva T.V. [Diminutive as an expressive tool]. In: *Rechevoe obshchenie i voprosy ekologii russkogo yazyka: sbornik nauchnykh rabot, posvyashchennyy 80-letiyu doktora filol. nauk, prof. A.P. Skovorodnikova* [Speech communication and the issues of the ecology of the Russian language: collection of scientific works, dedicated to the 80th anniversary of Doctor in Philological sciences, professor A. Skovorodnikov]. Krasnoyarsk, Siberian Federal University, 2009, pp. 357–370.
11. Shmeleva T.V. [Diminutive temporal vocabulary]. In: *Ratsional'noe i emotsional'noe v russkom yazyke: sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Rational and emotional in the Russian language: proceedings of the International scientific conference]. Moscow, IIU MGOU Publ., 2017, pp. 165–168.
12. Skovorodnikov A.P., ed. *Effektivnoe rechevoe obshchenie (Bazovye kompetentsii): Slovar'-spravochnik* [Effective speech communication (core competencies): the Dictionary-directory]. Krasnoyarsk, Siberian Federal University Publ., 2012. 882 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Tatyana V. Shmeleva – Doctor in Philological sciences, Professor at the Department of Journalism, Yaroslav the Wise Novgorod State University;
e-mail: szmiel@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana V. Shmeleva – Doctor in Philological sciences, Professor at the Department of Journalism, Jaroslav-the-Wise Novgorod State University;
e-mail: szmiel@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шмелёва Т.В. Диминутив и семантика существительного: лексика времени // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 1. С. 50-57

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-50-57

FOR CITATION

Shmeleva T.V. Diminutive and semantics of nouns: lexis of time. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 1, pp. 50-57

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-50-57

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1.09«18»

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-58-67

РАССКАЗ А.П. ЧЕХОВА «КОШМАР» В СВЕТЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ БИБЛЕЙСКИХ СЮЖЕТОВ

Гедзюк Е.А.

Московский городской педагогический университет

129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются особенности сюжетосложения и характерологии в одном из репрезентативных рассказов Чехова 1880-х гг. – «Кошмар», в котором поднимается тема бедственного социального положения приходского духовенства. Автор исследует характеры представителей провинциальной интеллигенции – священника и чиновника – сквозь призму прецедентных библейских фабул о блудном сыне и о проданном первородстве, прибегая к сравнительному сопоставлению поведенческого канона, содержащегося в каноническом культурном тексте, с образами персонажей. Анализируется специфика функционирования форм библейского повествования в чеховской новелле, что позволяет выявить межтекстовые связи, сходства и различия. Подобный анализ позволяет автору сделать вывод, что переосмысление писателем библейских фабул приводит к усилению художественного смыслообразования.

Ключевые слова: А.П. Чехов, рассказ «Кошмар», притчи о блудном сыне и о проданном первородстве, литературный характер, священник.

A. CHEKHOV'S STORY «NIGHTMARE» AS A LITERARY TRANSFORMATION OF BIBLICAL PLOTS

E. Gedzyuk

Moscow City University

4 2nd Selskokhozyaystvennyy proezd, Moscow, 129226, Russian Federation

Abstract. The article deals with the features of storyline and characterology in one of representative stories of Chekhov in 1880s called “Nightmare”, which raises the theme of the distressful social situation of the parish clergy. The author analyzes characters of the representatives of

the provincial intelligentsia – the priest and the official – through the prism of precedent biblical plots of a story about the prodigal son and about sold birthright, by using the comparison of the behavioral canon contained in the canonical cultural text with the images of characters. The specifics of the functioning of forms of biblical narration is analysed in the Chekhov's short story, that allows to create intertext connections, similarities, and differences. Such an analysis allows the author to draw the conclusion that the writer's rethinking biblical stories results in the strengthening of the artistic semantic formation.

Key words: A. Chekhov, the prose of 1880s, stories about the prodigal son and about the sold birthright, literary character, a priest.

Воспитанный отцом в приобщении к церковной службе, Чехов хорошо знал традиции православного богослужения и был знаком с книгами религиозного содержания. Кроме того, в парадигме характеров, отличающих чеховское творчество, достаточно широко представлены лица духовного сословия, и они изображаются писателем как люди, живущие одной жизнью с окружающими. Вместе с тем писатель всегда сохраняет «профессиональные» черты своих героев-священнослужителей, поскольку сан априори даёт им право выступать наставниками. В результате все чеховские персонажи из церковной среды живут, как правило, с желанием послужить примером для людей.

В 1880-х гг. клирики не раз становились действующими лицами в прозе Чехова, – стоит обратиться к рассказам и повестям «Суд» (1881), «Хирургия» (1884), «Канитель» (1885), «Ведьма», «Святою ночью», «Кошмар» (все три – 1886), «Мороз» (1887), «Письмо» (1887), «Степь» (1888). Герои этих произведений находятся на разных ступенях церковной иерархической лестницы – от дьячка до архиерея. Образ дьячка – церковнослужителя низшего разряда – довольно устойчив в раннем творчестве писателя. В произведениях, написанных до 1886 г. включительно,

образы духовных лиц в этом звании встречаются среди персонажей, разработанных как отдельные характеры и более или менее активно участвующих в развитии сюжета. В дальнейшем это чаще всего внесценические персонажи, упоминаемые лишь в свете «родовой» преемственности с героями, выполняющими сюжетообразующую функцию. Очевидно, что творческий метод писателя усложнялся, в силу чего в поздних произведениях ироническое начало уходило на уровень подтекста, тогда как с образом дьячка связан сложившийся в народной смеховой культуре и впоследствии закрепившийся в литературе устойчивый комический эффект. К концу 1880-х гг. чин клирика в новеллистике Чехова изменяется – становится более высоким. Изменение этой статусности героя или персонажа способствует смене модуса повествования – от комического к драматическому, что в обратном направлении оказало влияние на переосмысление и углубление характеров и композиционную расстановку персонажей в целом.

В данной статье нами будет рассмотрен рассказ «Кошмар», в центре которого – история взаимоотношений чиновника, ушедшего со службы и ставшего помещиком, и священника. Представляется целесообразным рас-

смотрение центральных фигур этого произведения в свете соотнесённости чеховского сюжета с двумя библейскими притчами – о блудном сыне и о проданном первородстве.

Рассказ «Кошмар» как отдельное произведение в чеховедении практически не изучен. Показательно, что в работах В.Б. Катаева и А.П. Чудакова указанный рассказ не становится предметом специального исследования и упоминается лишь в общем парадигматическом перечислении [4; 11]. Однако именно на то, что произведение репрезентативно, указывают многие историки литературы: глубинная взаимосвязь рассказа «Кошмар» с другими произведениями Чехова 1880-х гг. акцентируется как в трудах советских литературоведов, так и в новейших научных работах. Исследователями были обнаружены различные аспекты внутренней сюжетобразующей и характерологической сопряжённости произведений. В частности, А.П. Чудаков связал последнее с полномасштабным формированием объективного способа изображения жизни и человека в новеллистике Чехова [11, с. 12].

В.Б. Катаев, обозначая идейно-художественные особенности рассказа «Кошмар», определил феномен подобных чеховских произведений как «рассказ открытия» [4, с. 12], тем самым подчёркивая, что это начало новой чеховской «техники» письма. Суть указанного определения состоит в том, что по мере развития сюжета герой произведения открывает нечто значимое, что для него самого неожиданно, поскольку возникает новое миропонимание, перечёркивающее изначально упрощённое представление. Этот переход от ситуации «казалось»

к конфликтосфере «оказалось» был впервые разработан писателем в середине 1880-х гг., и такой подход к изображению человека, предполагающий изменение в осмыслении героем события, стал одним из самых устойчивых принципов чеховской работы [4, с. 21]. Писатель заостряет внимание на двух важных моментах в новой систематике изображения человека: это отрицание прежних устоявшихся заблуждений и обнаружение новых проблем жизни.

В свете избранного нами научного ракурса интерес представляет работа А.Д. Степанова. Современный исследователь, рассматривая картину мира Чехова сквозь призму бахтинской теории речевых жанров, обратился к рассказу «Кошмар», сопоставив его содержание с содержанием наиболее частотных в произведениях писателя разновидностей коммуникативных жанров, таких как экспрессивно насыщенные проповедь и исповедь [8].

Завязкой сюжетного конфликта в рассказе становится приглашение «непременным членом по крестьянским делам» [9, с. 60] Куниным, столичным чиновником, возвратившимся из Петербурга в родные места, в своё имение Борисово, приходского священника из села Синькова (в «семи-восьми верстах» от Борисова [9, с. 72]), Якова Смирнова, на беседу. В соответствии с собственными представлениями о гражданском служении, а также по предложению предводителя дворянства Кунин намерен стать попечителем церковно-приходской школы и тем самым начать полезную общественную деятельность. Формируя этот начальный этап в развитии сюжета, Чехов актуализирует «Правила о церковно-приходских школах», представлен-

ные летом 1884 г. как проект закона о передаче народных школ в ведение духовенства. Драматическое несовершенство подготавливаемого законодательного акта, среди прочего, было связано с тем, что государственное финансирование народного образования значительно сокращалось. Бедственное же положение начальных школ было хорошо знакомо Чехову: как известно, интересы писателя в годы мелиховского периода жизни заключались не только в исполнении обязанностей земского врача, но и в попечении о местных школах. В частности, в эпистолярном наследии писателя есть упоминания о его активном участии в строительстве трёх школ, что было ответом на поручение земства и просьбы крестьян [10, т. 6, с. 289; т. 8, с. 213].

Кунин, показанный как субъективно честный, но в то же время преисполненный собственной значимости и убеждённый в безусловности личной правоты человек, отмеченного обстоятельства не понимает. В силу этого он сходу, при первом же знакомстве воспринимает бедного приходского священника как духовно ограниченное, жалкое, «глуповатое» существо, как лицо, достойное порицания. «Брезгливо пожимая плечами», Кунин делает однозначный вывод: «дикий человек», «неряха, груб, глуп и, вероятно, пьяница» [9, с. 62–63]. Подогреваемый собственной патетикой, помещик особенно оскорбляется, увидев, как во время чаепития о. Яков прячет в карман сухарик. Краснобай Кунин, не имеющий представлений о реальной жизни русской провинции, с удовольствием и разнообразными длиннотами в речах поучает молодого иерея, в том числе при посещении дома священника, и по

сути огульно обвиняет молодого служителя церкви в несоответствии сану, невежестве и безнравственности. Итогом этого первого этапа взаимоотношений Кунина и о. Якова становится письмо первого архиерею, в котором новоявленный помещик, «искренно, по-сыновьи», как горько-иронически отмечает повествователь, «изложил своё мнение» о приходском священнике, подчеркнув, что о. Яков «недостаточно развит», «кажется, ведёт нетрезвую жизнь» и проч. [9, с. 67].

Рассказ создан автором по классическим требованиям – в соответствии с законом «золотого сечения» [5, с. 35–36], в котором кульминационный этап в развитии сюжета, приоткрывающий истину, приходится на начало исповеди священника, решившегося просить у чиновника место писаря. Так Кунин «почти с ужасом» узнает и о голодающей семье молодого иерея, и о бедственном положении семьи доктора, и вместе с тем о неизменной порядочности о. Якова – о материальной поддержке им брата-семинариста и престарелого клирика, лишившегося места в Синькове «за... слабость» [9, с. 71, 69].

Столь же искренне, как и в доносе архиерею, Кунин сокрушается о своём неприглядном поведении, справедливо называя себя «слепой куклой», «фатом» и проч. [9, с. 72]. Правда, согласно авторской логике в развитии характера героя, он признаёт свои ошибки только мысленно, про себя, не делая из этого письменного факта и не посвящая в своё прозрение и покаяние людей, стоящих на высоких ступенях общественной и служебной лестницы. «Гнетущий стыд» из-за непонимания им «невидимой правды» [9, с. 73], ка-

залось бы, преобразует чиновника. Однако, рассчитав в благородном порыве свои материальные возможности, он осознаёт, что собственное благополучие ему дороже, чем положение окружающих. В результате финал произведения обозначен повествователем жёстко-иронически: «искренняя потуга» Кунина быть полезным обществу быстро «завершилась» [9, с. 73].

Важным звеном в интерпретации образов Кунина и о. Якова Смирнова служит значимая для христианского вероучения притча о блудном сыне [1, с. 1109–1100], многократно становившаяся предметом литературно-художественной рецепции и являющаяся одним из основных сюжетообразующих мотивов чеховского повествования. Как известно, притча – назидательный рассказ, которому свойственна философская или религиозная проблематика. Она служит своеобразной иллюстрацией определённого нравственного понятия. Фабульная организация притчи о блудном сыне аллегорически проецируется на взаимоотношения человека и Бога. Сюжетообразующей подсветкой в рассказе «Кошмар» также является притча о проданном первородстве.

Предыстория героев, чиновника и священника, обозначена пунктиром. Так, для понимания образа первого важно указание повествователя лишь на один факт из «недалёкого прошлого» Кунина: молодой человек, в угоду собственному «тщеславию» «неразумно» истратил наследство, полученное от отца, на подарки проституткам и актрисам и теперь живёт в долг [9, с. 72]. В ветхозаветные времена деньги, завещанные семьёй, должны были в первую очередь служить роду. Наследник, пренебрёгший этой тради-

цией, считался нравственным преступником и порицался не только родственниками, но и обществом в целом. Такой человек не мог надеяться на прощение и заслуживал наказания. Но в евангельской истории, рассказанной Христом, стремление «блудного сына» вернуться домой было с радостью воспринято любящим отцом.

В чеховском нарративе происходит переосмысление библейского сюжета. Находясь за рамками церковного бытия и быта, Кунин с изначальным предубеждением относится к о. Якову. Для него важны не этические стороны в жизни Церкви и иерея, а эстетические. Всё, что связано с церковным бытом и внешностью священнослужителя, передаётся с помощью следующих оценочных лексем: «колонки у паперти ... походили на две некрасивые оглобли», «нищую церковь», «аляповатое, бабье лицо», «на малорослом иерее была помятая и длинная-предлинная риза» [9, с. 60, 63–64]. Главными критериями в оценке нравственных качеств молодого священника для Кунина являются внешний вид и манера поведения. В своих суждениях чиновник прибегает к отрицательным стереотипам, сложившимся ещё в традиционной народной культуре и обличавшим такие человеческие пороки служителей религиозного культа, как пьянство, глупость, хитрость и похоть.

С начального сюжетного этапа Чехов показывает негласный диалог героев, перерастающий в своеобразное соперничество. Исходных знаков в этом сопоставлении несколько: возрастные характеристики, имена, потребность в высказывании и определении собственной позиции; немаловажную роль играет и хронотоп.

У персонажей Чехова небольшая разница в возрасте – Кунину около «тридцати» лет, а о. Якову «двадцать восемь», что сближает их с братьями из притчи о проданном первородстве. Для достижения требуемой интенции Чехов прибегает к использованию разнообразных художественных приёмов, в том числе средств ономастики.

В имени «Павел Михайлович Кунин» значимы все его составляющие. Этимология фамилии восходит к еврейской лексеме «коэн» – священник [12, т. 2, с. 20]. Отсюда притязания чиновника на учительство, назидательность и проповедничество. Ветхозаветные первосвященники в библейских текстах и преданиях были наделены исключительными полномочиями: они общались с Богом и ангелами напрямую, без посредников, являли многочисленные знамения и совершали чудеса. Имя и отчество героя тоже говорящие: Павел в переводе с греческого — «маленький», а семантика отчества как имени по отцу лежит в рамках той же авторской задачи: от «Михаил» — «подобный Богу» [12, т. 1, с. 83].

Возвращение Кунина в родные места сопряжено с возвращением «блудного сына». Однако, вопреки ожиданиям, основанным на евангельской истории, раскаяние героя и новое обретение «отчего дома», т. е. обращения к Богу-отцу, прообразом которого здесь служит церковь, не состоялось. Посещение воскресной службы предпринимается Куниным с единственной целью – «покончить с вопросом о школе» [9, с. 63]. Знакомство же с храмом имело второстепенную значимость, что подчёркивается и авторской иронией: из церкви его «потягивало вон» – это

очевидная аллюзия на евангельскую притчу о воскрешении Лазаря, но если библейский герой был вызван божественным глаголом из тления в жизнь, то «блудный сын» Кунин, «был мёртв», но не ожил.

Существуя «в мире своих представлений о мире» [3, с. 85] и прикрываясь общественной миссией, Кунин отправил архиерею донос на о. Якова, даже не попытавшись разобраться в истинных причинах иерейского нерадения. Очевидно, что помещик преследует личные интересы: невнимание священника задело его самолюбие и оскорбило «кусочек религиозного чувства», которое для него лишь одна из «нянюшких сказок» [9, с. 67]. И эта всецелая поглощённость своей «правдой» служит мотивом не только «футлярности» и эгоизма героя, но и указывает на узость его кругозора, ведь общецерковные проблемы широко обсуждались в прессе того времени и вызывали широкий общественный резонанс.

Большая смысловая нагрузка, выражающая авторскую интенцию и маркирующая характер действующих лиц, заключена также и в семантике антропонимов. Священника зовут Яков, что, согласно существующей традиции варьирования народно-разговорной и церковной (календарной) форм имени, равнозначно Иакову. В переводе с древнееврейского оно означает «пята», «обойдёт, обгонит» [12, т. 1, с. 124]. По библейскому преданию, Исав уступил первородство брату-близнецу за чечевичную похлёбку. Этот евангельский мотив находит отражение в чеховском тексте: молодой иерей Яков Смирнов из-за материальной, сиюминутной, неочевидной вы-

годы – желания избавить себя и жену от голода – готов занять должность писаря у помещика Кунина, т. е. поступиться полученным в церковном таинстве священством. Также в Библии представлен другой сюжет, связанный с именем Иакова, в котором повествуется о его противоборстве с Богом. А фамилия Смирнов – одна из наиболее частотных русских фамилий – образована от мужского нецерковного имени Смирной, что значит «тихий», «послушный» [7, с. 118]. Данная антитеза вносит оттенок амбивалентности и придаёт дополнительные смыслы образу священнослужителя.

Действительно, старший сын из евангельской притчи благоразумно распорядился своей частью наследства и остался жить с отцом. Но неожиданное возвращение «блудного» сына стало своеобразным лакмусовым индикатором, проявившим показное благонравие «благочестивого» брата. Сходная ситуация сложилась и во взаимоотношениях между священником Яковом и Богом.

Желание открыться, «исповедаться» Кунину – это не фигура речи, о. Яков действительно стоит перед сложной моральной дилеммой и мучительно переживает сложившуюся жизненную ситуацию, хотя в рассказе это не отражено прямо, а передаётся с помощью эмоционально-психологических характеристик персонажа. Повествователь не раз отмечает, что иерей находится в непрерывном безмолвном диалоге с Богом: неподвижный взгляд, бесстрастное выражение лица, внутренняя борьба и напряжение, передающиеся как вербальным способом (разговор человека с самим собой), так и при помощи языка жес-

тов (порывистостью движений, дрожью, энергичной жестикуляцией). Эта иллюстрация к характеру персонажа является реминисценцией из Книги Бытия, повествующей о борьбе библейского Иакова с Богом [1, с. 35], но здесь богоборчество – не отрицание Создателя человеком, а своеобразный диалог, цель которого – сопротивление обстоятельствам жизни.

Знаковыми особенностями наделено в рассказе и время-пространство. Фактическое пространство рассказа задаётся оппозицией столица – провинция, или чужой – свой, а художественное выходит за обозначенные границы благодаря связи с библейскими фабулами. Это столичный Петербург как «дальняя страна» и провинция в качестве «отчества». Современность, актуализированная положением о передаче школ в ведение духовенства, проект которого датирован 1884 г., – обсуждаемая газетная «новость». Сезонное время действия также определено: по дороге в синьковскую церковь Кунин видит грачей, которых на Руси считали вестниками весны. В силу этого можно предположить, что действие рассказа приходится на время Великого поста, который в указанном году пришёлся на март-апрель. Согласно церковному календарю, это особое, сакральное время, отведённое для покаяния и добрых дел. Очевидно, писателем этот период выбран намеренно.

А.Д. Степанов утверждает, что «абберация» экспрессивных жанров возможна и в речевом обиходе такой социальной группы, как священники. В частности, о. Яков, стремясь «исповедаться» перед Куниным, на самом деле хотел не «каяться в грехах перед миря-

нином и малознакомым человеком», а просто решил пожаловаться на свою нелёгкую судьбу [8, с. 246].

Но молодой иерей признается в мучительном для него грехе гордости, а значит – в несоответствии духовному сану: столь сокровенные подробности мирянину знать не положено, поскольку священство – одно из семи церковных таинств. В то же время клирик понимает, что духовный потенциал Кунина находится на приземлённо-материальном уровне: за год своего пребывания в статусе «непременного члена по крестьянским делам» он ни разу не побывал в церкви, «прихожанином которой считался» [9, с. 72], и не познакомился с о. Яковом.

Возникает вопрос: почему же священник открывает незнакомому человеку и нерадивому христианину, который является лишь номинальным прихожанином его церкви, личные обстоятельства жизни, допустимые в его сане только на церковной исповеди? В художественной систематике Чехова ответ очевиден: помещик состоял в должности «непременного члена по крестьянским делам присутствия», в

компетенции которого входили сбор всевозможных данных о состоянии сельского населения и ведение делопроизводства по продовольственной части. Но «чересчур сытый» Кунин не готов встать на путь социального служения, между тем как для о. Якова Смирнова заповеди Божии являются непреложными критериями нравственности [2, с. 37].

Таким образом, в рассказе «Кошмар», включённом в ранний сборник «Пёстрые рассказы», присутствие указующего, морализаторского «перста» автора ещё очевидно. «Наращение смысла ... на фабульный каркас», характерное для творчества Чехова [6, с. 12], связано в рассказе «Кошмар» в том числе с художественным переосмыслением библейских притч о блудном сыне и о проданном первородстве. Данная творческая задача претворена как композиционно – в сопоставлении двух центральных характеров, так и стилистически – в речи повествователя. Модусное осуществление замысла воплощается Чеховым с помощью иронических, и вместе с тем разноплановых, интенций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия. М.: Издательство Московской Патриархии, 1995. 1376 с.
2. Гнусова И.Ф. Образ священнослужителя в прозе А.П. Чехова в контексте русской и английской традиции (Н.С. Лесков и Дж. Элиот) // Вестник Томского государственного университета, 2015. № 401. С. 34–42.
3. Ибатуллина Г.М. Человек в параллельных мирах: художественная рефлексия в поэтике чеховской прозы. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2015. 223 с.
4. Катаев В.Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. М.: Издательство Московского университета, 1979. 326 с.
5. Лоскутникова М.Б. Категория художественной формы в трудах А.Ф. Лосева // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филологическое образование. 2011. № 2 (7). С. 33–40.
6. Лоскутникова М.Б. Особенности стиля А.П. Чехова (на материале рассказов «Длинный язык» и «Дама с собачкой») // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2009. № 4. С. 5–13.

7. Никонов В.А. Словарь русских фамилий / сост. Е.Л. Крушельницкий. М.: Школа-Пресс, 1993. 224 с.
8. Степанов А.Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М.: Языки славянской культуры, 2005. 400 с.
9. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Т. 5. М.: Наука, 1976.
10. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. Т. 6, 8. М.: Наука, 1978, 1980.
11. Чудаков А.П. Поэтика Чехова. М.: Наука, 1971. 292 с.
12. Энциклопедия. Древнееврейские имена, фамилии, колена. В 3 т. Т. 1, 2 / ред. В.Р. Ирина-Коган. М.: Олимпия Пресс, 2003.

REFERENCES

1. *Bibliya* [The Bible]. Moscow, Moskovskoi Patriarkhii Publ., 1995. 1376 p.
2. Gnyusova I.F. [The image of the priest in the prose of A. Chekhov in the context of the Russian and English traditions (N. Leskov and G. Eliot)] In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2015, no. 401. С. 34–42.
3. Ibatullina G.M. *Chelovek v parallel'nykh mirakh: khudozhestvennaya refleksiya v poetike chekhovskoi prozy* [People in parallel worlds: the artistic reflection in the poetics of Chekhov]. Sterlitamak, Sterlitamakskii filial BashGU Publ., 2015. 223 p.
4. Kataev V.B. *Proza Chekhova: problemy interpretatsii* [Chekhov's prose: problems of interpretation]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 1979. 326 p.
5. Loskutnikova M.B. [Category of artistic form in the writings of A. Losev] In: *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologicheskoe obrazovanie* [MCPU Vestnik. Series: Philological education], 2011, no. 2 (7), pp. 33–40.
6. Loskutnikova M.B. [Peculiarities of A. Chekhov (based on the short stories "A Long tongue" and "The lady with the dog")] In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika* [RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism], 2009, no. 4. pp. 5–13.
7. Nikonov V.A. *Slovar' russkikh familii* [Dictionary of the Russian names]. Moscow, SHkola-Press Publ., 1993. 224 p.
8. Stepanov A.D. *Problemy kommunikatsii u Chekhova* [The problems of communication in Chekhov]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2005. 400 p.
9. Chekhov A.P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem. Sochineniya. T. 5* [Complete works and letters. Works. Vol. 5]. Moscow, Nauka Publ., 1976.
10. Chekhov A.P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem. Pis'ma. T. 6, 8* [Complete works and letters. Letters. Vol. 6, 8]. Moscow, Nauka Publ., 1978–1980.
11. Chudakov A.P. *Poetika Chekhova* [The Poetics of Chekhov]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 292 p.
12. Irina-Kogan V.R., ed. *Entsiklopediya. Drevneevreiskie imena, familii, kolena. T. 1, 2* [Encyclopedia. Hebrew names, surnames, knees. Vol. 1, 2]. Moscow, Olimpiya Press Publ., 2003.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гедзюк Елена Анатольевна – аспирант кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета;

e-mail: garumna@mail.ru

DOI

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena A. Gedzyuk – postgraduate student at the Department of the Russian literature, Moscow City University;
e-mail: garumna@mail.ru
DOI

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гедзюк Е.А. Рассказ А.П. Чехова «Кошмар» в свете литературной трансформации библейских сюжетов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 1. С. 58-67
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-58-67

FOR CITATION

Gedzyuk E.A. A. Chekhov's story «Nightmare» as a literary transformation of biblical plots. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 1, pp. 58-67
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-58-67

УДК 821.161.1 – 09 Чехов А.П.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-68-75

ИНДИВИДУУМ И СЕМЬЯ В РАССКАЗЕ А.П. ЧЕХОВА «ИОНЫЧ» (К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ РОМАННОГО НАЧАЛА)

Кеклюдже Н.

Московский государственный областной университет

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается жанровое своеобразие рассказа А.П. Чехова «Ионыч» во взаимодействии с традициями жанра романа. С помощью анализа сюжетно-композиционных особенностей рассказа, особенностей изображения личности главного героя и его взаимодействия с социумом сделаны выводы о том, что Чехов строит историю развития личности по романной схеме, однако лаконичная форма рассказа позволяет максимально выделить наиболее значительные психологические и философские проблемы произведения. Образ семьи в рассказе становится одним из средств такой концентрации проблематики. Во взаимодействии с семьей Туркиных как моделью уездного городского общества и происходит деформирование образа героя в соответствии со схемой «от Старцева к Ионычу», а также в полемике с нею.

Ключевые слова. А.П. Чехов, рассказ, роман, жанровая традиция, поэтика повествования, проблема семьи.

SHORT STORY “IONYCH” (ON THE TRANSFORMATION OF THE NOVEL)

N. Kokluce

Moscow Region State University

10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation

Abstract. The article discusses the genre originality of the Chekhov's story «Ionych» in interaction with the traditions of the genre of the novel. Through the analysis of plot and compositional features of story, image of the personality of the main character and his interaction with society conclusions are drawn that Chekhov builds the history of the development of personality in the novel scheme, however, the concise form of the story allows to identify the most significant psychological and philosophical problems of the work. The image of the family in the story becomes one of the means of such concentration issues. In the interaction with the Turbins as a model of county-level urban society happens the deformation of the image of the character in accordance with the scheme “from Startsev to Ionych”, as well as in the dispute with it.

Key words. Anton Chekhov, short story, novel, genre tradition, the poetics of narrative, the problem of the family.

Вопрос о жанровой специфике рассказов А.П. Чехова волновал исследователей с первых критических отзывов о творчестве писателя и продолжает волно-

вать современных литературоведов. В работах М. Громова [2], В.Б. Катаева [4], Т.Б. Зайцевой [3, с. 705–710], Н.О. Осиповой [7, с. 133–138], С.В. Савинкова [8, с. 575–597], А.М. Чудакова [14], И.Н. Сухих [9], С.О. Ужеговой [10, с. 99–104], Л.Е. Бушканец [1, с. 162–168], М. Фрайзе [11] и др. неоднократно ставились вопросы, что такое чеховский рассказ как своеобразная жанровая форма, каким образом он сложился на фоне той историко-литературной традиции, которой он следовал, в чём состояла специфика «чеховского» начала в произведениях писателя.

Предметом данной статьи будет жанровое своеобразие чеховского рассказа 1890-х гг. и влияние этой жанровой специфики на развитие проблемно-тематической сферы произведения. В качестве последней избрана тема семьи – критически важная как для Чехова лично (не случайно биографы многократно отмечали сложную семейную историю Чехова [2, с. 15–25]), так и для его героев, формирование личности которых, сама их судьба глубоко зависят от специфики влияния семьи на их жизнь.

В истории русской литературы XIX в. сложилась устойчивая традиция рассматривать семью и её влияние на судьбу личности в жанре романа. Основы такого изображения закладывались уже в произведениях А.С. Пушкина, и прежде всего в романе в стихах «Евгений Онегин», развивалась традиция в прозе И.А. Гончарова, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и др. При этом семья оценивалась и как начало, которое формирует личность, и как символ власти традиции, в борьбе с которой

человек может отстаивать свою идентичность, и как цель жизненных исканий – достижимая или недостижимая [5, с. 181–186]. Таким образом, линия «индивидуум – семья» оказывалась своеобразным воплощением более общих закономерностей взаимодействия личности и общества, постижение которых и было главной задачей реалистического социально-психологического романа.

Попробуем с этой точки зрения рассмотреть один из известнейших рассказов А.П. Чехова «Ионыч», внимание к которому по традиции возникает и в общих обзорах чеховского творчества, и в отдельных статьях [6, с. 136–142]. Этот рассказ – яркий пример одной из важных тенденций в творчестве писателя 1890-х – начала 1900-х гг. Её можно обозначить как тяготение произведений к романному началу – при том, что краткость и ёмкость жанровой формы рассказа в этом случае не только сохраняется, но и приобретает особую убедительность (таковы, например, рассказы «Душечка», «Дама с собачкой», «Человек в футляре», «Дом с мезонином», «О любви», «Крыжовник» и др.). Их особенность видится в том, что краткая форма рассказа вмещает в себя значительный период жизни героев, иногда – практически всю жизнь от юности до наступающей старости, причём главным предметом художественного осмысления оказывается постепенная личностная деградация героя, причиной которой становится та отупляющая, разрушающая личность «школа жизни», которую он проходит на протяжении повествования. По определению Л.Е. Бушканец, рассказ «Ионыч» может быть соотнесён с такой моделью

«романа воспитания», где герой формируется под влиянием обстоятельств, событий, окружающей обстановки, а не уроков и советом «ментора» [1, с. 162–163]. Такая модель «школы жизни», как правило, предполагает путь героя вне семейного окружения (либо вследствие трагических обстоятельств утраты семьи, либо вследствие конфликта и ухода героя из родительского дома, когда именно такой уход становится завязкой сюжета, либо реже, как у Ф.М. Достоевского, – «случайности» самого семейства, которое не может быть защитной благотворной средой и само выталкивает героя на «дорогу жизни»). В этом смысле не случайно, что главный герой рассказа «Ионыч», доктор Дмитрий Ионыч Старцев, с самого начала лишён семьи; он оказывается в городе Дялиже в совершенном одиночестве, и дальнейшее формирование этого пока не сложившегося юного человека происходит под действием внешних обстоятельств.

При этом сам рассказ начинается именно с заявки семейной темы и указания на семейство Туркиных: «Когда в губернском городе С. приезжие жаловались на скуку и однообразие жизни», им указывали именно на «умные, интересные, приятные семьи, с которыми можно завести знакомства», а также на семью Туркиных «как на самую образованную и талантливую» [13, с. 315]. В экспозиции рассказа, ещё до появления образа главного героя, слово «семья» повторяется несколько раз, притом Чехов называет Туркиных именно «семьёй», не фамилией во множественном числе, подчёркивая, что, вступая в общение с ними, человек погружается именно в семейный круг, общение с которым оказывается

своеобразной «визитной карточкой» города, и в хорошем, и в дурном: в экспозиции семья Туркиных характеризуется как самая умная и талантливая, впоследствии же, подводя итоги своего общения с этой семьёй, Старцев будет размышлять, «что если самые талантливые люди во всём городе так бездарны, то каков же должен быть город...» [13, с. 331].

Изначально исследователи, начиная с Д.Н. Овсяннико-Куликовского, посвятившего рассказу «Ионыч» один из «Этюдов о творчестве А.П. Чехова», замечали, что сюжетная схема этого произведения не так проста. Читатель ожидает от него развития героя в соответствии со схемой «среда заела», однако происходит что-то совсем другое: и Старцев изначально далёк от идеала чистой, романтической натуры, и «среда» города С. отнюдь не вызывает у него желания бунтовать, и наконец, момент, когда он становится собственно «Ионычем», то есть равнодушным, «заплывшим жиром», жестоким человеком, парадоксально воспринимается не как капитуляция, а напротив, «бунт», хотя и очень необычный: «все его отношения к обществу являются произвольным, ненарочитым выражением какого-то подобия “борьбы” с ним или, лучше. Не борьбы, а только протеста, и притом такого, который никоим образом не может быть подведён под шаблонное представление о “свежем” человеке с возвышенными чувствами и благородными стремлениями, выступающем против пошлости и грубости нравов “среды”» [12, с. 492]. В этом рассказе «всё навыворот» [12, с. 492], это рассказ-загадка, одним из путей разрешения которой и представляется анализ его жанрового

своеобразие «на фоне» романной традиции.

Сама композиция рассказа представляется подобной роману: пять частей произведения раскрывают ключевые точки жизненной истории главного героя – юность, зарождение любви, попытка семейного счастья, начало личностной деградации и, наконец, старость души и гибель человеческого в человеке. Эти события могли стать сюжетной схемой романа, однако своеобразие чеховской мысли в данном случае оказывается в том, что эти обстоятельства словно «спрессовываются». Приёмом, с помощью которого достигается этот эффект, становится изображение общения Старцева с семьёй Туркиных, которая в данном случае становится своеобразным символом социума в самом широком смысле; столкновение и взаимодействие с ним и формирует (а точнее, деформирует) личность героя.

В данном случае семья – не просто «ячейка общества», в чеховской логике она предстаёт как воплощение культуры всего современного общества, и, если эта «культура» оказывается несостоятельной, читатель неизбежно делает вывод о несостоятельности всего общества. Это культура, из которой ушёл подлинный «дух», – поэтому шутки Ивана Петровича не имеют истинной весёлости, романы Веры Иосифовны – подлинно творческого начала, а музыка Катерины Ивановны (Котика) не трогает сердца. Начиная общение с этой семьёй, Старцев стремится к подлинной культуре, изяществу, красоте («после зимы, проведённой в Дялиже, среди больных и мужиков, сидеть в гостиной, смотреть на это молодое, изящное и, вероятно, чистое существо

и слушать эти шумные, надоедливые, но всё же культурные звуки, – было так приятно, так ново ...» [13, с. 318]).

Выражением этого и становится влюблённость героя в Катерину Ивановну и его готовность идти ночью на кладбище, и надежда на возможность семейного счастья. Кульминацией в этом порыве Старцева к истинной жизни становятся ощущения героя на кладбище в ходе несостоявшегося свидания: удивительно пронизанное светом, оно притягивает Старцева именно своей новизной, как «то, что он видел теперь в первый раз в жизни и что, вероятно, больше уже не случится видеть» [13, с. 322]. Это совершенно другой мир, «не похожий ни на что другое», он «хорош», «мягок», он есть колыбель света, и во всём здесь «чувствуется присутствие тайны, обещающей жизнь тихую, прекрасную, вечную» [13, с. 322].

Культура как духовное начало человеческого бытия является именно здесь; семейство Туркиных в лице Катерины Ивановны «обещало» это Старцеву, но не могло сдержать этого обещания, и потому знаками постепенной капитуляции становятся переданные как несобственно-прямая речь мысли героя: «Ох, не надо бы полнеть!..» [13, с. 323], «А приданого они дадут, должно быть, немало» [13, с. 324], «Сколько хлопот, однако!» [13, с. 326], «А хорошо, что я на ней не женился» [13, с. 329]. Его растущая замкнутость, раздражительность, охлаждение к Туркиным и особенно к Катерине Ивановне оказывается следствием не только постепенного расставания с юностью, но и следствием разочарования в семье, олицетворявшей для героя культуру современного ему общества.

Романное начало в этом чеховском рассказе раскрывается не только в сюжетной схеме, но и в своеобразных авторских размышлениях об этом. Они появляются в основном в ироническом контексте: романы пишет Вера Иосифовна, и их главная характеристика – абсолютная нежизненность, искусственность содержания. Начинаясь пошловатой стиливой формулой «Мороз крепчал ...», роман этот всякий раз противоречит всему, что происходит вокруг, в реальной жизни: «на кухне стучали ножам, и доносился запах жареного лука» [13, с. 317]. Невозможно поверить летом в то, «как это крепчал мороз и как заходившее солнце освещало своими холодными лучами и путника, одиноко шедшего по дороге» [13, с. 317]. Авторская ирония, возникающая в характеристике романа, написанного Верой Иосифовной, переносится на сами культурные штампы, выдаваемые обществом за изящество, высокие чувства, подлинную духовность.

Романы Веры Иосифовны становятся в рассказе символом того, чего не бывает в жизни, в противоположность реальным обстоятельствам, судьбам настоящих людей, и прежде всего самого Старцева. Хотя о содержании романов не сказано, отдельные намёки позволяют судить, что чеховская героиня, писательница-дилетант, пытается приукрашивать занятия благотворительностью, прекраснотушие и искусственность взаимоотношений героев: «молодая, красивая графиня устраивала у себя в деревне школы, больницы, библиотеки» [13, с. 317]. Изображению этого в романе противопоставлена жизнь и деятельность Старцева, человека одинокого и глу-

боко несчастного; это его настоящему существованию противопоставлены романы «о том, чего никогда не бывает в жизни» [13, с. 317].

Данный эпизод рассказа «Ионыч» связан с одним из повторяющихся чеховских мотивов осуждения так называемой «теории малых дел», призывавших интеллигенцию к участию в земском движении. Чехов относится к нему скептически, что отразилось в рассказах «Драма», «Дом с мезонином», «Учитель словесности», а также в пьесе «Дядя Ваня». Представление «романа в рассказе» в «Ионыче» раскрывает новую грань мотива, предполагает наиболее ироничное его раскрытие, что способствует окончательной дискредитации «филантропии», встающей за прекраснотушными образами Веры Иосифовны. Неискренность и нежизненность её «романов» косвенно отразились и в поведении её дочери, стали моделью для выражения чувства. Но в самый решительный момент эта искусственная модель приводит к разрыву. Когда после пережитой разлуки и собственных разочарований Котик обращается к Старцеву – «Какое это счастье быть земским врачом, помогать страдальцам, служить народу ...» [13, с. 330], – Старцев невольно чувствует в этих словах ложь и притворство, понимает, насколько они не соответствуют его настоящей жизни, и это окончательно отвращает его от мыслей о женитьбе, от надежды на любовь, от возможности изменить свою жизнь и вернуть в неё подлинные начала духа.

Размышления Чехова о соотношении индивидуума и семьи становятся ярким дополнением к сложившимся представлениям о форме и содержании рассказа «Ионыч». Показанная в

этом произведении душевная деградация главного героя происходит в постоянной соотносённости с изображением семьи – это углубляет морально-психологическую проблематику рассказа, а также способствует раскрытию своеобразного поэтического приёма, позволяющего писателю вложить в краткую форму рассказа романное по своей сути содержание. Все сюжетные ситуации, все коллизии,

которые раскрывают историю персонажа, соотносены с изображением его взаимоотношений с единственным семейством. Семья в рассказе «Ионыч» – и возможность размышлять об обществе и кризисе современной культуры, и та надежда на счастье, утрата которой и есть главная беда человека, обрекающая его на страдания и утрату себя в подлинном, а не вымышленном существовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бушканец Л.Е. А.П. Чехов и традиции европейского романа воспитания // Филология и культура. 2013. № 4 (43). С. 162–168.
2. Громов М. Книга о Чехове. М.: Молодая гвардия, 1993. 398 с.
3. Зайцева Т.Б. Концепт «любовь» в творчестве А.П. Чехова (для антологии «Художественные константы русской литературы») // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет имени Г.И. Носова, 2011. Вып. 3 (33). С. 705–710.
4. Катаев В.Б. Проза А.П. Чехова. Проблемы интерпретации. М.: Изд-во МГУ, 1979. 326 с.
5. Литовченко М.В. «Онегинский миф» в рассказе А.П. Чехова «Дом с мезонином» // Творчество А.П. Чехова: текст, контекст, интертекст: 150 лет со дня рождения писателя. Ростов н/Д: Логос, 2011. С. 181–186.
6. Макаров Д.В. Рассказ А.П. Чехова «Ионыч»: христианская интерпретация // Текст как единица филологической интерпретации: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Новосибирск: Немо-пресс, 2011. С. 136–142.
7. Осипова Н.О. Поэтика художественного времени в жанровой структуре прозы А.П. Чехова на рубеже XIX–XX вв. (1898–1903) // Жанр и композиция литературного произведения. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 1986. С. 133–138.
8. Савинков С.В. «Ordo amoris» в чеховской прозе: чужое: условия возникновения и существования // Памяти Анны Ивановны Журавлёвой. М.: Три квадрата, 2012. С. 575–597.
9. Сухих И.Н. Проблемы поэтики А.П. Чехова. Л.: ЛГУ, 1987. 184 с.
10. Ужегова С.О. Жанровые эксперименты Чехова в рамках рассказа // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 4 (126). С. 99–104.
11. Фрайзе М. Проза Антона Чехова. М.: Флинта Наука, 2012. 376 с.
12. Чехов А.П. Pro et contra. Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX – начала XX в. (1887–1914): антология / сост., предисл. и общ. ред. И.Н. Сухих. СПб.: РХГИ, 2002. 1072 с.
13. Чехов А.П. Собр. соч.: в 12 т. / под общ. ред. П.В. Ермилова и др. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. Т. 8. 576 с.
14. Чудаков А.П. Поэтика Чехова. Мир Чехова. Возникновение и утверждение. М.: Азбука-Аттикус, Азбука, 2016. 701 с.

REFERENCES

1. Bushkanets L.E. [A. Chekhov and the tradition of the European bildungsroman]. In: *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture], 2013, no. 4(43), pp. 162–168.
2. Gromov M. *Kniga o Chekhove* [A book about Chekhov]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1993. 398 p.
3. Zaitseva T.B. [The concept “love” in the works of A. Chekhov (for anthology “the Art constants of Russian literature”)]. In: *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]. Magnitogorsk, Nosov Magnitogorsk State Technical University, 2011, no. 3(33), pp. 705–710.
4. Kataev V.B. *Proza A.P. CHEkhova. Problemy interpretatsii* [Prose of A. Chekhov. Problems of interpretation]. Moscow, MSU publishing house, 1979. 326 p.
5. Litovchenko M.V. [“Onegin myth” in the story by A. Chekhov “House with mezzanine”]. In: *Tvorchestvo A.P. CHEkhova: tekst, kontekst, intertekst: 150 let so dnya rozhdeniya pisatelya* [The work of A. Chekhov: the text, context, intertext: 150th anniversary of the writer]. Rostov n/D, Logos Publ., 2011. pp. 181–186.
6. Makarov D.V. [The story of A. Chekhov “Ionych”: Christian interpretation]. In: *Tekst kak edinita filologicheskoi interpretatsii: materialy vs Rossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Text as a unit of linguistic interpretation: materials of all-Russian scientific-practical conference with international participation]. Novosibirsk, Nemo-press Publ., 2011. pp. 136–142.
7. Osipova N.O. [Poetics of the artistic time in the genre structure of prose of A. Chekhov at the turn of 19–20th centuries (1898–1903)]. In: *Zhanr i kompozitsiya literaturnogo proizvedeniya* [Genre and composition of a literary work]. Petrozavodsk, Petrozavodskii gosudarstvennyi universitet Publ., 1986. pp. 133–138.
8. Savinkov S.V. [“Ordo amoris” in Chekhov’s prose: alien: the conditions of origin and existence]. In: *Pamyati Anny Ivanovny Zhuravlevoy* [In the Memory of Anna Ivanovna Zhuravleva]. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2012. pp. 575–597.
9. Sukhikh I.N. *Problemy poetiki A.P. Chekhova* [Problems of poetics of A. Chekhov]. Leningrad, LGU Publ., 1987. 184 p.
10. Uzhegova S.O. [Genre experiments Chekhov in the context of the story] In: *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Samara State University], 2015, no. 4(126), pp. 99–104.
11. Fraize M. *Proza Antona Chekhova* [The Prose Of Anton Chekhov]. Moscow, Flinta Nauka Publ., 2012. 376 p.
12. Sukhikh I.N., compiler, editor. *A.P. Chekhov. Pro et contra. Tvorchestvo A.P. Chekhova v russkoi mysli kontsa XIX – nachala XX v. (1887–1914) : antologiya* [A. Chekhov. Pro et contra. Chekhov’s creativity in the Russian thought at the end of the 19th and beginning of the 20th century (1887–1914) : the anthology]. St. Petersburg, RKhGI Publ., 2002. 1072 p.
13. Chekhov A.P. *Sobranie Sochinenii* [Collected works]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1962, vol. 8, 576 p.
- Chudakov A.P. *Poetika Chekhova. Mir Chekhova. Vozniknovenie i utverzhdenie* [The Poetics Of Chekhov. The World Of Chekhov. The emergence and adoption]. Moscow, Azbuka-Attikus, Azbuka Publ., 2016. 701 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кеклюдже Нури – аспирант кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета;
e-mail: kokluce_69@hotmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nuri Kokluce – postgraduate student at the Department of the Russian classical literature, Moscow Region State University;
e-mail: kokluce_69@hotmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кеклюдже Н. Индивидуум и семья в рассказе А.П. Чехова «Ионыч» (К вопросу о трансформации романного начала) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 1. С. 68-75
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-68-75

FOR CITATION

Kokluce N. The individual and the family in A. Chekhov's short story "Ionych" (on the transformation of the novel). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 1, pp. 68-75
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-68-75

УДК 821.112.2

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-76-83

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АСПЕКТ «ИЗОБРЕТЁННОГО ВОСПРИЯТИЯ» В СБОРНИКЕ «НИЗИНЫ» ГЕРТЫ МЮЛЛЕР

Кузнецов С.А.*Литературный институт имени А.М. Горького**123104, г. Москва, ул. Тверской бульвар, д. 25, Российская федерация*

Аннотация: В статье рассмотрено проявление пространственного аспекта «изобретённого восприятия» в дебютном сборнике Г. Мюллер «Низины», его философское и эстетическое измерения. Исследование опирается, в первую очередь, на труд А.К. Йохансен «Ящики, крипты, лабиринты, пространственные образы в современной литературе». Автор статьи приходит к выводу, что с помощью пространственного аспекта «изобретённого восприятия» Г. Мюллер обнаруживает сущностные черты гетеротопий, а также противопоставляет им собственные авторские «другие пространства», сконструированные индивидуальным восприятием.

Ключевые слова: пространство, гетеротопии, ассамбляж, атмосфера, Герта Мюллер, «изобретённое восприятие»

THE SPATIAL ASPECT OF THE “INVENTED PERCEPTION” IN THE SHORT STORIES COLLECTION “NADIRS” BY HERTA MÜLLER

S. Kuznetsov*Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing**25 Tverskoy Boulevard, Moscow 123104, Russian Federation*

Abstract. In this article, a spatial aspect expression of the “invented perception” (from debut collection of H. Müller “Nadirs”) are researched, as well as its philosophical and aesthetic dimensions. Primarily the research is based on the work “Kisten, Krypten, Labyrinthe, Raumfigurationen in der Gegenwartsliteratur” by A. K. Johannsen, particularly, on the chapter devoted to the role of space and spatiality in H. Müller’s latest essay “Wenn wir schweigen, werden wir unangenehm – wenn wir reden, werden wir lächerlich”. The author comes to the conclusion that the spatial aspect of the “invented perception” H. Müller discovers the essential features of heterotopias, and opposes them “other spaces”, constructed by own individual perception.

Key words: space, heterotopias, assemblage, atmosphere, Herta Müller, “invented perception”.

Исследовательница современной немецкой литературы А.К. Йохансен ставит Герту Мюллер, Нобелевского лауреата по литературе 2009 г., в ряд современных писателей, для которых характерно частое использование пространственных образов [10, с. 8]. По её мнению, концентрация описаний пространства

связана с эстетическими и поэтологическими вопросами Г. Мюллер [10, с. 13]. Связь эстетических и поэтологических позиций с практиками репрезентации пространства проявляется в пространственном аспекте такого важного для писательницы понятия, как «изобретённое восприятие».

Важность пространственных образов для Герты Мюллер объясняется тем, что, во-первых, тема отношений человека и окружающего его пространства предельно значима для её творчества, и, во-вторых, именно с помощью языка пространственных образов писательница передаёт «сложные экзистенциальные состояния» [1, с. 32].

Термин «изобретённое восприятие» Герта Мюллер стала использовать в своих лекциях по поэтике, прочитанных в Падерборне в 1989 г. Герметичный поэтический язык свойственен не только для её художественных, но и для теоретических работ. Для того чтобы определить роль пространственного аспекта в «изобретённом восприятии» и исследовать его реализацию в сборнике Г. Мюллер «Низины», главном объекте анализа данной статьи, необходимо, прежде всего, сформировать собственное определение понятия «изобретённое восприятие». При опоре на работы исследователей творчества Мюллер, а также на её собственное эссе «В молчании мы неприятны, а если заговорим – смешны», содержащее изложение взгляда писательницы на природу собственного письма, можно дать следующее определение «изобретённого восприятия» Герты Мюллер:

1) изобретённое восприятие первого порядка – трансцендирующая оп-

тика, «переступающая собственные границы везде, где индивидууму навязана норма» [9, с. 21], обладающая свойствами «непомерности» (*Unmaß*), находящейся в постоянном становлении перцептивной логики;

2) изобретённое восприятие второго порядка – или художественное изобретённое восприятие – аналогичный первичному восприятию процесс деформации, пересоздания «пережитых моментов аутентичного восприятия» [4, с. 806] «я-пишущего» с целью сокращения разрыва с аутентичным переживанием «я-воспринимающего» [4, с. 806]. Этот разрыв осложнён не только временем, но и «глубинным разломом» пережившей угнетение личности, переосмысляющим значение предшествующих ему событий. Изобретённое восприятие действует в рамках процесса письма, ставящего себе задачу с помощью языковых средств добиться создания картины, в которой опыт невербализуемого «высвечивался» бы в «описываемом изобретённом».

Пространственное в изобретённом восприятии можно рассматривать с двух взаимодополняющих сторон. Во-первых, механика изобретённого восприятия представлена Г. Мюллер как ряд пространственных практик: «Когда я вставляю пережитое в эти фразы, начинается своего рода призрачный переезд. ... Если прибегнуть к той же метафоре переезда, то у меня, когда я пишу, ощущение, будто кровать переместилась в лес, стул – в яблоко, а улица проходит внутри пальца. Но бывает и наоборот: сумочка становится больше города, белки глаз – шире стены и наручные часы – громадной луны» [2, с. 258]. Во-вторых, это стра-

тегия, построенная на авторской оптике реконструкции слабо поддающегося вербализации опыта. Недоверие к «говору» и вытекающее из этого понимание свойств и задач художественного письма влекут за собой усиление внимания к репрезентантам визуального: вещам и пространству.

Установка в письме Г. Мюллер на субъективный человеческий опыт и сложные экзистенциальные переживания, а не на спекулятивные идеологические построения объясняется признанием за опытом способности передать истину, тогда как идеологии могут только создавать правила и режимы. Поэтому «написанное по внутреннему обязательству, рассматривает себя не как позволительное или запретное, а как правдивое или лукавое» [2, с. 259]. Для Мюллер объективная реальность независима от субъекта, но проявляется через перцепцию. При этом она не выступает как пассивный текст, представляемый для вольной рецепции, собственно, не является «объектом», а активно влияет на воспринимающего. Писательницу интересует не столько бытие-в-себе вещей, сколько бытие-для-себя человека, взаимодействующего с вещами и пространством. Вещи и пространство активно проявляют себя. Пространство изгоняет и запирает, заставляет действовать по своим правилам, вызывает страх. В контексте творчества Мюллер справедливо заметить, что вещи и пространства становятся активными, так как наделяются качествами от восприятия властных режимов, становятся их агентами: «Но провал возникает в твоей голове, а не под ногами» [2, с. 262]. Спациальные процессы, репрезентированные в творчестве Г. Мюллер, отражают

конфликт тоталитарной власти, автоматизирующей пространственные отношения, с угнетаемой ей личностью, стремящейся к свободе активной интерпретации окружающего мира. Поэтому эстетика автора держится на философском базисе, содержащем позитивную онтологическую программу, основанную на феноменологии и экзистенциализме, и негативную критическую – близкую теории М. Фуко.

Пространственное измерение у Г. Мюллер выступает двояко: с условно называемой «субстанционалистской» (по выражению Йохансен, как «пространство-контейнер» или среда – город, деревня), и с «реляционистской» (как продукт отношения вещей, соответствующий концепции Мартини Лёв в её работе «Социология пространства») точек зрения. Подобное сосуществование двух пространств связано с тем, что каждое из них обладает в процессе восприятия собственным значением.

Субстанциональное «пространство-контейнер», по А.К. Йохансен, выступает как среда, как некое образованное Другим целое, организованное внешней к субъекту властью и проявляющееся в восприятии субъекта в качестве атмосферы. Понятие атмосферы выработано немецким философом Гернотом Бёме, ставящим задачу осмыслить «эстетику опыта». «Атмосферы не являются ни состояниями субъекта, ни качествами объекта, – считает Бёме, – однако же они познаются только в актуальном восприятии субъекта ... И хотя они не являются качествами объекта, они проявляются во взаимодействии с качествами объектов. Это значит, что атмосфера есть нечто между субъектом и объектом»

[7, S. 54]. По Бёме атмосфера – эмоционально заряженное, проникнутое эмоцией пространство. Термин «атмосфера» – это термин посредничества, это то, что связывает субъект и объект, их общую действительность. «Это пространства, они «окрашены» через присутствие вещей, людей и констелляций окружения, что называется, посредством их экстазов» [8, S. 297].

В контексте творчества Г. Мюллер атмосфера может быть представлена в опыте пространства, являющимся не точкой, но пространством схождения субъекта (персонажа) и объекта (ландшафта).

Ландшафт, содержащий подобную атмосферу, может быть охарактеризован как отвлечённое пространство присутствия, имеющее однородную эмоциональную окрашенность. Изобретённое восприятие применяется в данном случае для отражения взаимоотношения «большого» пространства и человека. Для Г. Мюллер принципиально важно показать атмосферу таких пространств, как деревня и город.

И то, и другое пространство враждебно инакомыслящему. Оба принуждают находящегося в нём человека подчиняться выработанными в нём властными правилами ориентирам, не всегда доступными пониманию. Так, в рассказе «Немецкий пробор и немецкие усы» главный герой проходит «через дома, построенные прямо на пути», не может «различить, далеко ли или близко находятся от него люди, движутся ли они к нему или от него» [11, S. 129]. Расположение объектов в пространстве развёртывается по правилам, известным только включённым в его режим элементам: движение мужчины по плоской поверхности

улицы для героя «выглядит, как движение вниз», оно обманывает, скрывает объекты из поля зрения. Атмосфера данного пространства проявляет себя как жуткая: бывшее в прошлом родным и познаваемым, стало чуждым и непонятным герою. Сходным образом действует пространство в рассказе «Низины»: «Из-за холмов видна деревня в виде стада домов, пасущегося между холмов, чья растительность различима только по расцветке. Всё кажется близким, и когда туда идёшь, то никогда не добираешься до места. Я никогда не понимала этих отдалений. ... Только пыль выступала на моем лице. И нигде не было конца» [11, S. 22]. В «Надгробной речи» фотографии, заполнившие стену комнаты с гробом отца, объявляются героиней лживыми, искажающими его личность. Их лживость создаёт атмосферу холода: «от многих фальшивых фотографий, от всех фальшивых лиц в комнате холодно» [11, S. 8]. Атмосферное определение для пространств деревни и города, почвы и асфальта Г. Мюллер даёт в эссе «Когда мы молчим ...». Деревня и вообще пространство без асфальта, как «окраина детства», проникшая в пространства заасфальтированного города, представлена атмосферой смерти: «Пашня ... изрыта и алчет гниения и распада. ... Смерть обитала на городской окраине, которая стала окраиной моего детства, присаживалась на бетонные столы овощного рынка, ... Смерть прогуливалась в парках ... Вдоль улиц в цветущих липах тоже сидела тепло-медового цвета смерть – когда с деревьев слетает пыль» [2, с. 253–254].

Это пространство наиболее выразительно резонирует с выделяе-

мым П.А. Новиковой понятием «пространства смерти» как «особым типом художественного пространства», возникшим в литературе XX в. «Пространство смерти» характеризуется замкнутостью, активностью (оно заставляет героя действовать), карнализированностью, оно организует восприятие смерти в художественном мире и подчиняет себе художественное время [3]. Проникнутый ощущением смерти и смертности, сельский ландшафт порождает экзистенциальное переживание: Г. Мюллер говорит о «жалком одиночестве посреди ландшафта – счёте, предъявляемом бренностью, который ты не в состоянии оплатить» [2, с. 255]. Широкое и открытое пространство пастбища вызывает чувство незащищённости для собственной внутренней оптики, ощущение обозримости: «При такой обозримости ты прежде всего становился беззащитно зримым для себя, насквозь прозреваемым с головы до пят, так что небо поглощало тебя» [2, с. 262].

«Реляционное» пространство – пространство, в соответствии с концепцией М. Лёв [10, с. 183], собранное из вещей и тел, являющееся производным их отношений, оно зависит не только от их расположения (*Spacing*), но и от концепирующего взгляда (*Syntheseleistung*), объединяющего объекты в пространство общего значения. Каждый элемент подобного пространства одновременно играет в нём свою роль и контекстуально окрашивается через смежные объекты. Для того чтобы проявить «внутреннее» объектов, изобретённое восприятие создаёт поле напряжения, собственное «пространство-ассамбляж».

Одним из таких объектов выступает «белый букет растрёпанных цветов»

в рассказе «Надгробная речь». По ходу повествования вставляемый в разные сцены-пространства, он меняет своё знаковое наполнение, с каждым новым упоминанием наращивая новые смыслы, ретроактивно влияя на старые, тем самым меняя понимание самих пространств. Первое пространство текста – пространство фильма. Юноша, держащий букет, уезжает на войну, его провожает девушка с ребёнком. Сцена написана без оценочных эпитетов, передавая оптику героини-рассказчицы и монтажное строение кадра. Пояснение, что поезд едет на войну, появляется только в последнем предложении. Тем не менее, содержание отсылает читателя к возвышенно-драматическим сюжетам военных фильмов. Далее тот же букет виден на одной из фотографий отца, документирующих его биографию: детство, женитьба, служба в СС, жизнь в деревне, забой скота. «Белый букет растрёпанных цветов» возникает в пространстве комнаты с телом отца, где героиня встречает свою мать, и предстаёт в виде «шара» (*Kugel*) из «белых растрёпанных цветов» в заключительной сцене пробуждения. Таким образом, букет по ходу перехода из одного пространства в другое облекается спектром смыслов, обеспечивает своим присутствием диалог между ними, меняя отношение к их концептуальному наполнению. Те же роли в рассказе играет «реповое поле». В случае отца героини, участвовавшего на этом поле в групповом изнасиловании, оно становится метафорой места преступления, активной насилующей власти. «Репами» впоследствии отец называл всех женщин. В случае матери, принуждённой от крайнего голода под страхом смерти воровать овощи, репо-

вое поле, описанное теми же словами, что и «отцовское», выступает как пространство пассивной запрещающей власти. Таким образом, создаётся объёмное пространство репрессивного режима.

«Пространства-контейнеры» и «пространства-ассамбляжи» можно рассматривать как своеобразные «другие пространства», «гетеротопии». Термин принадлежит М. Фуко, который предложил рассматривать мировое пространство как гетерогенное скопление «других пространств» – гетеротопий. С момента введения термин получил новые интерпретации, в том числе и близкие для описания пространственной поэтики Мюллер.

Концепция Фуко исходит из феноменологических постулатов, но, также как и письмо Г. Мюллер, более критически заряжена, потому что имеет связь с внешней действительностью: «Грандиозные труды Башляра, описания феноменологов научили нас, что мы живём не в гомогенном и пустом пространстве, но, напротив, в пространстве, заряжённом качествами ... Однако же, хотя такие исследования являются основополагающими для современной рефлексии, они касаются преимущественно пространства души. Я же теперь хотел бы поговорить о внешнем пространстве ... это пространство, которое подтачивает нас и изборождает нас морщинами, само по себе является ещё и гетерогенным» [5, с. 194].

Российский философ В.А. Подорога полагает, что «собственно, гетеротопия – это базовая функция любого жизненного пространства, и естественно, что от эпохи к эпохе она может меняться и преобразовывать-

ся. Нет никаких особенных гетеротопий, они все известны и привычны для нас: театр, библиотека, дом, кладбище, кинематограф, музей...» [6, с. 64]. Если следовать мнению Подороги, то можно обнаружить, что он допускает образование новых гетеротопий: «Гетеротопические пространства – пространства совмещения несовместимого, иначе говоря, они совмещают, т. е. способны вместить в себя, дать место даже тому, что не может, казалось, иметь места в них...» [6, с. 64]. Гетеротопия, как результат «совмещения несовместимого», следует ассамбляжной логике.

Э.Г. Шестакова в своей работе по осмыслению проблем применения гетеротопий замечает: «Гетеротопия – это не столько конкретное место, сколько способ его видения, субъективного ощущения и выделения среди общего пространства ... Ведущим в гетеротопном осмыслении мира оказывается нарушение, разрушение только видимого, конвенционального с позиции социальных отношений порядка систем и обнаружение, обнажение порядка и связей иного рода – обусловленных внутренним единством субъективного взгляда, мировосприятия и существующей некой объективности устройства общества, повседневности и культуры» [6, с. 60, 64]. В этом единстве гетеротопное осмысление мира созвучно идее Бёме об атмосфере, соединяющей объект и субъект в рамках эстетики опыта.

Исходя из этого, возможно обозначить репрезентированное с помощью изобретённого восприятия пространство и саморепрезентацию героини [11, с. 78] в виде пространства в «Низинах» Г. Мюллер под общим знаме-

нате́лем гетеротопий, замкнутых пространств, обладающих собственным временем, порядком, отношениями, «обусловленных внутренним единством субъективного взгляда и повседневности культуры». С помощью изобретённого восприятия вскрываются режимные гетеротопии деревни («Низины», «Деревенская хроника», «Немецкий пробор, немецкие усы»), семейных пространств («Швабская купальня», «Гнилые груши»), города («Дворники», «Рабочий день»).

С помощью пространственного аспекта «изобретённого восприятия», такого его инструментария, как комбинация объектов, оптическое отстранение, выявление атмосферы и деформация пространственных отношений внутри гетеротопий, высвечиваются сущностные черты «других пространств», а также им противопоставляются собственные авторские гетеротопии, сконструированные индивидуально восприятием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Краснополянская А.П. Познавательная стратегия постнеклассики // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 6 (44). С. 28–33.
2. Мюллер Г. В молчании мы неприятны, а когда заговорим – смешны (пер. с нем. М.А. Белорусца) // Иностранная литература. 2009. № 10. С. 253–266.
3. Новикова П.А. «Пространство смерти» в европейской литературе XX века: И.С. Шмелев, Б. Виан, В. Шаламов, А. Солженицын, Ф. Ксенакис: автореф. дисс. ... канд. филол. н. Самара, 2005 [Электронный ресурс] // Человек и наука : [сайт]. URL: <http://cheloveknauka.com/prostranstvo-smerti-v-evropeyskoj-literature-xx-veka> (дата обращения: 26.02.2017)
4. Полубояринова Л.Н. Герта Мюллер // История немецкой литературы. Новое и новейшее время. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2014. С. 804–808.
5. Фуко М. Другие пространства: пер. с франц. Б. Скуратова // Интеллектуалы и власть. М.: Праксис, 2006. С. 191–204.
6. Шестакова Э.Г. Гетеротопия – рабочее понятие современной гуманитаристики: литературоведческий аспект // Критика и Семиотика. 2014. № 1. С. 58–72.
7. Böhme G. Aisthetik. Vorlesungen über Ästhetik als allgemeine Wahrnehmungslehre. München: Fink, 2001. 199 S.
8. Böhme G. Atmosphäre als Grundbegriff einer neuen Ästhetik // Thomas Friedrich, Jörg H. Gleiter (Hg.). Einfühlung und phänomenologische Reduktion. Berlin: Lit, 2007. 344 S.
9. Compagne R. „Fleischfressendes Leben“ – Von Fremdheit und Aussichtslosigkeit in Herta Müllers „Barfußiger Februar“. Hamburg: Igel Literaturwissenschaft, 2010. 100 S.
10. Johannsen A.K. Kisten, Krypten, Labyrinth, Raumfigurationen in der Gegenwartsliteratur: W.G. Sebald, Anne Duden, Herta Müller. Bielefeld: Transcript, 2008. 240 S.
11. Müller H. Niederungen. Hamburg: Rowohlt, 1993. 140 S.

REFERENCES

1. Krasnopol'skaya A.P. [Cognitive strategy of postclassical]. In: *Vestnik MGUKI* [The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts], 2011, no. 6 (44), pp. 28–33.
2. Müller H. [When we don't speak, we are unbearable, and when we do, we make fools of ourselves.]. In: *Inostrannaya literatura* [Foreign literature], 2009, no. 10, pp. 253–266.

3. Novikova P.A. «*Prostranstvo smerti*» v evropeiskoi literature XX veka: I.S. SHmelev, B. Vian, V. SHalamov, A. Solzhenitsyn, F. Ksenakis: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. ["Space of death" in the European literature of the 20th century: I. Shmelyov, B. Vian, V. Shalamov, A. Solzhenitsyn, F. Xenakis: abstract of PhD thesis in Philological sciences]. Samara, 2005. In: *Chelovek i nauka* [Human and science]. Available at: <http://cheloveknauka.com/prostranstvo-smerti-v-evropeyskoy-literature-xx-veka> (accessed: 26.02.2017)
4. Poluboyarinova L.N. [Hertha Muller]. In: *Istoriya nemetskoj literatury. Novoe i noveishee vremya* [History of the German literature. New and the newest time]. Moscow, Russian State University for the Humanities, 2014. pp. 804–808.
5. Fuko M. *Drugie prostranstva* [Other spaces] *Intelktualy i vlast'*. [Intellectuals and power]. Moscow, Praxis, 2006. pp. 191–204.
6. Shestakova E.G. [Heterotopia – the working concept of the modern Humanities: the literary aspect] In: *Kritika i semiotika* [Criticism and Semiotics], 2014, no. 1, pp. 58–72.
7. Böhme G. *Asthetik. Vorlesungen über Ästhetik als allgemeine Wahrnehmungslehre*. München, Fink, 2001. 199 S.
8. Böhme G. [Atmosphäre als Grundbegriff einer neuen Ästhetik]. In: *Einführung und phänomenologische Reduktion*. Berlin, Lit, 2007. 344 S.
9. Compagne R. „Fleischfressendes Leben“ – Von Fremdheit und Aussichtslosigkeit in Herta Müllers „Barfußiger Februar“. Hamburg, Igel Literaturwissenschaft, 2010. 100 S.
10. Johannsen A.K. *Kisten, Krypten, Labyrinth, Raumfigurationen in der Gegenwartsliteratur: W.G. Sebald, Anne Duden, Herta Müller*. Bielfeld, Transcript, 2008. 240 S.
11. Müller H. *Niederungen*. Hamburg, Rowohlt, 1993. 140 S.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузнецов Степан Александрович – аспирант кафедры зарубежной литературы Литературного института имени А.М. Горького;
e-mail: stepan.kusnetzov@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Stepan A. Kuznetsov – postgraduate student at the Department of foreign literature, Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing;
e-mail: stepan.kusnetzov@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кузнецов С.А. Пространственный аспект «изобретённого восприятия» в сборнике «Низины» Герты Мюллер // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 1. С. 76-83
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-76-83

FOR CITATION

Kuznetsov S.A. The spatial aspect of the “invented perception” in the short stories collection “Nadirs” by Herta Müller. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 1, pp. 76-83
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-76-83

УДК 821.111

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-84-93

ЦВЕТ КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ, УЧАСТВУЮЩИЙ В СОЗДАНИИ ОБРАЗА СТРАХА В РАССКАЗАХ АМБРОЗА БИРСА

Михалева Е.С.*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10 А, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена изучению роли цветописи как одного из знаковых художественных элементов, участвующих в создании образа страха в рассказах Амброза Гвиннета Бирса. Посредством использования индивидуальных писательских цветовых образов отражается преобладающая атмосфера рассказов Бирса. Особое внимание уделяется установлению и систематизации цветовых образов, доминирующих в рассказах писателя; изучается место колористики в поэтике рассказов Амброза Бирса. Изучение сочетания и доминирования определённых цветовых образов, частотность использования их автором способствует более полному пониманию особенностей творчества Бирса и его мировоззрения. Делаются выводы о психологическом мастерстве американского писателя.

Ключевые слова: индивидуальные писательские цветообразы, колористика, рассказ, художественная деталь, цветовой образ, цветообозначения, цветопись.

COLOR AS A KEY ELEMENT IN CREATING IMAGE OF FEAR IN THE AMBROSE BIERCE'S SHORT STORIES

E. Mikhaleva*Moscow Region State University
10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the study of the color usage in creating of the image of fear in Ambrose Bierce's short stories. Through the use of individual writing color symbols, the prevailing atmosphere of Bierce's short-stories is reflected. Particular attention is paid to establishment and systematization of color images-details, which dominate in the writer's short stories. We study the role of color use in the Bierce's short stories. The study of the combination and dominance of color images, the frequency of their use by the author contributes to a complete understanding of the features of Bierce's work and his worldview. The conclusions are drawn about psychological mastery of Ambrose Bierce.

Key words: individual writer's color symbols, the color use, short story, literary detail, color image, the color words, coloring.

Страх – чувство, вызываемое грозящей опасностью и бессилием перед ней, – одно из самых сильных, подчас парадоксальных эмоциональных состояний человека. Не удивительно, что образ страха, наряду с любовным томлением, нашёл

выражение практически во всех фольклорных и литературных жанрах.

Особенно ярко образ страха проявился в произведениях американской литературы рубежа XIX–XX вв. (например, в творчестве Чарльза Брокдена Брауна, Вашингтона Ирвинга, Натаниэля Готорна, Эдгара Аллана По, Амброза Гвиннета Бирса, Генри Джеймса, Стивена Крейна). Я.Н. Засурский называет этот период американской литературы конца XIX в. «постромантизмом» [9, с. 8], когда на одной литературной арене находились во взаимосвязи и взаимовлиянии романтическое и реалистическое направления: несмотря на то что «... наступила новая литературная эпоха, связанная с развитием в первую очередь реалистического направления ... продолжалось и творчество писателей-романтиков» [9, с. 7–8]. Для произведений романтизма характерно обращение ко всему таинственному, чудесному, находящемуся в противоречии с обыденной реальной действительностью; писатели обращаются в своих произведениях к изображению переживаний человека и особенностей психических проявлений. Показательно в связи с этим обращение к творческому наследию Амброза Гвиннета Бирса, в рассказах которого образ страха занимает доминантную позицию. Интерес Амброза Бирса, как можно отметить исходя из анализа рассказов писателя, смещён к описанию психического состояния человека, в частности, испытываемого им чувства страха в выходящей за границы обыденной жизни ситуации.

Самыми различными приёмами авторы передавали состояние страха: описанием звуковых и цветовых ассоциаций, интерьера, душевных пере-

живаний, предчувствия, ощущения катастрофы. В литературных произведениях цвет выступает ключевым элементом в создании художественной действительности, автор посредством цветовых образов конструирует «ощутимую зрительную цветовую картину мира» [8, с. 114]. И.Б. Бахилина определяет цветопись в художественных произведениях как «употребление цветообозначений для создания художественного образа» [3, с. 104]. Цветовые образы всегда значимы в мире художественного произведения, так как цвет в литературном тексте «непременно должен получить своё вербальное выражение, должен быть назван ... поэтому, не будучи обязательным и будучи всегда выбором, вводимое в текст литературного произведения цветообозначение всегда значимо» [13, с. 323].

Обращение Бирса к цветовым образам играет важную роль в воплощении образа страха в рассказах писателя, что, в свою очередь, помогает глубже раскрыть душевные состояния героев. Бирс наследует в своих произведениях традиции готической литературы, писателей романтиков, в частности Эдгара По, в творчестве которых цвет играл важную роль. У Амброза Бирса цвет приобретает субъективную смысловую наполненность («цветовые ощущения возникают в мозгу, а не в окружающем нас мире» [6]). Поэтому правомерно утверждать, что цветопись Бирса является одним из узнаваемых элементов авторского стиля, «с помощью которого выражается идейное и связанное с ним эмоциональное содержание» [3, с. 110] произведения.

Цвет может быть носителем принятого в определённой культурной тра-

диции архетипического значения или контекстуального значения, которое «он получает внутри конкретной художественной системы или конкретного единичного произведения» [13, с. 323]. В рассказах Бирса легко выделяются цветовые маркеры обеих категорий. Как правило, цвет у Бирса – это сигнал, актуализирующий определённые культурные, национальные или конкретно литературные ассоциации читателя.

Наиболее частотными цветообозначениями в рассказах Бирса являются белый, чёрный, красный и зелёный. Не случаен акцент писателя на столь «древних» цветах. Они были освоены культурой с ранних времён, когда символика цвета переплеталась с верой в сакральное: «... с момента своего возникновения цветовой символизм самым тесным образом был связан с магией и религией. Цвет рассматривался как атрибут магических, сакральных, божественных сил» [2].

Белый цвет ещё со времён античности символизировал чистоту, отрешённость от мирской, «цветной» жизни. Ему свойственна устремлённость к духовной непорочности. Белый цвет в восприятии многих народов несёт положительную коннотацию, связанную с благом, добром, развитием, началом созидания, светом, ясностью, открытостью. Белый – символ бытия, мира, жизни. В христианстве белый цвет – свет, день, когда человек активен и деятелен, воспринимает окружающее ясно и отчётливо. В рассказах Бирса белый – цвет облачения женщин, предостерегающих героя от трагического выбора, вызывающих в герое осознание ужаса содеянного, подталкивающих к раскаянию. Но Бирс, как

и многие его предшественники, «корректировал» значение белого цвета, иногда менял его семантику на прямо противоположную в зависимости от контекста. Как и в рассказах Эдгара По, белый цвет у Бирса зачастую связан с темой смерти. Так, в рассказе По «Падение дома Ашеров» (*The Fall of the House of Usher*, 1839) леди Мэди-лейн одета в белый саван, на котором виднелись пятна крови. Герой рассказа Бирса «Смерть Хэлпина Фрейзера» (*The Death Of Halpin Frayser*, 1891) видит «перед собой белое лицо и безжизненные глаза матери, неподвижно стоящей в могильном облачении!» [5, с. 225]; ужас охватывает его, вытесняя все прочие страхи. В рассказе «Дорога в лунном свете» (*The Moonlit Road*, 1907) Каспару Грэттену видится убитая им жена в сиянии белых одежд, со следами удушения – видение жуткого призрака пробуждает в герое ужас, сковывающий его.

Цветовые образы-детали, встречающиеся в рассказах Бирса (о войне, в гражданских рассказах), используются в портретных характеристиках героев, испытывающих страх, и при создании хронотопа. Основное внимание автора нацелено на создание «портрета страха», автор может фокусировать своё внимание на изображении героя, испытывающего острое чувство ужаса в определённый момент времени, или же на процессе переживания страха.

В первом случае портрет статичен, так как внимание автора фиксируется на испуге как мгновенной эмоции. Эпитет *бледный*, например, маркирует переживание эмоции страха. Так же, как и в рассказах Эдгара По, бледность в произведениях Бирса является неотъемлемой составляющей портретных

характеристик женских персонажей. Во многих психологических рассказах По появляется излюбленный персонаж писателя – юная, умирающая, бледная красавица. Например, божественная белизна, бледность, не уступающая «чистейшей слоновой кости» [11, т. 1, с. 58], подчёркнута Эдгаром По в образе Лигеи («Лигея» *Ligeia*, 1838). В портретах женских персонажей рассказов Бирса «Беспроволочная связь» (*A Wireless Message*, 1905) и «Смерть Хэлпина Фрейзера» внимание читателя также сфокусировано на бледности героинь, пробуждающих чувство страха в героях. Герой рассказа «Смерть Хэлпина Фрейзера» видит перед собой белое лицо матери и её безжизненные глаза, что ещё больше усиливает его ужас перед явившимся ему призраком.

Во втором случае акцент в изображении «портрета страха» смещается на процесс, на этапы развития эмоции, изменения состояния героя. Бледность как изменение цвета, придание ему светлого оттенка символизирует испуг, болезнь, внезапный страх, смерть. Цвет лица героев меняется: они бледнеют в ключевой момент действия, когда испытывают чувство ужаса. Так, в рассказе «Долина приведений» (*The Haunted Valley*, 1871) лицо Виски, охваченного ужасом, «стало белым как бумага» [5, с. 308] («... was whiter than the ace of lilies»). Мисс Маргован в рассказе «Один из близнецов» (*One Of Twins*, 1888) бледнеет, когда узнаёт, что брат жениха узнал её страшную тайну: «Белая как полотно женщина сохранила спокойствие» [5, с. 313] («*She was now pale, but entirely calm*»).

Чёрный цвет, в противоположность белому, знаменует завершение действия. Это цвет финала, цвет смерти.

Традиционное значение чёрного цвета – нечто негативное, дурное; страдание, болезнь, ночь, тьма, смерть, небытие, хаос [2]. Злые силы, враждебные человеку, в представлениях древних имели чёрный цвет. Чёрный – это отсутствие света, ночь, когда активность человека снижена, и он не может хорошо ориентироваться в окружающем. Чёрный – отсутствие сознания, сон как метафора смерти. В рассказах Бирса чернота ночи становится причиной ужаса в рассказе-притче «Пастух Гаита» (*Haita The Shepherd*, 1891): «... ночная тьма стала источником неисчислимых страхов» [5, с. 181]. Тьма порождает ужас в душе героя-рассказчика в «Тайне ущелья Макаргера»; чёрная, слившаяся с темнотой ночи пантера становится причиной удушения ребёнка матерью в рассказе «Глаза пантеры» (*The Eyes of the Panther*, 1897). В рассказах «Страж мертвеца» (*A Watcher by the Dead*, 1889), «Тайна ущелья Макаргера» (*The Secret Of Macarger's Gulch*, 1891), «Глаза пантеры» (*The Eyes of the Panther*, 1897), «Неизвестный» (*The Stranger*, 1909), «Смерть Альпина Фрейзера» (*The Death Of Halpin Frayser*, 1891), «Безрезультатное задание» (*A Fruitless Assignment*, 1888), «Свидетель повешенья» (*Present at a Hanging*, 1888), «Беспроволочная связь» (*A Wireless Message*, 1905), «Арест» (*An Arrest*, 1905) и других события, являющиеся кульминацией в развитии сюжетного действия, происходят «чёрной» ночью, в сумерках, в кромешной темноте, во мраке замкнутого помещения.

Бирс помещает своих героев в ситуацию, когда они не в силах адекватно оценить уровень грозящей опасности. Страх стимулируется в них осознанием собственной беззащитности перед

неведомой и враждебной стороной жизни, порождающей в воображении чудовищ. Например, герой рассказа «Тайна ущелья Макаргера» говорит о том, что непроглядная тьма побуждала в нём беспокойство, и «воображение заполняло окрестности дома враждебными существами из реального и потустороннего миров» [5, с. 187]. Темнота ночи вызывает в герое сначала тревогу, а затем inferнальный ужас: «*Outside these apertures all was black, and I was unable to repress a certain feeling of apprehension as my fancy pictured the outer world and filled it with unfriendly entities, natural and supernatural...*» [4, с. 245].

Огромную роль в реализации образа страха в рассказах писателя играет хронотоп темноты, это, прежде всего, сумерки, крошечная тьма, ночь. В рассказе «Арест» ночь характеризуется автором как «тёмная, безлунная и беззвёздная» [5, с. 332]. Мрак, темнота ночи, чёрный цвет окружающего усиливают страхи героев. Темнота враждебна людям, так как человеческий глаз плохо приспособлен различать предметы в темноте. Темнота скрадывает свет и цвет, необходимые человеку для выстраивания зрительной картины мира. И.В. Гёте, интересовавшийся цветовыми явлениями, в трактате «Учение о цвете» (*Zur Farbenlehre*) утверждал, что «... вся природа открывается чувству зрения посредством цвета, ... а только свет, темнота и цвет вместе являются тем, чем отличается для глаза предмет от предмета и части предмета друг от друга» [7, с. 21]. В литературных произведениях мир воспринимается как видимый, безотносительно к наличию или отсутствию упоминаний о свете. Не

случайно источниками света в рассказах Бирса являются, как правило, луна, свечи, костёр, вызывающие световой контраст: предметы «обволакиваются» чёрным цветом или «выхватываются» яркой белой вспышкой на фоне черноты мрака.

В рассказах Бирса часто используется приём противопоставления тёмных и светлых цветов, света и тени. Репрезентативен в этом плане образ тумана, выступающий в роли особого рода катализатора, усиливающего в героях рассказов страх перед неизвестным – туман как бы погружает их в недра своего бессознательного «Я». Беловатый туман, появляющийся тёмной ночью, обуславливает смятение, страх героев перед неизвестным в рассказах «Царство иллюзии» (*The Realm Of The Unreal*, 1890) и «Свидетель повешенья» (*Present at a Hanging*, 1888). Туман частично «отключает» реальное изображение, он служит индивидуально-авторским образом, связывающим реальность и воображение героя, порождая ложное восприятие действительности. Так, в рассказе «Проклятая тварь» (*The Damned Thing*, 1893) мрак и огонь свечи, наряду с воем койота, криками птиц и таинственным хором звуков используются как фон для описания мертвеца со следами запёкшейся крови, павшего в неравной схватке с неведомым, зловещим существом из потустороннего мира. Его не дано увидеть человеку, как заключает герой, т. к. «человеческий глаз – несовершенный инструмент: он ухватывает лишь несколько октав существующей “хроматической гаммы” ... существуют цвета, которых мы не видим. ... Проклятая тварь именно такого цвета!» [5, с. 281]. Её цвет принадлежит, по убеж-

дению Хью Моргана (который пытается найти научное объяснение этому выходящему из обыденного порядка случаю), к активным лучам солнечного спектра, входящим в состав белого цвета, что соответствует традиции американских романтиков изображать белый цвет, пробуждающий inferнальный ужас (Герман Мелвилл «Моби Дик, или Белый кит» (*Moby-Dick, or The Whale*, 1851), Эдгар По «Чёрный кот» (*The Black Cat*, 1843) и др.). Герой рассказа становится жертвой этого неведомого существа, так и не найдя объяснения его существованию.

Архетипическое значение красного цвета, связанного с кровью, может символизировать и доброе, и злое начало. Но, независимо от своей валентности, все красные вещи обладают силой, так как кровь – сила жизни, без неё человек умирает. По Ж. Агостону, красный цвет аккумулирует в себе не только традиционную символичность, но и универсальную роль передачи психоэмоционального состояния [1, с. 26] (не случаен красный цвет древнегреческой трагической театральной маски, обозначающей гнев персонажа). Красный цвет, несущий значимую смысловую наполненность в военных рассказах Бирса, как справедливо утверждает И.Е. Лунина, выступает в качестве символа трагического, ужасного, необычного [10, с. 67]. В анализируемых группах рассказов «мира ужасов» (*horror stories*) и «городских легенд» (*tall tales*) Бирса использование красного цвета предвосхищает смерть. Например, в рассказе «Беспроволочная связь» Уильям Холт, богатый фабрикант, покинувший дом и разошедшийся с женой, гуляя однажды вечером, оказался внезапно в безлюдном

месте и увидел, что «повсюду разливалось мягкое красноватое свечение» («*a soft, red glow*» [5, с. 311]). Герой поворачивается, но тень перемещается вместе с ним, свет упорно идёт из-за спины, «ровный зловещий багрянец» [5, с. 320] («*a still and awful red*» [4, с. 312]), пугает героя. Посредством контраста Бирс передаёт тревожное предчувствие героя: яркое освещение неожиданно сменяется кромешным мраком, посреди которого белеет фигура жены с ребёнком на руках в «потустороннем освещении». Предчувствие не обмануло героя: его жена с ребёнком погибли в пожаре в то самое время, когда Холту это привиделось. Красный и белый цвета, контраст между мраком и белой фигурой играют в этом рассказе знаковую роль в воплощении образа страха. Посредством использования цветовых и световых образов-деталей автором представлены этапы нарастающего чувства ужаса в душе героя: сначала он испытал недоумение, вызванное невозможностью определить источник красноватого свечения; потом был ошеломлён «ровным, зловещим багрянцем», исходящим из-за спины; затем охвачен страхом, вызванным ослепительным сиянием; и, наконец, погружён в кромешную тьму, обусловившую восприятие окружающей действительности и героем, и читателем, соответственно.

В рассказах Бирса внешние цветовые детали всегда определяют психологическое состояние человека. Так, герой рассказа «Смерть Хэлпина Фрейзера», засыпая в лесу, видит сон, где в таинственном свете ничто не отбрасывало тени, а лужица «блеснула алым» [5, с. 223] («*A shallow pool in the guttered depression of an old wheel rut,*

as from a recent rain, met his eye with a crimson gleam.»[4, с. 221]). Он понимает, что это кровь. Страх Хэлпина Фрейзера, видящего, что всё кругом было испещрено кровавыми подтёками, градируется цветом крови. – «He stooped and plunged his hand into it. It stained his fingers; it was blood! Blood, he then observed, was about him everywhere ... Patches of dry dust between the wheel-ways were pitted and spattered as with a red rain. Defiling the trunks of the trees were broad maculations of crimson, and blood dripped like dew from their foliage» [4, с. 221]. «Красный цвет крови» порождает в герое муки совести, ужас охватывает всё его существо, подобно тому как всё кругом пронизано таинственным красным светом, несущим в себе роковую угрозу и предвосхищающим трагические события. В создании атмосферы страха играют важную роль и другие детали: бумажник Фрейзера сделан из красной кожи, и пишет он своей кровью («Taking from his clothing a small red-leather pocket-book one half of which was leaved for memoranda, he discovered that he was without a pencil. He broke a twig from a bush, dipped it into a pool of blood and wrote rapidly») [4, с. 222–223].

Для достижения максимального психологического эффекта Бирс может инверсировать традиционные значения цветов. Традиционное значение зелёного цвета ассоциируется с надеждой, природным началом и перерождением. В рассказах Бирса преобладает контекстуальное значение зелёной гаммы, связанное с inferнальным, ирреальным началом. Зелёный цвет, будучи соотнесён с запредельной сферой, сферой небытия, становится важным образом, связанным с темой смерти.

В рассказе «Дом с приведениями» (*The Spook House*, 1889) полковник Дж.С. Макардль и судья Майрон Вей решают зайти, дабы переждать непогоду, в дом, где, по уверениям местных жителей, поселились привидения. Оказавшись в темноте и полной тишине, они решают выйти. Однако, повернув ручку двери, один из героев попадает в другую комнату, которая «была залита идущим неизвестно откуда зеленоватым светом» [5, с. 351]. Зеленоватое свечение подстёгивает ужас героя-рассказчика, которому открылось чудовищное зрелище: мёртвые тела, заполняющие помещение.

В «Ночных событиях в ущелье Мертвеца» (*The Night Doings At 'Deadman's'*, 1874) присутствуют такие цветовые образы-детали, как зелёные очки и зеленоватые кожаные ботинки незнакомца, понимаемого как антропоморфный образ смерти. Незнакомец, зашедший переночевать в хижину золотоискателя Хайрама Бисона, вызывает у него желание быть искренним: страх за содеянное ранее преступление мотивирует его на своеобразную исповедь. Спустя некоторое время Бисона настигает расплата за сокрытое убийство – группа золотоискателей находит его труп с пулей в сердце.

В рассказе «Человек и змея» (*The Man and the Snake*, 1890) две светящиеся зеленоватым огнём точки («was two small points of light», «shining with a greenish lustre» [4, с. 208]) представляются Харкеру Брайтону глазами змеи, пробуждающими в нём запредельный ужас, который оказывается причиной его смерти. Колористика Бирса всегда находится в неразрывной связи со сменой повествовательной стратегии,

смещениями точек зрения в повествовании. Цвет может быть передан через видение героя-рассказчика или же введён посредством авторского повествования. У Харкера Брайтона чувство ужаса вызывают горящие зелёными огнями глаза выдуманной им живой змеи, которые оказываются лишь двумя пуговицами, глазами змеиног чучела. Особое восприятие зелёного цвета существует в сознании героя, моделируя чувство страха, превращается в образ ужаса, патологической боязни опасности и, как следствие, – смерти. Внимание героя акцентируется на детали «зелёные глаза» не сразу, лишь при повторном обращении к пугающему объекту. Зелёный цвет связывается с глазами змеи и олицетворяет опасность, которая тянет за собой цепочку образов из воспоминаний героя: изучение хозяином дома рептилий, наличие змеевника в доме, вызывает звуковые ассоциации («глухо бил большой барабан»), галлюцинации (герой воображает себя на берегу Нила). Цвет «нивелируется» волей автора, который «позволяет» читателю понять реальную картину происходящего лишь после того, как страх убивает героя.

Цвет производит на человека особое впечатление, «является фактором нашего субъективно-психологического восприятия этого мира» [12, с. 51]. Цветопись отражает авторское отношение, т. к. «цвет может быть использован в определённых чувственных, нравственных и эстетических целях» [7, с. 397], для художника значимо эстетическое воздействие цветов

на читателя, даже если он не использует цветообозначения с определённой целью, а делает это по велению музы в порыве вдохновения.

В рассказах Амброза Бирса цвет является действенной и важной деталью при создании образа страха. Страх как психологическое состояние выражается рядом колористических образов, которые порой перерастают в образы-символы или являются значимыми художественными деталями. Символика спектра цветов в рассказах Бирса проявляется и в связи с общепринятым восприятием, и в связи с контекстуальными значениями, где автор может скорректировать традиционное понимание того или иного цвета. Цвет в рассказах американского писателя выступает своего рода знаком, сигналом для читателя, предвосхищающим дальнейшие сюжетные ходы и создающим страшную атмосферу рассказов. Логика развития цветового спектра способна породить бесконечный ряд ассоциаций, выходящий далеко за рамки конкретного рассказа Бирса, а универсальная цветовая символика – соотнести реферативный страх с реальным ужасом грозящих человечеству катастроф. Развивая богатые литературные традиции своих предшественников, Амброс Бирс, согласно своей индивидуальной писательской манере, использует цветовые оттенки для организации хронотопа, создания психологического портрета персонажа, что свидетельствует о психологическом мастерстве американского писателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агостон Ж. Теория цвета и её применение в искусстве и дизайне. М.: Мир, 1982. 182 с.
2. Базыма Б.А. Цвет и психика [Электронный ресурс]: монография. Харьков, 2001. URL: <http://psyfactor.org/lib/colorpsy.htm> (дата обращения: 23.06.2017).
3. Бахилина И.Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. 224 с.
4. Бирс А. Избранное / сост. и предисл. А.М. Зверева. М.: Прогресс, 1982. 535 с.
5. Бирс А. Собрание рассказов. М.: АСТ, 2014. 606 с.
6. Вежибicka А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // Язык. Культура. Познание. М.: Просвещение, 1996. С. 231–291. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/wierzbicka-96b.htm> (дата обращения: 27.07.2017).
7. Гёте И.В. К учению о цвете // Месяц С.В. Иоганн Вольфганг Гёте и его учение о цвете (Часть первая). М.: Кругъ, 2012. 464 с.
8. Загладько Л.А. Особенности семантики цветообозначений в структуре художественного текста (на материале произведения Э.М. Ремарка «Три товарища») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2010. № 6. С. 114–118.
9. Засурский Я.Н. Введение // История литературы США. Т. IV. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 991 с. С. 5–10.
10. Лунина И.Е. Традиции Э. По в творчестве А. Бирса // Проблемы истории литературы: Сборник статей. М.: МГОПУ, 1999. С. 56–69.
11. По Э.А. Собрание сочинений: в 4 т. М.: ТЕРРА, Книжный клуб, 2009.
12. Рац А.П. Основы цветоведения и колористики. Цвет в живописи, архитектуре и дизайне. М.: МГСУ, 2014. 128 с.
13. Фарино Е. Введение в литературоведение. СПб.: Издательство РГПУ имени А.И. Герцена, 2004. 639 с.

REFERENCES

1. Agoston Zh. *Teoriya tsveta i ee primeneniye v iskusstve i dizaine* [Color theory and its application in art and design]. Moscow, Mir Publ., 1982. 182 p.
2. Bazyma B.A. *Tsvet i psikhika* [Color and psyche]. Available at: <http://psyfactor.org/lib/colorpsy.htm> (accessed: 23.06.2017).
3. Bakhilina I.B. *Istoriya tsvetooboznachenii v russkom yazyke* [The history of color terms in the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 224 p.
4. Bierce A. *Izbrannoe* [Favorites]. Moscow, Progress Publ., 1982. 535 p.
5. Bierce A. *Sobranie rasskazov* [Collection of stories]. Moscow, AST Publ., 2014. 606 p.
6. Vezhbicka A. [Indicate the colors and universals of visual perception]. In: *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Knowledge]. Moscow, 1996. pp. 231–291. Available at: <http://www.philology.ru/linguistics1/wierzbicka-96b.htm> (accessed: 27.07.2017).
7. Gete I.V. [The theory of color]. In: *Mesyats S.V. Iogann Vol'fgang Gete i ego ucheniye o tsvete (Chast' pervaya)* [Mesyats S. Johann Wolfgang von Goethe and his theory of color (Part 1)]. Moscow, Krug Publ., 2012. 464 p.
8. Zaglad'ko L.A. [Features of the semantics of the color names in the structure of the fiction text (on the material of works by E.M. Remarque “Three comrades”)] In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2010, no. 6, pp. 114–118.
9. Zasurskii Ya.N. [Introduction]. In: *Istoriya literatury SShA. T. IV* [History of literature of the United States. Vol. IV]. Moscow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science, 2003, pp. 5–10

10. Lunina I.E. [Traditions of E. Poe in the work of A. Bierce]. In: *Problemy istorii literatury* [Problems of history of literature]. Moscow, Moscow State Open Pedagogical University, 1999, pp. 56–69.
11. Poe E.A. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Moscow, TERRA, Knizhnyi klub Publ., 2009.
12. Rats A.P. *Osnovy tsvetovedeniya i koloristiki. Tsvet v zhivopisi, arkhitekture i dizaine* [The basics of color and of coloring. Color in art, architecture and design]. Moscow, MGSU Publ., 2014. 128 p.
13. Farino E. *Vvedenie v literaturovedenie* [Introduction to literary studies]. St. Petersburg, Publishing house of Herzen State Pedagogical University of Russia, 2004. 639 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Михалева Елизавета Сергеевна – аспирант кафедры истории зарубежных литератур Московского государственного областного университета, младший научный сотрудник Отдела планирования и учёта научно-исследовательской деятельности Управления развития науки МГОУ;
e-mail: vivavetta@yandex.ru, vivatvetta@gmail.com.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elizaveta S. Mikhaleva – postgraduate student of the Department of History of Foreign Literature, Junior Researcher of The Division of Planning and Accounting of Research Activities of Science Development Office, Moscow Region State University
e-mail: vivavetta@yandex.ru, vivatvetta@gmail.com.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Михалева Е.С. Цвет как ключевой элемент, участвующий в создании образа страха в рассказах Амброза Бирса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 1. С. 84-93
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-84-93

FOR CITATION

Mikhaleva E.S. Color as a key element in creating image of fear in the Ambrose Bierce's short stories. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 1, pp. 84-93
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-84-93

УДК 82.091

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-94-102

ПРИРОДНЫЕ ЛАНДШАФТЫ В ПОЭЗИИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

Щербаков С.А.

*Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана
(Мытищинский филиал)
141005, г. Мытищи, Московская область, ул. 1-я Институтская, д. 1,
Российская Федерация*

Аннотация. В статье анализируются образы различных природных ландшафтов в поэзии Николая Рубцова, среди которых преобладают образы поля и луга, ассоциирующиеся с образом малой родины поэта и ставшие стержнем его художественного мироздания. Используются герменевтический, биографический и локально-исторический методы литературоведческого анализа. Концепция статьи опирается на есенинские принципы «климатического стиля». В результате исследования сделаны выводы о приверженности Рубцова есенинской традиции и о том, что природные ландшафты в его творчестве являются не только лирическим пространством, но и хранилищем национальной памяти.

Ключевые слова: Николай Рубцов, природные ландшафты, малая родина, лирическое пространство, мотив, образ.

NATURAL LANDSCAPES IN THE POETRY BY NIKOLAY RUBTSOV

S. Shcherbakov

*Bauman Moscow State Technical University
(Mytishchi Branch)
1st Institutsкая st., Mytishchi, Moscow region, 141005, Russian Federation*

Abstract. The article deals with the analysis of the images of various natural landscapes in the poetry by Nikolay Rubtsov, among which the field and the meadow, that are associated with the image of the small homeland of the poet, prevail and have become the main core of his artistic universe. The article uses hermeneutic, biographical and local historical methods of literary analysis. The concept of the article is based on Yesenin's principles "climate-style". As the results of the study, the conclusions are made about Rubtsov's commitment to Yesenin tradition and that images of natural landscapes in his works are not only lyrical space, but also a repository of the national memory.

Key words: Nikolay Rubtsov, natural landscapes, small homeland, lyric space, motif, image.

Проблема литературоведческого осмысления творческого наследия Николая Михайловича Рубцова, несмотря на большое количество трудов, посвящённых его поэзии, продолжает оставаться весьма актуальной. В общественном сознании Рубцов воспринимается как поэт национальный, и поэтому часто диссер-

тационные работы, касающиеся его творчества, проходят по категории педагогических, а не филологических наук. К публицистической полемике относятся и многие критико-биографические статьи, посвящённые творчеству, жизни и трагической смерти поэта.

Среди собственно литературоведческих работ особо значима книга В.В. Кожина «Николай Рубцов. Заметки о жизни и творчестве поэта», задавшая верный тон в дальнейшем изучении наследия поэта. Родная природа, русский народ и российская история в ней рассматриваются как основополагающие понятия, определяющие «сквозной смысл» [4, с. 29] его лирики. Важные наблюдения над образами природы в стихотворениях Рубцова содержатся в работах Н.М. Коняева [5], А.П. Ланщикова [7], В.А. Оботурова [9], С.Ф. Педенко [10].

Целью данного исследования явилось изучение художественных образов различных природных ландшафтов, на фоне которых обычно происходят лирические события в произведениях поэта. Основной задачей стал анализ художественного пространства его лирики в ракурсе эволюции выше обозначенных образов. В процессе решения поставленной задачи применялись герменевтический, биографический и «локально-исторический» методы литературоведческого анализа.

Последний из них, разработанный Н.П. Анциферовым, сравнительно нов и позволяет рассматривать всякое художественное произведение как «динамическое взаимодействие творческих волей двух великих «художников» – материальной природы мира и его чело-

веческой духовно-психологической ипостаси» [8, с. 183]. Созданный в процессе исследования урбанистических пейзажей Петербурга применительно к творчеству Ф.М. Достоевского, данный метод, на наш взгляд, может быть с успехом применён и к творчеству далёких от городской цивилизации художников слова, поскольку содержит в своей основе принцип «сердечного краеведения», то есть познания родной земли через любовь к ней.

Концепция исследования опирается на обоснованную Сергеем Есениным в статье «Быт и искусство» теорию «климатического стиля». Являясь сторонником «органического», то есть естественного, согласующегося с объективной реальностью образа, он в данной статье полемизировал с «собратьями»-имажинистами, проповедовавшими победу образа над смыслом. Используя в качестве главного аргумента обращение к вековому опыту северного земледельца: «Сажая под окошком ветлу или рябину, крестьянин, например, уже делает чёткий и строгий рисунок своего быта со всеми его зависимостями от “климатического стиля”...» [1, с. 219], поэт затем переносит законы, «непреложные» в крестьянском быту, на почву искусства. Показательно, что основной причиной нежелания остальных имажинистов соблюдать в своём творчестве законы «климатического стиля» Есенин полагал отсутствие у них «чувства «родины»: «У собратьев моих нет чувства родины во всём широком смысле этого слова, поэтому у них так и не согласовано всё» [1, с. 220].

Конечно, теория «климатического стиля» применима не только к имажинизму, но и к искусству в целом. При

этом, как всякая теория, касающаяся художественного творчества, она не может быть исчерпывающей. Например, в новокрестьянском направлении русской поэзии, к которому Есенин также принадлежит, творчество Сергея Клычкова вписывается в её принципы, а творчество Николая Клюева – нет.

Кроме того, исходя из логики связи «климатический стиль» – «чувство родины», представляется возможным трактовать есенинские принципы «климатического стиля» более широко в литературоведческом плане, понимая под ними помимо стремления к «органическому» образу ещё и обусловленность образной системы всякого близкого к природе поэта, в нашем случае Николая Рубцова, растительным миром его малой родины.

В одном из своих «программных» стихотворений «О чём писать?» Рубцов так выразил основные мотивы собственной лирики: «*Ты тему моря взял / И тему поля...*» [11, с. 284]. Сквозным мотивом его раннего творчества была морская романтика, а затем в стихах начинает преобладать именно тема поля (или луга) с растущими там травами и цветами, которую расширительно следует рассматривать как тему малой родины. Подтверждение этому содержится в одной из автобиографических заметок поэта: «Особенно люблю темы родины и скитаний...» [12, с. 289].

На то, что любовь к малой родине и «жгучая, кровная связь с природой...» [10, с. 6–7] были главным содержанием поэзии Рубцова, указывали многие исследователи его творчества. В первый раз Рубцов «изменяет» морской романтике в стихотворении «О природе», в котором уже не море, а деревья

и цветы становятся предметами любви лирического героя. Кроме того, в нём обозначены «экологические» приоритеты поэта, он явно разделяет мысли Николая Клюева о том, что природа выше цивилизации:

*«Если б деревья и ветер,
который шумит в деревьях,
Если б цветы и месяц,
который светит цветам, –
Всё вдруг ушло из жизни,
остались бы только люди,
Я и при коммунизме
не согласился б жить!»*

[11, с. 340].

Тем не менее, образы деревьев и особенно образ леса как их совокупности возникают в его стихотворениях уже на более поздних этапах творчества. Можно предположить, что причина этого заключается в трагических событиях, связанных со смертью матери: «Потрясённый смертью матери, шестилетний Коля летом 1942 года убежал в лес и пропадал там неделю» [3, с. 559]. Возможно, такое сильное душевное потрясение, усугублённое страхом и одиночеством, оставило в душе ребёнка незаживающую рану. До конца дней основным тоном его лирики будет состояние не личного даже, а какого-то вселенского сиротства.

В раннем стихотворении «Разбойник Ляля» с подзаголовком «Лесная сказка» поэт противопоставляет друг другу образы леса и моря, причём противопоставление это не в пользу леса. В ответ на упрёки возлюбленной, которая боится жить в мрачном «лесу разбойном», главный герой живописует ей их счастливое будущее: «*Дом построим с окнами на море, / Где легко посвистывают бризы, / И, склонясь в дремотном разговоре, / Осеняют море*

кипарисы» [11, с. 444]. Море, кстати сказать, здесь описано явно не Белое, на котором служил и работал матросом сам поэт, а, скорее всего, Чёрное, в глазах разбойника Ляли более подходящее для счастливой семейной жизни. Конечно, есть в этой сказке и отголоски мечтаний самого автора. Недаром свою «Элегию», написанную годы спустя, он завершает не без грустной самоиронии: *«Если только буду знаменит, / То поеду в Ялту отдыхать...»* [11, с. 140].

М. Корякина в воспоминаниях о Рубцове приводит его высказывание, «что все поэты, знают они это или не знают, хотят того или не хотят, – пророки» [6, с. 236]. В раннем стихотворении «Два пути», ещё несовершенно по форме, но именно «пророческом», он как бы предсказывает свой творческий путь. В зачатке стихотворения образ леса предстаёт враждебным человеку: *«От лесов угрюмых падал мрак...»* [11, с. 288]. Затем на фоне лесов обозначаются «два пути»: широкий тракт, заполненный людьми, и «узкая тропа», уводящая в лес. Она страшит лирического героя одиночеством, но при этом влечёт его. В финале стихотворения лирический герой укрепляется в своей решимости идти собственным путём: *«Кто же знает, / может быть, навеки / Людный тракт окутается мглой, / Как туман окутывает реки... / Я уйду тропой»* [11, с. 288].

Но «лесные тропы» поэта были ещё впереди, а в годы молодости его манила морская стихия. Из биографии Рубцова следует, что в 1950 г. он не смог поступить из-за отсутствия паспорта в Рижское мореходное училище и два года проучился в Тотемском лесотехническом техникуме. Однако

связанная с лесом профессия его не привлекала, и он, не доучившись, подался в Архангельск, где начал морскую карьеру подручным кочегара на тральщике. Любопытно, что первыми представителями флоры в его стихах стали теплолюбивые розы и кипарисы (*«Волнуется южное море...»*), а не привычные для русского севера растения. И уже через годы, отслужив срочную службу на флоте, он, посетив родные края, по-прежнему ощущает природу северной Руси как угрюмую и даже враждебную человеку, несмотря на то что внешне жизнь здесь изменилась: *«Теперь в полях везде машины, / И не видать худых кобыл, / И только вечный дух крушины / Всё так же горек и уныл»* [11, с. 34].

Тем не менее, долгая морская служба (а длилась она тогда четыре года) способствовала пробуждению ностальгических чувств молодого поэта. В стихотворении «Встреча» сердце лирического героя радуется *«покою родимых мест»* [11, с. 331]. Расширяется тема любви к далёкой теперь родине в стихотворении «Грусть», северная природа здесь предстаёт уже не угрюмой, а совсем наоборот: *«Любимый край мой, нежный и весёлый. / Мне не забыть у дальних берегов / Среди полей задумчивые сёла, / Костры в лугах и песни пастухов...»* [11, с. 336]. На первый взгляд может показаться, что, вспоминая «любимый край» как край полей и лугов, Рубцов нарушает провозглашённые Есениным законы «климатического стиля», ведь основную часть территории Вологодской области занимают леса. Однако и на лесистых территориях сёла окружены окультуренным пространством, поля и луга вокруг них испокон веков

формировались в процессе корчевания леса. Образ обильно политой потом многих поколений русских людей, обжитой и воспетой ими земли, где «...каждый славен – мёртвый и живой!» [11, с. 87], вообще является определяющим элементом пейзажа в лирике Рубцова.

Открытые ландшафты с травянистой растительностью особо любимы Рубцовым, может быть, по ассоциации с морскими просторами. В стихотворении «Зелёные цветы» он по очереди создаёт образы сразу трёх таких ландшафтов: луга, поля и степи. Начинается оно с идиллического пейзажа цветущего луга: *«Светлеет грусть, когда цветут цветы, / Когда брожу я многоцветным лугом...»*. Затем настаёт черёд философических размышлений о целительной силе полей: *«Одно осталось ясно – / Что мир устроен грозно и прекрасно, / Что легче там, где поле и цветы»*. В заключение этого шедевра философской лирики следует вывод о непреложности законов «климатического стиля» как в природе, так и в искусстве. Фантазии художника о белых листьях и зелёных цветах оказываются лишь курьёзными мечтаниями на фоне реальной степи: *«...никогда, бродя цветущей степью, / Меж белых листьев и на белых стеблях / Мне не найти зелёные цветы...»* [11, с. 163].

Мотив леса как вместилища красоты и хранителя душевного покоя, а не пристанища разбойного люда, впервые появляется в стихотворении «Сапоги мои – скрип да скрип ...». Затем этот мотив становится «сквозным», звуча в целом ряде стихотворений. В одном из них («Доволен я буквально всем!...») поэт, следуя в русле есенинской традиции перевоплощения лири-

ческого героя в своего растительного двойника, отождествляет себя с вещными атрибутами леса: *«Сказать: – Я был в лесу листом! Сказать: – Я был в лесу дождём! Поверьте мне: я чист душою...»* [11, с. 197]. Просматривается здесь и аллюзивная связь с романтической традицией в русской литературе. Лермонтовский образ оторвавшегося «от ветки дубовой» листа, ассоциирующийся с одиноким странником, утратившим связь с социумом, у Рубцова предстаёт в совершенно другом свете: причастность к родному неустраима и в будущей жизни помогает хранить душу в чистоте.

Показательно, что практически в каждом стихотворении Рубцова на «лесную тему» помимо образов древесных растений присутствуют образы каких-либо грибов или ягод. Такому обилию лесных даров в произведениях поэта, скорее всего, способствовало его личное пристрастие к «тихой охоте» (выражение С.Т. Аксакова). При этом «грибник он был прирождённый, удачливый на зависть» [13, с. 204]. В одном из писем А.Я. Яшину Рубцов одними восклицательными предложениями красочно описывает свою любовь к собиранию грибов, особенно рыжиков. Если о том, какая древесная порода: берёза, ива или сосна – наиболее любима поэтом, можно спорить, то в том, что его самый любимый гриб – рыжик, нет никакого сомнения. *«Ну ладно! Я рыжиков вам принесу...»* [11, с. 105] – восклицает от полноты чувств его лирический герой, поражённый мудрыми словами старого пастуха («Жар-птица»). А *«всех ягод лучше – красная смородина...»* («В лесу») [11, с. 124].

В одном из поздних стихотворений «Что вспомню я?..», пытаюсь восстано-

вить в памяти события давно минувших лет, поэт с горечью убеждается, что многие из них стёрлись, и теперь о его детских болях и радостях *«лишь помнят зелёные чащи / Да тёмный еловый лес!»* [11, с. 434].

У Рубцова, несмотря на его пронзительную любовь к русской земле, сравнительно мало так называемой пейзажной лирики. Первым на этот факт указал А.П. Ланщиков в статье «Поэт и природа»: «У Николая Рубцова трудно найти стихотворение, в котором бы отсутствовал образ родной природы, и в то же время пейзаж как таковой почти отсутствует в его стихах» [7, с. 164].

В знаменитом стихотворении «Букет», положенном на музыку Александром Барыкиным, о лугах, где происходит лирическое событие, сообщается только то, что они «глухие», а о луговых цветах – что «скромные». Других эпитетов в стихотворении нет, но это никак не сказывается на силе его художественного воздействия. Стихотворение «Левитан», в котором обыгрываются мотивы картин художника, показательно характерным для Рубцова художественным приёмом, когда красота колокольчикового луга передаётся не его подробным описанием, а сравнением со звоном колоколов: *«Твои луга звенят не глуше / Колоколов твоей Руси»* [11, с. 53].

И всё-таки некоторые произведения Рубцова представляют собой именно пейзажную лирику. В их числе стихотворение «Прекрасно пробуждение земли!..», хотя в нём и содержится признание в том, что передать словами очарование пробуждающейся природы невозможно: *«Роса переливается на травах, / Да так, что даже слов не подберёшь!»* [11, с. 384]. Наиболее

чётко жанровые признаки пейзажной лирики обозначены в стихотворении «В старом парке». Здесь нет действующего лирического героя, а автор является только рассказчиком, что Рубцову обычно не свойственно. В то же время это стихотворение можно отнести и к философской лирике: вслед за описанием разрушенной и заросшей крапивой барской усадьбы идут размышления о непостижимости природы в целом: *«Подует ветер! / Сосен тёмный ряд / Вдруг зашумит, / Застонет, занеможет, / И этот шум Волнует и тревожит, / И не понять, О чём они шумят»* [11, с. 226].

Формально к пейзажной лирике можно отнести и стихотворение «Ферапонтово», являющееся примером мощного и благотворного духовного влияния природы на человека. В нём, по выражению В.В. Кожина, «высшее проявление человеческих возможностей “возникло” подобно тому, как возникали трава, вода, берёзы» [4, с. 28]. Сам Ферапонтов монастырь внесён в 2000-м г. ЮНЕСКО в список Всемирного наследия благодаря сохранившимся в соборе Рождества Богородицы фрескам живописца Дионисия и удивительно гармоничному единению монастырского ансамбля с окружающим его природным ландшафтом. А может быть, и благодаря данному стихотворению Рубцова, ведь именно эти особенности Ферапонтова монастыря легли в основу его сюжета. Начинается оно с любования окружающей монастырь местностью: *«В потемневших лучах горизонта / Я смотрел на окрестности те, / Где узрела душа Ферапонта / Что-то Божье в земной красоте»*. Затем повествуется о «небесно-земном Дионисии», который *«...это*

дивное диво возвысил...». И в заключительных строках природа и творение человеческого гения объединяются в единое, наполненное святостью целое: «Неподвижно стояли деревья, / И ромашки белели во мгле, / И казалась мне эта деревня / Чем-то самым святым на земле...» [11, с. 266].

Не играя самостоятельной роли, пейзаж, тем не менее, в лирике Рубцова весьма значим и несёт на себе большую эмоциональную и смысловую нагрузку. Главными приметами родной земли для поэта стали природные ландшафты: «глухие» вологодские луга, холмы «задремавшей отчизны», «тёмный еловый лес», «болото, на сотни вёрст усыпанное клюквой» и др. На них сосредоточена «непобедимая» любовь лирического героя к родине, и они являются своеобразным связующим звеном между прошлым, настоящим и будущим Руси. Поэт в своих произведениях создал некое метафизическое пространство, на котором существуют многие поколения людей и растений, а ландшафты, как природные, так и окультуренные человеком,

являются хранителями исторической памяти. Отдельно взятые растения, образующие эти ландшафты, тоже им любимы, но их образы при этом часто предстают слабыми перед лицом судьбы: их ломает ветер, уносят потоки воды, губят заморозки, режет коса и т. д. Может быть, это отголоски горького сиротского детства поэта.

В целом лирическое пространство Николая Рубцова не отличается разнообразием флористических образов (особенно, в сравнении с другим певцом Северной Руси – Николаем Клюевым). Но при этом (в отличие от того же Клюева, некоторые произведения которого смешением северно-русских и экзотических пород растений напоминают ботанический сад) образы растений у него органично вписываются в те ландшафты, которым они принадлежат (возможно, сказывается незаконченное лесное образование). «Это “ощущение” органической необходимости в художественном творчестве» [2, с. 454] позволяет говорить о приверженности Рубцова есенинским принципам «климатического стиля».

ЛИТЕРАТУРА

1. Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 5 / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: Наука; Голос, 1995–2002.
2. Ильин И.А. Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 3. М.: Русская книга, 1994.
3. Каркавцев В. Он жизнь прожил, как песню спел (Приложения и комментарии) // Рубцов Н.М. Звезда полей. М.: Воскресенье, 1999. С. 558–563.
4. Кожин В.В. Николай Рубцов. Заметки о жизни и творчестве поэта. М.: Советская Россия, 1976. 88 с.
5. Коняев Н.М. Николай Рубцов. М.: Молодая Гвардия, 2001. 364 с.
6. Корякина М. Душа хранит // Воспоминания о Рубцове: Сборник. Архангельск; Вологда: Сев.-Зап. кн. изд.-во. Волог. отделение, 1983. С. 236.
7. Ланщиков А.П. Поэт и природа. Памяти Николая Рубцова // Чувство пути. М.: Сов. Россия, 1983. С. 164–171.
8. Московская Д.С. Локально-исторический метод Н.П. Анциферова // Русское литературоведение XX века: имена, школы, концепции. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 179–185.

9. Оботуров В.А. Искреннее слово. Страницы жизни и поэтический мир Николая Рубцова: Очерк. М.: Советский писатель, 1987. 256 с.
10. Педенко С.Ф. Самая жгучая связь // Рубцов Н.М. Звезда полей. М.: Воскресенье, 1999. С. 5–30.
11. Рубцов Н.М. Звезда полей. Собр. соч.: В 1 т./ Сост., подгот. текстов, приложения и комментарии Л.А. Мелкова, Н.Л. Мелковой. М.: Воскресенье, 1999. 672 с.
12. Рубцов Н.М. Коротко о себе // Воспоминания о Рубцове: Сборник. Архангельск; Вологда: Сев.-Зап. кн. изд.-во. Волог. отделение, 1983. С. 289.
13. Чухин С. До последнего дня // Воспоминания о Рубцове: Сборник. Архангельск; Вологда: Сев.-Зап. кн. изд.-во. Волог. отделение, 1983. С. 204.

REFERENCES

1. Esenin S.A. *Polnoe sobranie sochinenii*. T. 5 [Complete collection of works. Vol. 5]. Moscow, Nauka; Golos Publ., 1995-2002.
2. Il'in I.A. [I peer into life. The book of meditation]. In: *Sobranie sochinenii*. T. 3 [Collected works. Vol. 3]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1994.
3. Karkavtsev V. [He was living his life as has was singing a song (Appendixes and comments)]. In: *Rubtsov N.M. Zvezda polei* [N. Rubtsov. Star of fields]. Moscow, Voskresen'e Publ., 1999. pp. 558–563.
4. Kozhinov V.V. *Nikolai Rubtsov. Zametki o zhizni i tvorchestve poeta* [Nikolay Rubtsov. Notes on the life and work of the poet]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1976. 88 p.
5. Konyaev N.M. *Nikolay Rubtsov* [Nikolay Rubtsov]. Moscow, Molodaya Gvardiya, 2001. 364 [4] p.
6. Koryakina M. [Soul keeps]. In: *Vospominaniya o Rubtsove* [Memories of Rubtsov]. Arkhangel'sk; Vologda, Severno-zapadnoe Publishing House, Vologda branch, 1983. pp. 236.
7. Lanshchikov A.P. [The poet and nature. The Memory Of Nikolay Rubtsov]. In: *Chuvstvo puti* [A sense of a way]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1983. pp. 164–171.
8. Moskovskaya D.S. [Local-historical method of N. Antsiferov]. In: *Russkoe literaturovedenie XX veka: imena, shkoly, kontseptsii* [The Russian literature of the 20th century: names, schools, concepts]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2012. pp. 179–185.
9. Oboturov V.A. *Iskrennee slovo. Stranitsy zhizni i poeticheskii mir Nikolaya Rubtsova: Ocherk* [A sincere word. Life and poetic world of Nikolay Rubtsov: an Essay]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1987. 256 p.
10. Pedenko S.F. [The most burning connection]. In: *Rubtsov N.M. Zvezda polei* [N. Rubtsov. Star of fields]. Moscow, Voskresen'e Publ., 1999. pp. 5–30.
11. Rubtsov N.M. *Zvezda polei. Sobranie sochinenii* [Star of fields. Collected works]. Moscow, Voskresen'e Publ., 1999. 672 p.
12. Rubtsov N.M. [Briefly about myself]. In: *Vospominaniya o Rubtsove*: [Memories of Rubtsov]. Arkhangel'sk; Vologda, Severno-zapadnoe Publishing House, Vologda branch, 1983. pp. 289.
13. Chukhin S. [Till last day]. In: *Vospominaniya o Rubtsove* Arkhangel'sk; [Memories of Rubtsov]. Arkhangel'sk; Vologda, Severno-zapadnoe Publishing House, Vologda branch, 1983. pp. 204..

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Щербаков Сергей Анатольевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Мытищинского филиала Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана;
e-mail: caf-rus@mgul.ac.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey A. Shcherbakov – Doctor in Philological Sciences, professor at the Department of the Russian language in the Mytishchi Branch of Bauman Moscow State Technical University;
e-mail: caf-rus@mgul.ac.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Щербаков А.С. Природные ландшафты в поэзии Николая Рубцова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 1. С. 94-102
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-94-102

FOR CITATION

Shcherbakov A.S. Natural landscapes in the poetry by Nikolay Rubtsov. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 1, pp. 94-102
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-94-102

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 929Хализев

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-103-108

ВАЛЕНТИН ЕВГЕНЬЕВИЧ ХАЛИЗЕВ – ТЕОРЕТИК, УЧИТЕЛЬ-НАСТАВНИК

Щедрина Н.М.

Московский государственный областной университет

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

VALENTIN EVGENIEVICH KHALIZEV – THEORETICIAN, TEACHER-MENTOR

Shchedrina N.M.

Moscow Region State University

10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation

В настоящее время едва ли можно найти филолога, будь он студентом или преподавателем, который бы мог обойтись без вузовского учебника по теории литературы, принадлежащего заслуженному профессору Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, лауреату Ломоносовской премии, Валентину Евгеньевичу Хализеву (1930–2016). Вся научная и педагогическая деятельность профессора Хализева связана с МГУ. У него учились студенты более пятидесяти выпусков филологического факультета, ставшие затем ведущими теоретиками нашей страны, работающими во многих вузах России и Зарубежья.

XIII Поспеловские чтения 2017 г., проходившие на кафедре теории литературы филологического факультета МГУ в день рождения М.М. Бахтина, были посвящены памяти В.Е. Хализева. Главная тема форума, обсуждаемая в пяти секциях 110 заявленными участниками, – «Аксиологические проблемы в художественной литературе» – связана с ценностными ориентирами при анализе художественного произведения, которые выдвигал В.Е. Хализев. Не только выступавшие на пленарном заседании, но и 23 докладчика секции под номером один вели разговор о методологии аксиологического подхода в работах Хализева, а также о его роли «в развороте» отечественной науки о литературе к поэтике, принадлежности учёного к «внеаправленческому литературоведению».

Коллеги и ученики к началу конференции выпустили сборник «Труды и дни» [4] с предисловием профессоров кафедры теории О.А. Клинга и Л.В. Чернец. Первая часть книги включает тексты В.Е. Хализева – от теоретических размышлений об искусстве мизансцены до откровений «из прошлого нашей семьи». Во

© Щедрина Н.М., 2018.

вторую часть вошли воспоминания известных учёных, как российских – В.И. Коровина, Е.Г. Рудневой и др., так и зарубежных – Д.М. Урнова (США, Калифорния), М.Н. Эпштейна (США, Атланта, университет Эмори) и др. Эту часть дополняют письма Хализева к известному профессору, доктору филологических наук из Санкт-Петербурга Б.Ф. Егорову и к профессору, доктору филологических наук Российского государственного гуманитарного университета В.И. Тюпе. В этих письмах, казалось бы очень личных, проступает великое уважение Валентина Евгеньевича к «полуумирающей деревне» 1960-х гг., которая, по его словам, тем не менее несёт «неистребимый свет». Теоретик испытывал великую благодарность к В. Астафьеву, В. Белову, В. Распутину, интересны его суждения и о духовных писателях Родионе Путятине, Вал. Свенцицком.

Профессор МПГУ В.И. Коровин, дружба Хализева с которым началась ещё в школьные годы, пишет о Валентине Евгеньевиче: «...во всём его облике была какая-то неподдельная искренность, здравость ума и чувства, неколебимая честность».

В третью часть книги «Труды и дни» вошли статьи учеников, членов кафедры и тех, кто дорожил дружбой с Хализевым. Рамки настоящего обзора не позволяют представить их в полной мере. Всех авторов объединяет любовь и глубокое уважение к личности учёного и педагога.

Выдвинутые концепции Хализева-теоретика широко используются при анализе теоретических проблем в литературоведении. Моё отношение к ним складывалось в 1970–1980-е гг., когда я, будучи аспиранткой и доктор-

анткой МГУ, имела возможность присутствовать на его семинарах, лекциях. Помню, как на научной конференции в МГУ Валентина Евгеньевича заинтересовал мой доклад о карнавализации в литературе (использовала методологию М. Бахтина), он попросил прислать ему текст (электронной почты тогда не было, выслала обычной), позже состоялся разговор двух заинтересованных людей – на равных.

Впоследствии я много раз обращалась к исследованиям учёного, особенно в период работы над многотомной эпопеей А. Солженицына «Красное Колесо», когда необходимо было очертить круг произведений, в которых другие писатели рассматривали проблемы, близкие Солженицыну. Для участия в XIII Поспеловских чтениях мною был подготовлен доклад «Концепция “ближайших” и “удалённых” контекстов В.Е. Хализева в литературоведческой практике». В своей теории Хализев [5, с. 291] выделял «ближайшие» и «удалённые» контексты. «Ближайшими» он считал «наиболее конкретные и могущие быть более или менее чётко констатированными» – это и творческая история произведения, запечатлённая в черновиках и предварительных вариантах, и биография автора, и свойства его личности, и его окружение (семейно-родственная, дружеская, профессиональная «микросреда»).

«Удалёнными» [контекстами] называл более общие и часто не обладающие определённой конкретностью. В них он включал явления «социально-культурной жизни современности автора». Типологизируя контексты, В.Е. Хализев подчёркивал их значимость.

Методология учёного применима, на мой взгляд, и к «Красному Колесу»

А.И. Солженицына. Но выбор контекста зависит от ориентиров исследователя, и не все с таким подходом согласны. Существует мнение, что «изучать Солженицына трудно... эта фигура русской литературы XX столетия предстаёт вне контекста равновеликих и равновесных явлений» [1]. А те, кто рассматривают эпопею в контекстном поле, место «Красному Колесу» определяют среди произведений В. Набокова, М. Булгакова, Ю. Тынянова, Б. Пастернака, проводя параллели как с творениями русской классической литературы: «Мёртвыми душами» Гоголя, произведениями Лермонтова, «Войной и миром» и «Анной Карениной» Л. Толстого, так и с произведениями XX в.: «Доктором Живаго» Пастернака, «Белой гвардией» Булгакова, рассказами Бабеля и Зощенко, стихами Гумилёва, Волошина [2].

Особенно продуктивным, по моему мнению, видится соотнесение «Красного Колеса» с исторической прозой тех авторов, которые обращались во второй половине XX столетия к русской истории, если принимать во внимание хронологические рамки непосредственной работы писателя над романом. Такой попытки анализа не было предпринято в литературоведении, а между тем подобный подход способствует выявлению значимости книги А. Солженицына в литературном процессе, хотя автор «Красного Колеса» едва ли был бы согласен с таким контекстом. По словам В.Е. Хализева, самому писателю, безотносительно к Солженицыну, многоплановость контекста не всегда внятна [5, с. 295], но она, безусловно, важна для учёных.

Ещё М. Бахтину в своё время удалось разъяснить парадокс, почему ав-

тор понимает смысл своего произведения более узко, чем читатели-потомки. Автор не подозревает о тех глубинных связях, ассоциациях, которые созданы задолго до него традицией, тем более он не может предугадать новый культурный контекст, в котором будет восприниматься его творчество. Но М. Бахтин говорил и об опасности расширительного толкования контекста и неадекватной оценки сочинения. Избирательное отношение к контексту требует такта, чутья, вкуса. С другой стороны, полнота контекста ограждает от фетишизации отдельных произведений, оценивающих их как некие шедевры. Контекст помогает выявить потенциальное значение и «надтекстовые» связи. Позиции М.М. Бахтина разделял и В.Е. Хализев.

В обрисовке концептуальной картины развития русской истории представляются идейно и тематически связанными с «Красным Колесом» романы писателей русского зарубежья: М. Алданова – «Истоки» (1946), «Самое убийство» (1957); В. Максимова – «Заглянуть в бездну» (1990). В один ряд с ними выстраиваются произведения, вышедшие в СССР: цикл Д. Балашова «Государи Московские», включающий 10 романов, созданных в период с 1975-го по 2000 г.; роман Ю. Трифонова «Нетерпение» (1973), произведения Ю. Давыдова, написанные с 1970-го по 2001 г. Писателей советского времени объединяет альтернативный утверждённому идеологией взгляд на историческое движение России.

Определив круг произведений, составивших контекст «Красного Колеса», воспользовавшись методологией В.Е. Хализева, делим их по отношению к эпопее А. Солженицына на

«удалённые» и «ближайшие». К «удалённым» контекстам относятся произведения Д. Балашова, Д. Мережковского, В. Астафьева. Из них ближе всех к автору «Красного Колеса» Балашов и Астафьев.

«Удалённые» контексты базируются на принципе сравнительно-типологических связей и позволяют выявить общее поле взаимодействия историко-софских взглядов писателей.

В цикле романов «Государи Московские» Д. Балашов стремится к объективному изображению прошлого, как и Солженицын, его точку зрения «формирует» субъективное видение, которое связано с теорией пассионарности Л.Н. Гумилёва. Оба писателя разрушали миф о вековой неблагоустроенности России и её мужика. Особенно это ощутимо в «Августе Четырнадцатого». Крепким быт изображён и в «Октябре ...», когда, по словам Солженицына, Россия дана как «ещё красивая, богатая, мощная страна» [3].

В разговоре об «удалённом» контексте необходимо обратиться к феномену В. Астафьева, художника во многом близкого к А. Солженицыну своим отношением к России, которой он терзался до последних дней, как и автор «Красного Колеса». Астафьев и Солженицын отличаются от других трагизмом судьбы, и использованием в произведениях личного опыта, и некоторыми художественными приёмами. Но главное – любовь к отчизне.

Наброски неоконченной статьи «Беглецам из Семьи» А. Солженицын посвятил судьбе России. «Семьёй» (с заглавной буквы) он называл Отечество, «беглецами» – тех, кто отступил от заветов и традиций предков, право-

славной веры, от свободного и богатого русского языка.

В «ближайший» контекст «Красного Колеса» входят произведения русских эмигрантов, недоступные для русского читателя в годы изгнания Солженицына. Возвращение их в Россию совпало с публикацией солженицынских романов. Писатели разных «волн» русского зарубежья обращались к историческим периодам и личностям, как и Солженицын. Это касается Марка Алданова. По мнению и Алданова, и Солженицына всякая революция по самой своей природе ужасна, и другой быть не может, прообраз октябрьского переворота оба писателя искали в прошлом, истоки национальной трагедии связывали с деятельностью террористов-народников, подготовивших благодатную почву насилия и нетерпения, на которой впоследствии и пророс марксизм.

Есть общее между А. Солженицыным и В. Максимовым в трактовке событий революции и гражданской войны. Оба полагали, что русский народ, не будучи скованным окаменелыми формами жизни, обладая свободой духа для выполнения великих задач грядущего, начнёт осуществлять свою Богом предначертанную миссию.

Ближе всего по контексту к «Красному Колесу» произведения писателей советского времени Ю. Трифонова и Ю. Давыдова. Трифонов и Солженицын писали об опасности субъективного, самовольного в истории. Трифонов осмысливал проблему на примерах народовольчества и репрессий. В подходе к террористическому Давыдова, Трифонова важным моментом является философия предательства, фальсификации истины и её поиск, выраженные психологически объёмно.

Автор «Красного Колеса» заговорил в литературе XX в. о народовольчестве одним из первых, когда оно не было ещё доступно в полной мере и разработано историками. Солженицын раскрыл малоизвестные факты в самом движении, в судьбах отдельных личностей и выразил своё отношение к лидерам, их нравственным и этическим нормам и поступкам. Речь шла об ответственности перед историей – и тех, кто участвует в террористических актах, и тех, кто на них провоцирует, а затем их же и выдаёт.

В сравнении с Трифоновым и Давыдовым взгляд Солженицына устремлён к последующим этапам революционной борьбы. Он связал народовольчество с терроризмом и с большевизмом, раскрыл их общие истоки, цели, меры воздействия на окружающих, показал, к чему этот путь привёл Россию в настоящем, вывел народовольчество на уровень историософских рассуждений и обобщений.

Итак, феноменальность «Красного Колеса» становится очевидной, когда выходишь на уровень контекстного прочтения эпопеи, рассматриваешь её в

ряду с другими произведениями Д. Балашова, В. Астафьева, М. Алданова, В. Максимова, Ю. Трифонова, Ю. Давыдова. Профессор В.Е. Хализев считал, что «чем шире и полнее учтены литературоведом связи произведения с предшествующими ему явлениями и фактами (как литературно-художественными, так и непосредственно жизненными), тем больше «выигрывают» анализ и интерпретация. Вместе с тем изучение контекстов литературного творчества – это необходимое условие проникновения в смысловые глубины произведений, одна из существенных предпосылок постижения как авторских концепций, так и первичных интуиций писателя» [5, с. 292], а это уже не только разговор на историко-литературном уровне, но и на уровне поэтики.

Концепция контекста получила дальнейшее продолжение в теории В.Е. Хализева. Он выдвинул, но не расшифровывал понятие «стимулирующих контекстов». Было бы целесообразным рассмотреть такой подход в литературоведческой практике и на уровне «Красного Колеса», но это уже другая задача.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голубков М.М. Александр Солженицын: В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. 2-е изд. М., 2001. С. 5.
2. Немзер А.С. «Красное Колесо» Александра Солженицына: Опыт прочтения. М., 2010.
3. Солженицын А.И. Публицистика: В 3 т. Ярославль: Верхне-Волжское книжное изд-во, 1995. Т. 3. С. 258.
4. Труды и дни. Памяти В.Е. Хализева: сборник / под ред. О.А. Клинга, С.А. Мартыановой, О.В. Никандровой, Л.В. Чернец (отв. ред.). М.: МАКС Пресс, 2017. 448 с.
5. Хализев В.Е. Теория литературы. М., 1999.

REFERENCES

1. Golubkov M.M. *Aleksandr Solzhenitsyn: V pomoshch' prepodavatelyam, starsheklassnikam i abiturientam* [Alexander Solzhenitsyn: To help teachers, pupils and students]. Moscow, 2001. pp. 5.
2. Nemzer A.S. «*Krasnoe Koleso*» Aleksandra Solzhenitsyna: *Opyt prochteniya* ["The red Wheel" by Alexander Solzhenitsyn: the Experience of interpretation]. Moscow, 2010.

3. Solzhenitsyn A.I. *Publitsistika* [Journalism]. Yaroslavl', Verkhne-Volzhskoe publishing house, 1995, vol. 3, pp. 258.
 4. Kling O.A, Mart'yanova S.A., Nikandrova O.V., ed.; Chernets L.V. chief ed. *Trudy i dni. Pamyati V.E. Khalizeva: sbornik* [Works and days. In memory of V. Khalizeva: a collection]. Moscow, MAKS Press Publ., 2017. 448 p.
 5. Khalizev V.E. *Teoriya literatury* [Theory of literature]. Moscow, 1999.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Щедрина Нэлья Михайловна – профессор кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета;
e-mail: schedrina@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nellya M. Shchedrina – Professor at the Department of the Russian Literature, Moscow Region State University;
e-mail: schedrina@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Щедрина Н.М. Валентин Евгеньевич Хализев – теоретик, учитель-наставник // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 1. С. 103-108
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-103-108

FOR CITATION

Shchedrina N.M. Valentin Evgenievich Khalizev – theoretician, teacher-mentor. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 1, pp. 103-108
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-103-108

РЕЦЕНЗИИ

УДК 821.161.1.09

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-109-112

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Т.К. БАТУРОВОЙ «ДУХОВНЫЕ ПОДВИЖНИКИ И РУССКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» (М.: ИИУ МГОУ, 2016. 244 С.)

Аношкина В.Н.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

REVIEW OF T. BATUROVA'S MONOGRAPHY "SPIRITUAL ASCETICS AND THE RUSSIAN CLASSICAL LITERATURE" (MOSCOW, MRSU ED. OFF. PUBL., 2016. 244 P.)

V. Anoshkina

*Moscow Region State University
10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation*

Доктор филологических наук, профессор Т.К. Батунова, многолетняя исследовательница литературы пушкинского времени, на новом этапе своей деятельности сосредоточилась на изучении духовно-религиозных основ русской литературы, их многообразных проявлений в русской культурной жизни XIX в. Обширная эрудиция Т.К. Батуровой, её специальные труды (лекции и публикации) в области литературной критики, религиоведения, обращённого к художественному творчеству, мемуаристике, русским святым, позволили создать монографию – обстоятельный труд, логически убедительный и весьма, весьма актуальный. Батунова как личность, как поистине творческая индивидуальность отличается цельностью душевно-нравственной натуры, верностью избранным, выработанным в трудовой интеллектуальной деятельности принципам и идеалам. История её работы в МГОУ, список научных публикаций говорят о раннем, давнем идейно-религиозном формировании исследовательницы – сосредоточении на изучении влияния святых подвижников на реальную жизнь, а особенно – на художественное литературное творчество. Работая на кафедре русской классической литературы, Т.К. Батунова плодотворно содействовала в течение

десятилетий сплочению кафедры во-круг изучения влияния наших святых на русскую литературную классику. Её сборник, составленный вместе с религиозным филологом В.П. Зверевым «Грядите с Богом! Преподобный Серафим Саровский и духовность русской литературы XIX в.» имел серьёзный успех и был выпущен авторитетным издательством «Пашков дом». Также и работы Т.К. Батуровой, посвящённые святому праведному Иоанну Кронштадтскому, получили общее одобрение и вошли в фундаментальное монографическое коллективное издание «Газета “Русь” 1880 – 1886 годов».

Многолетний труд Т.К. Батуровой в избранном ею направлении, начатый ещё в кандидатской диссертации, продолженный в докторском исследовании, затем в монографических изданиях, в статьях, рецензиях на труды единомышленников и учеников, – всё это заслуженно увенчалось большим успехом. Книга «Духовные подвижники и русская классическая литература» получила грамоту «Шестого Дальневосточного регионального конкурса изданий высших учебных заведений “Университетская книга – 2017”» в номинации «Лучшее издание по гуманитарным наукам».

Особенно хочется одобрить высокую оценку Батуровой научного наследия талантливого и глубокого религиозного литературоведа М.М. Дунаева «Православие и русская литература»; недопустимо забвение фундаментальных трудов этого исследователя – основателя «религиозного направления» в современном литературоведении.

Весьма убедительны и верны собственные исходные философские постулаты исследовательницы, направленные на изучение важнейшей

проблемы соотношения человеческого знания и веры, твёрдое убеждение в «изначально существующей между ними гармонии». Справедливо заявлен в книге главный тезис философских исследований Т.К. Батуровой: «Религиозное чувство определяет человеческое бытие, влияет на мировоззрение, поэзию, нравственность» [с. 5].

Логика собственных литературоведческих трудов исследовательницы сразу же привела к А.С. Пушкину, который, как известно, «наше всё». Т.К. Батурова, верный поэту пушкинист, провозгласила единение у русского гения религиозной духовности и его поэзии: «душа в заветной лире» у Пушкина издавна стала предметом научных трудов автора.

Оформляя своё исследование, Т.К. Батурова выделила две «части», исчерпывающие в своём замысле (а в идеале неисчерпаемые) решение главных задач: 1) осмысление самой личности духовного подвижника, святого, его влияния на людей, входивших в общение с ним, а также и на широкую общественно-культурную жизнь той эпохи и даже за её пределами. Она пересоздала, пользуясь воспоминаниями современников святых и научными исследованиями, образы самых почитаемых в России людей – обаяние их духовно-душевного мира, общение с людьми, нуждающимися в помощи, сердечном участии, молитвах и неизменно их получающими. Так, исследовательница воспроизвела в своей монографии покоряющие духовной привлекательностью и силой благотворного воздействия на человека образы преподобного Серафима Саровского, митрополита Филарета (Дроздова), святого праведного Иоанна Кронштадтского. Таким путём

она охватила весь XIX в., показала его святую опору в начале столетия, середине и на завершающем этапе, в преддверии последнего века в тысячелетии. Каждая из этих частей (автор труда не стремится к формализации своего текста, не употребляет слова «глава») в своей сущности раскрывает движение духовно-нравственных идей и настроений, формирование задач преодоления нигилизма и идейного радикализма, задач становления личности, стремящейся к духовному совершенствованию людей и самосовершенствованию.

В методологии первой части своего труда Т.К. Батунова заметно тяготеет к психолого-педагогическим наблюдениям и заключениям. Её интересует «детский период» жизни, детская психика и этика; «будьте как дети» – заповедь, к которой восходили нередко наставления преподобного Серафима Саровского. Исследовательница внимательна в своей работе и к такому периоду жизни человека, как старость, предчувствие смерти и она сама, даже загробное существование человека. Редко исследователи решаются говорить об этом. Но задачи представленного труда, собственный религиозный настрой автора монографии позволили касаться и заповедных тем, по сути, столь важных для каждого человека. Этически, психологически убедительны сформулированные здесь тезисы.

Вторая часть монографического труда посвящена другой стороне решаемой проблемы: обращению русской художественной литературы к святости, христианским заповедям, к русским святым и непосредственному общению с ними наших писателей и поэтов. Речь здесь идёт об А.С. Пушкине, поэтах его круга, в частности о Н.М. Языкове, а также о

Ф.И. Тютчеве, его семье, К.Н. Леонтьеве, о печатных изданиях XIX в., нередко мало изученных, публикующих произведения сейчас почти, к сожалению, забытых авторов. Т.К. Батунова, будучи знатоком «альманачного периода» русской литературы, воскрешает их, выводит из забвения. Научный интерес и этой части представленной работы, её новизна несомненны.

С чем можно отчасти поспорить, читая книгу Т.К. Батуновой, так это с отношением к понятию «идеология», которое исследовательница связала с теорией классовой борьбы, марксистским наследием XX в. Однако понятие «идеология» восходит к двум очень важным составляющим: «идея» (система идей – это мировоззрение человека) и «идеал» (совокупность высших ценностей, целеустремлений человека и общества). И тот и другой смыслы слова, их совокупность необходимы человеку как явлению социально-культурному, духовно-нравственному. Нельзя отказать человеку в его стремлении выработать своё мировоззрение, понимание (не только его «прав», но и «обязанностей», его «долга» обществу, государству и т. д.). Также важно и осознание идеалов. «Безыдеальность», а также «безыдейность», «бездуховность» делают социум бескрылым, приземлённым, лишают перспектив. Однако Батунова уточнила свою критику понятия «идеология»: она имела в виду «материалистическую идеологию» [с. 7]. В этом случае с автором книги следует согласиться. Права Т.К. Батунова в критических замечаниях в адрес тех, кто недооценивает важность духовного общения людей, его глубинных психологических механизмов, а также социальной реализации этих духовных потребностей человека.

Современная жизнь нового тысячелетия, с его «плюрализмом» в мировоззрениях некоторых представителей интеллигенции, со следами «официального атеизма» прошедшего века, с трудностями осознания современных социальных, да и природных катаклизмов, нередко ведёт к шаткости истинных ценностных ориентаций. Труд Т.К. Батуровой, выстраданный ею, основательно продуманный и даже сердечный, оказывается противоядием против «болезней» современности, достойным лекарством излечения,

указанием на надёжный путь обретения духовно-душевных нравственных ценностей.

Бесспорно, ценная работа Батуровой о русских святых заслуживает расширенного переиздания с включением в него и других статей автора с близкой проблематикой, а также с дополненной библиографией (в настоящем издании в ней есть пробелы).

Работа профессора Т.К. Батуровой актуальна, плодотворна и для молодого поколения, и для людей, умудренных опытом жизни.

ЛИТЕРАТУРА

Батурова Т.К. Духовные подвижники и русская классическая литература. М.: ИИУ МГОУ, 2016. 244 с.

REFERENCES

Baturova T.K. *Dukhovnye podvizhniki i russkaya klassicheskaya literatura* [Spiritual ascetics and the Russian classical literature]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2016. 244 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Аношкина Вера Николевна – доктор филологических наук, профессор; заслуженный деятель науки РФ.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vera N. Anoshkina – Doctor in Philological Sciences, professor; Honored Worker of Science of the Russian Federation.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Аношкина В.Н. Рецензия на монографию Т.К. Батуровой «Духовные подвижники и русская классическая литература» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 1. С. 109-112 DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-109-112

FOR CITATION

Anoshkina V.N. Review of T. Baturova's monography "Spiritual ascetics and the Russian classical literature". In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 1, pp. 109-112 DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-109-112

УДК 821.161. 1

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-113-118

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Т.И. ГЛАДКИХ «ИННОКЕНТИЙ (ВЕНИАМИНОВ):
УЧЁНЫЙ, ПЕДАГОГ, ПРОСВЕТИТЕЛЬ» (ХАБАРОВСК, 2016)****Александрова-Осокина О.Н.***Тихоокеанский государственный университет**680000, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 136, Российская Федерация***REVIEW OF THE BOOK BY T. GLADKIKH «INNOKENTIY (VENIAMINOV):
SCHOLAR. TEACHER. ENLIGHTENER» (Khabarovsk, 2016)****O. Alexandrova-Osokina***Pacific National University**136 Tihookeanskaya st., Khabarovsk, 680000, Russian Federation*

В 2016 г. в Хабаровске вышла книга дальневосточной писательницы Т.И. Гладких «Иннокентий (Вениаминов): учёный, педагог, просветитель» [2]. Было ли это задумано писательницей, или оказалось совпадением, но издание предварило юбилейную дату – 220 лет со дня рождения святителя (26 августа 1797 г.).

Святитель Иннокентий (Вениаминов, 1797–1879) – знаменитый миссионер и просветитель народов Восточной Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки, соратник генерал-губернатора Восточной Сибири графа Н.Н. Муравьёва-Амурского в великом деле освоения Дальнего Востока; с 1841 г. епископ (с 1850 г. архиепископ) Камчатский, Курильский и Алеутский; с 1868 г. митрополит Московский и Коломенский; причислен к лику святых Русской Православной Церковью в 1977 г. Это был талантливый и разносторонне образованный человек: строитель, художник, учёный-лингвист, этнограф, естествоиспытатель, богослов, духовный писатель.

Существующие материалы, посвящённые исследованию биографии и деятельности этого выдающегося духовного служителя России, незначительны по объёму и малодоступны широкому читателю: преимущественно это публикации в церковной периодике XIX и XX вв., эпизодические работы, выходившие небольшими тиражами и «затерявшиеся» в общем потоке литературы, материалы конференций, проходивших в Чите и Новосибирске¹; одной из самых значительных работ является книга И.П. Барсукова «Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский по его сочинениям, письмам и рассказам современников», вышедшая в 1883 г. [1]. Поэтому книга Т.И. Гладких является акту-

© Александрова-Осокина О.Н., 2018.

¹ Библиография о жизни и деятельности свт. Иннокентия, в частности, представлена в следующих источниках: [4], [5], [8].

альным и современным изданием, привлекающим внимание к исключительной личности святителя Иннокентия.

Татьяна Иннокентьевна Гладких кровно связана с историей Дальнего Востока: её предки – старинные казахи семьи Гладких и Кореневы, пришедшие на Амур в середине XIX в. вместе с Н.Н. Муравьевым-Амурским, а корни этих семей идут с Русского Севера, из Архангельской и Вологодской губерний. Литературное творчество Гладких начинается в середине 1980-х гг.: её рассказы появляются в журналах «Дальний Восток», «Смена», «Наш современник», а в 1996 г. выходят в Хабаровске отдельной книгой «Странники». К исторической тематике Татьяна Иннокентьевна переходит, задумав написать биографический роман о судьбе её рода – первых казаках-переселенцах. Однако, обратившись к истории освоения Приамурья, работая с исторической литературой и архивными материалами, автор, по её словам, почувствовала, что в истории освоения Дальнего Востока подвиг первых переселенцев (казаков, крестьян, солдат) неразрывно связан с духовной, миссионерской деятельностью священников Русской Православной Церкви – так начала создаваться книга о святителе Иннокентии.

Материалом для писательницы послужили, прежде всего, сочинения святителя Иннокентия, его эпистолярное наследие, путевые журналы (1850-67 гг.) [3; 6; 7; 9], архивные и исторические материалы, связанные с освоением Дальнего Востока, свидетельства современников, а также сочинения о святителе, прежде всего, книга И.П. Барсукова.

Жанровые параметры произве-

дения сформированы принципами «документального повествования» и беллетризованной биографии. Здесь объединяются исторические, естественнонаучные, биографические и религиозно-духовные материалы; судьба и духовный подвиг святителя показаны в контексте истории его времени. Большое внимание уделяется внутренним мотивам и побуждениям, духовному выбору, Божественному предопределению в жизни святителя Иннокентия. Можно сказать, что здесь соединены традиции житийного изложения и научно-исторического.

Повествование следует за этапами жизненного пути святителя Иннокентия. Будущий подвижник (в миру Иван Евсеевич Попов) родился в 1797 г. в селе Ангинском Иркутской губернии; фамилия – Вениаминов была дана ему в Иркутской семинарии, где он учился с девяти лет, а имя Иннокентий много позже, в 1839 г., при пострижении в монашество (в честь святителя Иннокентия Иркутского (Кульчицкого)). По окончании семинарии в 1823 г., выполняя предписание Святейшего Синода, и по своему горячему желанию молодой священник с семьёй отправился с миссионерской деятельностью на Алеутские острова. Так начался его просветительский и миссионерский путь. География апостольского служения владыки – это земли Дальнего Востока и Русской Америки (острова Уналашка, Ситка, Кадьяк; Камчатка, Аляска, Якутия, Амур). Преосвященный выступает как истинный просветитель: он исследует природу и культуру новых земель и народов (алеутов, колошей, якутов, эскимосов, нивхов, корейцев), изучает языки, приобщает коренное население не только к право-

славной вере, но знакомит их с ремёслами, научными знаниями, открывает храмы и школы, переводит книги Священного писания на коренные языки, проповедует.

В 1840 г. Иннокентий Вениаминов был рукоположен в сан епископа (с 1850 г. – архиепископа) Камчатского, Курильского и Алеутского. В 1858–1867 гг. архиепископ Иннокентий выступил соратником графа Н.Н. Муравьёва-Амурского в деле присоединения Амура к России. После смерти митрополита Московского Филарета (Дроздова) в 1867 г. архиепископ Иннокентий был избран в сан митрополита Московского и Коломенского и, несмотря на преклонный возраст, в течение одиннадцати лет деятельно руководил митрополией. Святитель скончался 31 марта 1879 г. накануне Пасхи в Великую Субботу и был похоронен в Троице-Сергиевой Лавре [2; 5]

Спецификой книги Т.И. Гладких, выделяющей её из других жизнеописаний о святителе Иннокентии, является то, что здесь особо выделяется «Амурский период» в жизни преосвященного и подчёркивается его роль как сподвижника Н.Н. Муравьёва-Амурского в деле присоединения Приамурья к России. Это отражает и двучастная композиция произведения: первая часть охватывает жизнь святителя до «Амурского периода», а вторая – деятельность Иннокентия на Амуре и в Московской митрополии. Раздел «Приложение 1» содержит биографические сведения о выдающихся русских людях, осваивающих Дальний Восток с XVII в. Акцентировка «дальневосточной темы» в книге обусловлена не только «дальневосточной

пропиской» автора, но пониманием исключительной важности региона для политического и экономического укрепления России и осознанием масштабности подвига русских первопроходцев.

Особенно значимым видится то, что Т.И. Гладких в списке русских деятелей, осваивающих дальневосточные рубежи родины, значительное место уделяет и именам священников. Среди них, в частности, названы Аввакум (Чесной Д.С., 1801–1866), архимандрит, востоковед, служивший в Пекинской духовной миссии, в 1857–1858 гг., состоявший переводчиком при Н.Н. Муравьёве-Амурском во время переговоров с Китаем; Вениаминов Г.И. (1825–1880), сын святителя Иннокентия, первый священник и миссионер на Амуре; Орлов А.М. (1816–1889), иркутский протоиерей, педагог, учёный, лингвист, составивший грамматики манчжурского и монголо-бурятского языков, и многие другие, всего более двадцати имён религиозных подвижников, послуживших России на дальневосточных землях. Через всю книгу лейтмотивом проходит мысль о том, что освоение земли – это не только экономическая или военная мощь, но, прежде всего, духовное освоение пространства.

Образ преосвященного раскрывается в книге как многогранный, о чём свидетельствует и подзаголовок «учёный, педагог, просветитель». Внутренний мир святителя Иннокентия отражает его переписка, где, в частности, особенно обращают на себя внимание письма к детям. В них, по словам Т.И. Гладких, нет суровых наставлений, но много тёплых искренних советов, проникнутых сердечной любовью

и подлинным чувством смирения. [2, с. 226]. «Любезный сын мой, Гавриил Иванович! ... сердце у тебя доброе, а это в тысячу раз лучше способностей ума. ... иди на великое дело, указанное тебе Богом, но смотри, не охладевай сердцем в делании нивы Христовой» [2, с. 173]. Дочери он пишет: «Милая моя Кушенька! ... тебе советую, веди себя проще и будь со всеми ласкова ... Учись хорошенько, молись Богу усерднее » [2, с. 178]. В книге воссоздана атмосфера русской культуры XIX в., где единство частной жизни человека, государства и Церкви представлены в органичном, неразрывном единстве. Документальное повествование изобилует фактами церковной жизни: называются праздники, вводится терминология церковного и обрядового быта, говорится о различных традициях церковной жизни. В Приложении 2 приводится краткий словарь церковных терминов, что как бы очерчивает для читателя информационное пространство, в котором ему необходимо ориентироваться, книга также снабжена сносками лексического характера, разъясняющими диалектные сибирские слова.

Особо следует подчеркнуть качество оформления издания: обилие ред-

ких фотографий, гравюр, портретов, карт, этнографических зарисовок – все они прокомментированы и становятся в книге не просто иллюстрацией, но источником научных сведений. Всё это делает труд Гладких образцовым научно-популярным изданием, способствующим духовному и интеллектуальному обогащению читателя.

Работа Т.И. Гладких противостоит тенденции к забвению, о которой писал ещё Пушкин («мы ленивы и нелюбопытны»). Сегодня, говоря об освоении новых земель, мы быстрее вспомним жанр «вестерн», но затруднимся назвать факты героической истории нашей земли и нашего края – и в этом отношении книга Гладких как раз и является таким событием, историко-культурной и педагогической значимости. Произведение может принести большую пользу в образовательном процессе, в поддержке и активизации во многом утраченной сегодня у молодёжи культуры чтения, в формировании целостного представления об отечественной истории и воспитании патриотизма. Остаётся только сожалеть, что эта книга вышла «крошечным» тиражом в 400 экземпляров и надеяться на переиздание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барсуков И.П. Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский по его сочинениям, письмам и рассказам современников. М., 1883. 769 с.
2. Гладких Т.И. Иннокентий (Вениаминов): Учёный, педагог, просветитель: Документальное повествование / вст. ст. А.М. Филонов. Хабаровск, Издательский дом «Приамурские ведомости», 2016. 336 с.
3. Журналы священника Иоанна Вениаминова / сост. О.Д. Якимов. Якутск, 2005.
4. Иннокентий (Вениаминов) [Электронный ресурс] // «Древо». Открытая православная энциклопедия : [сайт]. URL: <http://drevo-info.ru/articles/10932.html#t10> (дата обращения: 20.08.2017)
5. Курляндский И.А. Иннокентий [Электронный ресурс] // Православная энциклопедия. Т. 22. М.: Церковно-научный центр РПЦ «Православная энциклопедия», 2009:

- [сайт]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/389619.html> (дата обращения: 15.08.2017).
6. Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского: в 3-х кн. / собр. И. Барсуков. СПб.: Синодальная типография, 1897–1901.
 7. Путевые журналы Высокопреосвященного Иннокентия, архиепископа Камчатского за 1850–51, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, 1867 гг. // Материалы для истории Камчатских церквей / сост. В. Крылов. Казань, 1909.
 8. Святитель Иннокентий (Вениаминов), митрополит Московский [Электронный ресурс] // Православная энциклопедия «Азбука веры»: [сайт]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Innokentij_Moskovskij/ (дата обращения: 20.08.2017).
 9. Творения Иннокентия, митрополита Московского: в 3-х кн. / собр. И. Барсуков. СПб.: Синодальная типография, 1886–1888.

REFERENCES

1. Barsukov I.P. *Innokentiy, mitropolit Moskovskii i Kolomenskii po ego sochineniyam, pis'mam i rasskazam sovremennikov* [Innokentiy, Metropolitan of Moscow and Kolomna, in his writings, letters and stories of his contemporaries]. Moscow, 1883. 769 p.
2. Gladkikh T.I. *Innokentiy (Veniaminov): Uchenyi, pedagog, prosvetitel': Dokumental'noe povestvovanie* [Innokentiy (Veniaminov): Scholar, teacher, educator: a Documentary narrative]. Khabarovsk, Priamurskie vedomosti Publ., 2016. 336 p.
3. Yakimov O.D., comp. *Zhurnaly svyashchennika Ioanna Veniaminova* [Journals of the priest John Veniaminov]. Yakutsk, 2005.
4. [INNOCENT (VENIAMINOV)]. In: «Drevo». *Otkrytaya pravoslavnaya entsiklopediya* ["Drevo". Open Orthodox encyclopedia]. Available at: <http://drevo-info.ru/articles/10932.html#t10> (accessed: 20.08.2017).
5. Kurlyandskii I.A. [Innokentiy]. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya. T. 22* [The Orthodox encyclopedia, vol. 22]. Moscow, Church-scientific center of the Russian Orthodox Church «Pravoslavnaya entsiklopediya», 2009. Available at: <http://www.pravenc.ru/text/389619.html> (accessed: 15.08.2017).
6. Barsukov I., coll. *Pis'ma Innokentiya, mitropolita Moskovskogo i Kolomenskogo* [The letter of Innokentiy, Metropolitan of Moscow and Kolomna]. St. Petersburg, Sinodal'naya tipografiya Publ., 1897–1901.
7. Krylov V., comp. [Travel journals by his Eminence Innokentiy, Archbishop of Kamchatka for 1850–51, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, 1867]. In: *Materialy dlya istorii Kamchatskikh tserkvei* [Materials for the history of the Kamchatka churches]. Kazan, 1909.
8. [St. Innocent (Veniaminov), Metropolitan of Moscow]. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya «Azбука very»* [Orthodox encyclopedia "the Alphabet of faith"]. Available at: URL: https://azbyka.ru/otechnik/Innokentij_Moskovskij/ (accessed: 20.08.2017).
9. Barsukov I., coll. *Tvoreniya Innokentiya, mitropolita Moskovskogo* [Works of Innocent, Metropolitan of Moscow]. St. Petersburg, Sinodal'naya tipografiya Publ., 1886–1888.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александрова-Осокина Ольга Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы и журналистики Тихоокеанского государственного университета;
e-mail: Osokina-11@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga N. Alexandrova-Osokina – Doctor in Philological Sciences, associate professor at the Department of Literature and Journalism, Pacific National University;
e-mail: Osokina-11@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Александрова-Осокина О.Н. Рецензия на книгу Т.И. Гладких «Иннокентий (Вениаминов): учёный, педагог, просветитель» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 1. С. 113-118

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-113-118

FOR CITATION

Alexandrova-Osokina O.N. Review of the book by T. Gladkikh «Innokentiy (Veniaminov): Scholar. Teacher. Enlightener». In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 1, pp. 113-118

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-113-118

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Выпускается десять серий журнала: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
2018. N 1

Над номером работали:

Литературные редакторы Т.Е. Шаповалова, М.С. Тарасова
Переводчик И.С. Шаповалов
Компьютерная вёрстка Д.А. Заботиной

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»
Информационно-издательского управления МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98
тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 доб. 6101
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 7,5, усл. п.л. 7,5.
Подписано в печать: 28.02.2018 г. Дата выхода в свет: 01.03.2018 г. Заказ № 2018/02-05.
Отпечатано в ИИУ МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10А